

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Преступление
Наказание
Исправление



Том 13 № 1

ISSN 2076-4162

2019

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – заместитель начальника психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хатуяева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 19.00.06.

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

Том 13 № 1
2019

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОВА Н. А. Путь длиною в 40 лет: вехи истории ВИПЭ ФСИН России	4	СЕРЕДА С. П. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения	78
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	9	САНТАШОВ А. Л., ЕФРЕМОВА Н. М. Применение принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных: проблемы дифференциации и индивидуализации	85
ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В. Философия уголовно-исполнительного права как метафеноменальная основа уголовно- исполнительной системы	9	УТОРОВА Т. Н. Проблемы уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и пути их решения	90
СЕЛИВЕРСТОВ В. И. Проблема определения веса почтовых посылок и передач осужденным к лишению свободы	15	КАРПУНИНА В. В. Некоторые общетеоретические и технико- юридические аспекты правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства	96
КУЗЬМИН С. И., МАЛЕТИНА Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе	21	НОВИКОВ Е. Е. Значение юридических фактов в механизме уголовно-исполнительного регулирования	102
НАГОРНЫХ Р. В. Механизм административно-правового регулирувания государственной службы в правоохранительной сфере и его содержание	28	РУДАКОВ А. М. Реализация иных убеждений несовершеннолетними осужденными: организационный и правовой аспекты	110
КУЗЬМИНЫХ А. Л., СТАРОСТИН С. И. Основные направления деятельности Государственной автомобильной инспекции Вологодской области в 1937–1991 гг.	35	ПИСАРЕВ О. М., ЕФИМЕНКО А. А. О некоторых направлениях совершенствования учебно-воспитательного процесса с осужденными в исправительных учреждениях	116
ГОЛОДОВ П. В. Методика оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций: проблемы и пути совершенствования	43	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	121
БОРОВИКОВ С. А. О конструировании цели наказания в уголовном законе	50	ЗАУТОРОВА Э. В. Изучение экзистенциальных ценностей ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы	121
АНАПОЛЬСКАЯ А. И., ДВОРЕЦКИЙ М. Ю. Основные способы и механизм легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций	53	КОВАЛЕВ С. В., ОБОТУРОВА Н. С., ЧИРКОВ А. М. Метапарадигма духовности в методологии юридической психологии	126
КОНДРАТОВСКАЯ С. Н., ВАЛЬКОВА Е. В. Особенности организации трудовой деятельности лиц, привлеченных к отбыванию наказания в виде обязательных и исправительных работ	59	КЕВЛЯ Ф. И. Прогностическая способность сотрудника уголовно-исполнительной системы как предпосылка реализации опережающей поддержки воспитанника	135
НЕКРАСОВ В. Н. Особенности уголовной ответственности за преступления в области телемедицины	63	БАСИНА Т. А. Особенности самоотношения у курсантов с разным уровнем склонности к манипулированию	141
ЛАТЫШЕВА Л. А., ЩЕРБАКОВА Д. С. Проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания	67	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	147
ПАВЛОВ А. А. Попечительский совет как форма взаимодействия и общественного контроля в уголовно- исполнительной системе России (исторический и правовой аспекты)	73		

CONTENT

BELOVA N. A. The 40-year-long path: milestones in the history of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia	4	PAVLOV A. A. Board of guardians as a form of interaction and public control in the Russian penal system (historical and legal aspects).	73
JURISPRUDENCE	9	SEREDA S. P. Differentiation and individualization of execution imprisonment when changing the type of correctional institution.	78
LAPSHIN V. E., SHAKHANOV V. V. The philosophy of penal law as a metafenomenal basis of the penal system	9	SANTASHOV A. L., EFREMOVA N. M. The use of compulsory medical measures against convicts: problems of differentiation and individualization.	85
SELIVERSTOV V. I. The problem of determining the weight of postal parcels and transfers for convicts	15	UTOROVA T. N. Problems of criminal liability for illegal crossing of the State border of the Russian Federation and their solutions	90
KUZMIN S. I., MALETINA E. A. Classification of subcultural relations in the criminal community	21	KARPUNINA V. V. Some general theoretical, technical and legal aspects of the legal culture of the penal legislation.	96
NAGORNYKH R. V. The mechanism of administrative and legal regulation of the civil service in law enforcement and its content	28	NOVIKOV E. E. The value of legal facts in the mechanism of the penal regulation	102
KUZMINYKH A. L., STAROSTIN S. I. The main activities of the State Automobile Inspectorate of the Vologda region in 1937–1991	35	RUDAKOV A. M. Realization of other convictions by convicted minors: organizational and legal aspects.	110
GOLODOV P. V. Effectiveness assessment technique of the penal inspections activities: problems and improvement means	43	PISAREV O. M., EFIMENKO A. A. On some directions of improving the educational process with convicts in penal institutions.	116
BOROVNIKOV S. A. On the construction of the purpose of punishment in criminal law	50	PSYCHOLOGY	121
ANAPOLSKAYA A. I., DVORETSKY M. YU. The main methods and mechanism of legalization (laundering) of criminally obtained income using electronic payment transactions.	53	ZAUTOROVA E. V. The study of existential values of HIV-infected prisoners sentenced to imprisonment	121
KONDRATOVSKAYA S. N., VALKOVA E. V. Features of the labor organization of persons sentenced to compulsory and correctional labor.	59	KOVALEV S. V., OBOTUROVA N. S., CHIRKOV A. M. Metaparadigma of spirituality in the methodology of legal psychology.	126
NEKRASOV V. N. Features of criminal liability for crimes in the field of telemedicine.	63	KEVLYA F. I. Predictive ability of the penal system employee as a prerequisite for the implementation of advance support pupil	135
LATYSHEVA L. A., SHCHERBAKOVA D. S. Problems of implementation of public control over the activities of institutions and bodies executing criminal sentences	67	BASINA T. A. Features of self-attitude among cadets with different levels of propensity to manipulate	141
		INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.	147

ПУТЬ ДЛИНОЮ В 40 ЛЕТ: ВЕХИ ИСТОРИИ ВИПЭ ФСИН РОССИИ

В марте 2019 г. учебному заведению, носящему название «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (ВИПЭ ФСИН России), исполнилось 40 лет. За эти годы оно прошло достойный путь от лесотехнического училища МВД СССР до одного из ведущих ведомственных вузов ФСИН России.

Высокая оценка коллегией МВД СССР в начале 1970-х гг. коллективной системы перевоспитания осужденных («вологодского опыта») позволила заместителю начальника УВД Вологодского облисполкома И. П. Зайцеву поднять вопрос о необходимости создания в областном центре учебного заведения по подготовке офицерских кадров для исправительно-трудовых учреждений с функциями методического центра распространения передового опыта.

Первоначальная идея открытия в Вологде школы на 450 мест в ведении Главного управления исправительно-трудовых учреждений МВД СССР не была реализована ввиду строительства учебного пункта УВД Вологодской области с привлечением средств исправительно-трудовых учреждений. Однако инициаторы создания учебного заведения не отступили от намеченной цели. В итоге согласие на строительство было получено от Главного управления лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР. Учебный корпус, возведение которого началось в 4 квартале 1975 г., был сдан в эксплуатацию 26 декабря 1977 г. Для подготовки образовательного учреждения к открытию в том же году на должность его начальника был назначен опытный сотрудник правоохранительных органов – выпускник Академии МВД СССР – майор внутренней службы В. К. Покровский.

В соответствии с приказом МВД СССР от 5 марта 1979 г. № 0150 учебное заведение начало свою работу как Вологодское лесотехническое училище МВД СССР для подготовки специалистов со средним техническим образованием для лесных исправительно-трудовых учреждений.

Приказом МВД СССР от 5 сентября 1979 г. № 270 оно было преобразовано в Вологодскую специальную среднюю школу подготовки начальствующего состава МВД СССР. Это было первое в Вологде учебное заведение, приравненное к военным училищам, а по своему профилю – единственное в стране учебное заведение МВД СССР технической направленности. Лицам, окончившим школу, присваивалось офицерское звание лейтенанта внутренней службы и выдавался диплом техника-технолога лесопильно-деревообрабатывающего производства и лесозаготовок.

В 1979 г. был осуществлен первый набор обучающихся в количестве 201 человека по специальностям «Технология лесозаготовок» и «Технология лесопильно-деревообрабатывающего производства». У курсантов за плечами была служба в армии, а у слушателей еще и практический опыт работы в исправительно-трудовых учреждениях либо иных правоохранительных органах.

Первый выпуск из школы техников-технологов по лесозаготовке и деревообработке состоялся в 1982 г. В 1992 г. была начата подготовка кадров для исправительно-трудовых учреждений по специальности «Технология машиностроения».

Благодаря энергии и профессионализму В. К. Покровского, руководившего школой до 1993 г., успешно завершилось ее строительство: были введены в эксплуатацию учебно-лабораторный корпус, общежитие для курсантов, столовая, созданы загородный учебный полигон с лесозаготовительной техникой и спортивная база, включающая спортивный зал, зал тяжелой атлетики, зал самбо, стрелковый тир. В учебном заведении был сформирован высококвалифицированный коллектив сотрудников и преподавателей, имевших опыт практической и педагогической деятельности, наработана необходимая учебно-методическая база, позволявшие обеспечивать должный уровень подготовки обучающихся.

В школе были налажены система курсантского самоуправления и работа университета культуры, при котором действовал клуб интересных встреч. Гордостью школы стал самодеятельный духовой оркестр. С первых дней существования учебного заведения начали складываться традиции, в том числе торжественное принятие присяги и выпуск молодых специалистов в центре города на площади Революции.

Всего с 1979 по 1993 г. школой было подготовлено 1340 специалистов технического профиля. Ввиду того что она являлась кузницей кадров для лесных исправительно-трудовых учреждений, выпускники отправлялись служить преимущественно в отдаленные регионы страны: Архангельскую область, Коми АССР, Сибирь, на Северный Урал, Алтай.

Новый этап в развитии учебного заведения начался с введения на основании приказа МВД России от 17 апреля 1993 г. № 175 специальности «Правоохранительная деятельность». Школа стала готовить участковых инспекторов, инспекторов уголовного розыска, сотрудников оперативно-режимных частей исправительно-трудовых учреждений.

24 августа 1995 г. в учебном заведении, возглавляемом с марта 1994 г. полковником внутренней службы Г. Г. Никитиным, состоялся первый выпуск специалистов со средним профессиональным (юридическим) образованием – 157 офицеров пополнили ряды сотрудников милиции и исправительных учреждений.

В мае того же года в структуру школы был включен учебно-консультационный пункт Московской средней специальной школы милиции, впоследствии реорганизованный в отделение, а затем факультет заочного обучения.

В ноябре 1995 г. начальником учебного заведения был назначен подполковник милиции В. В. Попов, занимавший до этого должность начальника ГУВД г. Вологды. Перед школой была поставлена задача подготовки ее к реорганизации в филиал высшего учебного заведения, которая была успешно выполнена.

Приказом МВД России от 12 мая 1997 г. № 287 Вологодская специальная средняя школа подготовки начальствующего состава была преобразована в Вологодский филиал Рязанского института права и экономики МВД России.

В том же 1997 г. впервые произведен набор слушателей заочного отделения по высшей форме обучения по специальности «Юриспруденция», а 1 сентября 1998 г. – первый набор курсантов по этой специальности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 1999 г. № 1398 филиал был реорганизован в самостоятельное высшее учебное заведение – Вологодский институт права и экономики Минюста России.

В 2000 г. состоялся первый набор курсантов по высшей очной форме обучения по специальности «Психология». В 2001 г. в институте были созданы факультеты заочного обучения и повышения квалификации.

В 2002 г. были сформированы факультет внебюджетного образования, а также юридический, психологический и инженерно-экономический факультеты. В том же году состоялся первый выпуск по специальности «Юриспруденция» по высшей очной форме обучения.

В 2003 г. институт получил лицензию на реализацию образовательных программ среднего, высшего, дополнительного и послевузовского образования, заключение о государственной аттестации и свидетельство о государственной аккредитации сроком на 5 лет. Также была открыта адъюнктура.

В 2004 г. впервые был осуществлен набор курсантов очной формы обучения по программе высшего профессионального образования по специальности «Управление персоналом», направлению подготовки бакалавров «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств», в 2005 г. – по специальности «Социальная работа».

В 2008 г. вуз был аккредитован и получил лицензии на право ведения образовательной деятельности по 17 программам: 9 – высшего профессионального образования, 4 – послевузовского и 4 – дополнительного.

По инициативе В. В. Попова создана первая в уголовно-исполнительной системе внештатная рота почетного караула (2004 г.), открыт музей истории учебного заведения (2005 г.), издается собственный научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» (2007 г.).

Институт стал многопрофильным учебным заведением, научным и учебно-методическим центром Федеральной службы исполнения наказаний. С расширением сферы реализуемых вузом программ высшего профессионального образования значительно вырос научный потенциал профессорско-преподавательского состава, было начато сотрудничество с зарубежными пенитенциарными учреждениями и учебными заведениями, совершенствовалась материально-техническая база института.

В 2004 г. В. В. Попову было присвоено звание генерал-майора внутренней службы.

В апреле 2011 г. на должность начальника института назначен полковник внутренней службы С. В. Бабурин, имевший большой опыт работы в правоохранительной системе.

В 2012 г. австро-хорватской фирмой по сертификации «CRO CERT» проведен ресертификационный аудит системы менеджмента качества института, по результатам чего был получен сертификат на соответствие международным стандартам ISO 9001:2008. В этом же году вуз успешно прошел государственную аккредитацию сроком на 6 лет.

15 декабря 2015 г. был утвержден новый устав института.

С. В. Бабурин особое внимание уделял повышению служебной и исполнительской дисциплины, соблюдению профессиональной этики и культуры поведения, военно-патриотическому и нравственно-эстетическому воспитанию обучающихся.

1 сентября 2011 г. в День знаний в институте состоялась церемония вручения Знамени учебного заведения. В этом же году был создан внештатный ансамбль барабанщиц и барабанщиков, а в 2016 г. – внештатная женская рота почетного караула, с 2014 г. ежегодно проводится выпускной офицерский бал.

В 2014–2015 гг. был реорганизован музей, установлено мультимедийное оборудование, обновлены прежние и созданы три новые экспозиции: «Музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», композиция стендов «Входная группа», комплекс стел «Аллея славы Героев России – сотрудников уголовно-исполнительной системы».

За активное участие в патриотическом воспитании граждан и решении социально-экономических проблем ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вуз был награжден медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», которая сопровождалась документом за подписью В. В. Путина.

В 2012 г. С. В. Бабурину было присвоено звание генерал-майора внутренней службы.

С 1 января 2017 г. учебным заведением руководит полковник внутренней службы Е. Л. Харьковский.

В январе 2018 г. лицензия на осуществление образовательной деятельности института была дополнена двумя направлениями подготовки уровня магистратуры «Юриспруденция» и «Психология». В этом же году осуществлен набор обучающихся на образовательные программы магистратуры.

Важнейшей задачей института в 2018 г. было прохождение государственной аккредитации образовательных программ высшего образования. По результатам экспертизы Рособрнадзором вынесено решение об аккредитации четырех образовательных программ: по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Психология служебной деятельности» и направлениям подготовки «Психология» и «Юриспруденция».

Большое внимание уделяется развитию факультета повышения квалификации и профессионального обучения. За последние годы увеличилось количество обучающихся на факультете и число территориальных органов, направляющих слушателей. В 2018 г. по дополнительным профессиональным программам прошли обучение 1147 слушателей.

Институт единственный в городе осуществляет набор на заочную форму обучения по специальности «Правоохранительная деятельность» на бюджетной и договорной основе. Ежегодно увеличивается спектр платных образовательных услуг на факультете психологии и права.

Учебное заведение успешно взаимодействует с органами государственной власти и управления, образовательными и научными учреждениями ФСИН России, Минюста России и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, иными правоохранительными органами, участвует в реализации региональных программ, инициируемых Правительством Вологодской области. Институт осуществляет сотрудничество с пенитенциарными учреждениями и учебными заведениями многих зарубежных государств: Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Норвегии, Польши, Чехии, Швейцарии, Финляндии. Также заключен ряд соглашений о взаимодействии с общественными организациями и Русской православной церковью.

За период существования образовательной организации (с 1979 по 2018 г.) ее окончили 12 065 человек, из них по средней форме обучения 4253 человека (в том числе 170 с отличием), по высшей форме – 7812 (в том числе 495 с отличием). В период с 2010 по 2018 г. 16 выпускников были награждены золотыми медалями за отличное окончание образовательных учреждений высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний.

Общая численность курсантов, студентов и слушателей, обучающихся в 2018/2019 учебном году по образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, составляет свыше 1,5 тыс. человек.

В структуру института входят 38 подразделений, среди них 5 факультетов (включающих 15 кафедр и учебно-строевые подразделения), отдел кадров, учебный отдел, организационно-научный отдел, редакционно-издательский отдел, отдел по работе с личным составом, информационно-технический отдел, финансово-экономический отдел, отдел тылового обеспечения, отдел организации дежурной службы и службы вооружения, секретариат, юридическая служба, иные структурные подразделения.

Профессорско-преподавательский состав вуза, задействованный в учебном процессе, представлен высококвалифицированными специалистами в различных областях науки и практическими работниками профильных учреждений и организаций.

Учебно-материальная база института включает специально оборудованные аудитории (16 лекционных залов, 38 учебных аудиторий, 2 класса-полигона, 12 компьютерных классов, в том числе лингафонный кабинет, информационно-ситуационный центр, кабинет дистанционных образовательных технологий, учебно-научный информационный центр, 2 лаборатории (криминалистическая, биологическая)), учебные мастерские, загородную учебную базу, 4 учебных рабочих места сотрудника уголовно-исполнительной системы, 4 спортивных зала, открытую спортивную площадку, стрелковый тир, общую и секретную библиотеки, актовый зал.

Вуз обладает развитой научно-исследовательской базой. В нем функционируют 5 научно-исследовательских лабораторий, учебно-научный информационный центр, цифровая научно-исследовательская лаборатория изучения зарубежного опыта пенитенциарной деятельности, экспериментальный дендропарк, научно-методический кабинет. В целях обсуждения актуальных научных проблем, обобщения и систематизации положительного опыта работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы институт ежегодно организует научные мероприятия. Растет публикационная активность сотрудников в периодических изданиях, учитываемых РИНЦ, ВАК, Web of science, Scopus. С мая 2018 г. совместно с Вологодским государственным университетом выпускается сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права «*ius publicum et privatum*». Также в вузе успешно функционирует курсантское научное общество.

В рамках воспитательной работы ежегодно проводятся торжественные ритуалы принятия присяги и выпуска молодых специалистов, присвоения специальных званий. Особое внимание уделяется мероприятиям, посвященным празднованию государственных и профессиональных праздников: Дня Победы, Дня России, Дня защитника Отечества, Дня работника уголовно-исполнительной системы и др.

Важное место отводится культурно-массовой работе и организации досуга курсантов. Среди конкурсов, проводимых в вузе, особенно популярны «Курсант года», «Защитник Отечества», «Мисс института», смотр-конкурс самодеятельного художественного творчества.

Активно развивается шефская работа. Личный состав института оказывает помощь ветеранам образовательной организации и города, областной кадетской школе-интернату, кадетским классам г. Вологды, воспитанникам центров для детей, оставшихся без попечения родителей.

Деятельность вуза строится на сочетании традиций и инноваций в области высшего образования, идеалах гармоничного развития личности, гражданственности и служения Отечеству. Дальнейшее развитие института видится в повышении качества подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы, приведении его деятельности, организации и содержания обучения в соответствие с требованиями времени.

Белова Надежда Алексеевна, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.1

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-9-14

Философия уголовно-исполнительного права как метафеноменальная основа уголовно-исполнительной системы

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Уголовно-исполнительная система не может быть охарактеризована как не требующая объяснений и обоснований очевидность. Подобно любой другой открытой системе она подвержена влиянию множества внешних и внутренних факторов. Степень и характер этого влияния не всегда можно познать и объяснить средствами аналитики теоретического уровня. Не все проблемные вопросы могут быть представлены в практической плоскости. Большой эвристический потенциал кроется в методологическом инструментарии философского уровня, который, по мнению авторов статьи, не получил широкого использования при познании сущности явлений и процессов, отражающих деятельность уголовно-исполнительной системы. Философия уголовно-исполнительного права является метафеноменальной основой деятельности в пенитенциарной сфере.

В статье рассматриваются традиционные проблемы уголовно-исполнительной системы, которые могут быть исследованы с применением философско-правового инструментария. Обращается внимание на необходимость формирования у сотрудников ФСИН России уголовно-правового мировоззрения и комплексного юридического мышления, что невозможно без освоения философского уровня знания о праве. Без философских оснований не может обойтись ни одна наука, поскольку их роль состоит в формировании интерпретационных схем, необходимых для уяснения сущности познаваемых явлений.

Цель статьи состоит в обосновании необходимости введения в образовательный процесс дисциплины «Философия уголовно-исполнительного права» либо рассмотрения вопросов философии уголовно-исполнительного права в рамках иных дисциплин, традиционно входящих в учебные высших учебных заведений ФСИН России. В числе проблемных вопросов, сопровождающих деятельность уголовно-исполнительной системы, которые можно наиболее полно рассмотреть в русле философско-правовых подходов, следует назвать переход от карательной функции пенитенциарной политики к охранительно-гуманитарной; необходимость морализации уголовно-исполнительного права; дуализм пенитенциарно-правовой политики; безопасность пенитенциарной системы; пределы либерализации уголовно-исполнительной политики и др.

Ключевые слова: философия уголовно-исполнительного права; добродетель; философия права; уголовно-исполнительная система; метафеноменальная основа; синергетическая парадигма; морализация права.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

The philosophy of penal law as a metafenomenal basis of the penal system

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration of President of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Administration of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The penal system cannot be characterized as the evidence that does not require explanations and justifications. Like any other open system it is influenced by many external and internal factors. The degree and nature of this influence cannot always be known and explained by means of analytics of a theoretical level. Not all problematic issues can be presented in a practical way. A large heuristic potential lies in the methodological tools of the philosophical level, which according to the authors of the article did not receive wide use in understanding the essence of phenomena and processes reflecting the activities of the penal system. The philosophy of the penitentiary law is the metaphenomenal basis for activities in the penal sphere.

The article discusses the traditional problems of the penal system, which can be investigated using philosophical and legal tools. Attention is drawn to the need to form the criminal-legal outlook of the Russian Federal Penal Service staff and an integrated legal thinking that is impossible without mastering the philosophical level of knowledge of law. No science can do without philosophical grounds since their role consists in shaping the interpretative schemes necessary for understanding the essence of knowable phenomena.

The purpose of the article is to substantiate the need to introduce into the educational process the discipline "Philosophy of penal law" or to consider questions of the philosophy of penal law in the framework of other disciplines traditionally included in the curricula of higher educational institutions of the Federal Penal Service of Russia. Among the problematic issues that accompany the activities of the penal system, which can be most fully considered in the framework of philosophical and legal approaches, should be called the transition from the punitive function of the penal policy to protective and humanitarian; the necessity of moralizing penal law; dual penal legal policy; penal security; the limits of liberalization of penal policy, etc.

Keywords: philosophy of penal law; virtue; philosophy of law; penal system; metafenomenal basis; synergistic paradigm; moralization of law.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

Работа в уголовно-исполнительной системе не входит в перечень наиболее востребованных специальностей на рынке труда. Об этом свидетельствует характерная для многих учреждений и органов ФСИН России проблема некомплекта штатной численности, сохраняющаяся несмотря на

предпринимаемые государством усилия по социальной защите работников и сотрудников. В этой сфере существует еще много нерешенных вопросов, в числе которых можно назвать следующие: сотрудники находятся под колоссальным психологическим давлением; наблюдается увеличение числа напа-

дений осужденных на персонал учреждений и др. Очевидно, что недостаточно акцентировать внимание только на важности и значимости работы в уголовно-исполнительной системе – необходимо донести ее философию до потенциального работника. В данной статье мы остановимся на традиционных проблемах уголовно-исполнительной системы, которые могут быть исследованы с использованием философско-правового инструментария.

Работа со спецконтингентом требует осознанного подхода к выбору данной профессии. Важно понимать не только суть и смысл этой трудовой деятельности, нужно осознать свою значимость в достижении целей уголовно-исполнительной системы. Неоценимую помощь в этом могло бы оказать изучение философии уголовно-исполнительного права. В таком предложении нет ничего экзотичного, что подтверждает практика организации научных мероприятий, освещающих вопросы смежных отраслей права. Так, философия уголовного права уже становилась центральной темой научно-практических конференций, например, проведенной кафедрами уголовного и уголовно-исполнительного права в Саратовской государственной юридической академии 26 марта 2013 г. Появилась и научная литература, затрагивающая соответствующую тематику [14]. Следует внимательно изучить этот опыт и проводить подобные конференции и по философии уголовно-исполнительного права. Без философских оснований не может обойтись ни одна наука, поскольку их роль состоит в формировании интерпретационных схем, необходимых для уяснения сущности познаваемых явлений.

Наиболее сложным будет определиться с содержательной стороной подобного мероприятия. Тут следует выяснить, какие проблемные вопросы наиболее полно раскроют столь сложную тему, не получившую широкой реализации в системе ведомственного образования.

Центральными вопросами любой философии являются цель опосредуемой ею системы (онтология), пути достижения этой цели (гносеология) и ценности, которые преобладают в рамках данной системы (аксиология). Говоря в данной статье о философии, мы будем анализировать ее отдельный сегмент – философию права как самый высокий уровень его познания [5, с. 221].

Философия формирует мировоззрение. Философия уголовно-исполнительной системы должна быть ориентирована на по-

нимание краеугольных камней соответствующей сферы общественной деятельности, становление уголовно-исполнительного мировоззрения. Узловые понятия философии уголовно-исполнительного права помогают глубже понять сущность и назначение уголовно-исполнительной системы, концептуализировать знания о ней.

Следуя известному тезису о том, что не стоит множить сущее без необходимости, считаем целесообразным включить раздел «Философия уголовно-исполнительного права» в дисциплину «Философия права», если она присутствует в учебном плане ведомственной образовательной организации. Здесь, однако, неизбежно встанет вопрос определения содержания данного раздела, так как предмет философии права точно не определен и до сих пор в научной среде вызывает бурные дискуссии. Выходом из ситуации, когда набор подлежащих изучению учебных дисциплин сформулирован исчерпывающе и не может быть расширен, может стать рассмотрение вопросов философии уголовно-исполнительного права в рамках дисциплин «Философия», «Уголовно-исполнительное право» или «Теория государства и права». В последнем случае мы исходим из того, что консенсус в определении предметного поля теории государства и права в науке не достигнут и нередко философия права рассматривается как неотъемлемая часть теории права. Существуют и менее радикальные точки зрения. «В рамках теории государства и права не только возможно, но и желательно расширение и углубление философско-правовой проблематики», – отмечает О. В. Мартышин, настаивая тем не менее на том, что «философия, догматика и социология права – это не три раздела теории государства и права, не три части учебного курса, а три пласта, три подхода или метода исследования, которые присутствуют в разном соотношении почти в каждой теме» [8, с. 10]. В любом случае очевидно, что философско-правовая тематика тесно связана с теорией государства и права. Разночтения касаются лишь преобладания онтологических, гносеологических либо аксиологических начал философско-правовой составляющей в этом симбиозе.

Используя философско-правовой инструментарий, можно более рельефно обосновать необходимость осуществляемого перехода от карательной функции пенитенциарной политики к охранительно-гуманитарной, реализуемой на основе принципов

уважения прав человека и законности. Наиболее подходят для данной цели темы, традиционно рассматриваемые в рамках философии права: соотношение права и морали, нравственные ценности в праве. Подобными вопросами задавались и классики философии права. Так, Б. Н. Чичерин отмечал, что несмотря на понимание содержательной стороны добра и зла, нравственных и безнравственных действий, человек «далеко не всегда соотносит свое поведение с этими понятиями; весьма часто он уклоняется от того, что он сам признает добром, и следует тому, что он признает злом» [15, с. 163].

В отношениях с осужденными работники и сотрудники уголовно-исполнительной системы должны проявлять добродетель, которая заключается в способности «воздерживать свои влечения и подчинять их общему закону» [15, с. 196]. Эксплуатируемый в этом понятийном поле в рамках юриспруденции термин «законность», к сожалению, не обладает факторами побудительного свойства: он весьма сух и не оказывает большого влияния на эмоциональную сферу, что, безусловно, необходимо для формирования устойчивого желания следовать в заданном направлении. Очевидно, что понятия «добродетель» и «законность» не совпадают, а лишь частично пересекаются. Добродетель, скорее, тяготеет к морали. Тем не менее регулятивный потенциал этого основательно подзабытого термина мог бы быть востребован в сфере исполнения уголовных наказаний. Если выстроить понятийный ряд морально-правовых категорий, то добродетель в праве можно было бы расположить где-то посередине между законом как отражением минимума нравственности и моралью (нравственностью). Актуально использование данного термина и в связи с нарастающей в юридической науке тенденцией устремления в сторону морализации права. Если брать собственно правовую сферу, то термин «добродетель» может конкурировать с понятиями «добрые нравы» и «добрая совесть». Практику применения этих категорий в юриспруденции анализировал более ста лет назад И. А. Покровский применительно к проблемам гражданского права [10, с. 253–258]. Своеобразным отголоском исканий начала прошлого столетия можно считать включение в Гражданский кодекс Российской Федерации в 2012 г. принципа добросовестности сторон (п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ). Полагаем, что право не может быть морально только в отдельных своих отраслях. Морализировать необходимо каждую

отрасль права, в том числе и уголовно-исполнительное право.

Сложность реализации пенитенциарно-правовой политики заключается в своеобразном дуализме. Необходимо, с одной стороны, проявлять добродетель, а с другой – жестко реагировать на противоправное поведение осужденных в местах лишения свободы. Крайней реакцией на нежелание определенной категории заключенных встать на путь исправления можно считать общественный запрос на ужесточение пенитенциарно-правовой политики [7, с. 109]. Этому способствует и периодическая публикация в СМИ информации о комфортных условиях содержания некоторых заключенных, являвшихся в недавнем прошлом высокопоставленными чиновниками либо совершивших резонансные преступления.

Необходимость существования любого дуализма красноречиво можно обосновать при помощи парных философских категорий: необходимость и случайность (обусловленные, например, обстоятельствами места, времени, действия), явление и сущность, действительность и возможность, конкретное и абстрактное, форма и содержание и др. Например, В. Г. Швыдкий, умело используя философские категории «форма» и «содержание», раскрывает восприятие подозреваемым пребывания в СИЗО как наказание за предшествующее поведение, поскольку «действительное содержание процессуальной формы противоречит ее сущности, которая не предполагает высокой степени тяжести конкретных условий жизни и быта в СИЗО, вызывающих страдание человека» [16, с. 23]. Е. В. Свинин рассматривает случайность правомерного поведения как сигнал о необходимости внесения изменений в правовое регулирование [12, с. 21]. Это положение справедливо и в отношении уголовно-исполнительного законодательства.

Данный философский подход получил свое развитие и в теории права, где стремящиеся друг к другу крайние явления и процессы объективной государственно-правовой реальности, имеющие общую основу и образующие синергетический эффект, рассматривают в качестве парных юридических категорий [11, с. 73–74].

Вопросы безопасности пенитенциарной системы могут быть освещены в рамках традиционного философско-правового блока «Личность, общество, государство» [9, с. 312–350]. Режим безопасности должен распространяться на всех участников уго-

ловно-исполнительных правоотношений: персонал учреждений уголовно-исполнительной системы должен работать в безопасных условиях, осужденные должны отбывать наказание, не испытывая необоснованных притязаний как со стороны администрации, так и со стороны других осужденных.

В структуру вышеуказанного блока необходимо включить рассмотрение вопроса о пределах либерализации уголовно-исполнительной политики. Либерализация не должна граничить со вседозволенностью. Не следует забывать о том, что одним из основных средств исполнения наказания является определенный правовой и фактический режим. Перегибы в сторону либерализации приведут к ощущению вседозволенности и будут детерминировать рост преступности. Да и общественный запрос на либерализацию, на наш взгляд, себя исчерпал. Либеральные ценности вступают в противоречие с ценностями социально ориентированного законодательства. Либерализация все чаще в глазах обывателя ассоциируется с хаосом, а не со свободой в рамках, за которыми следуют определенные ограничения.

Вопрос правового воспитания осужденных целесообразно освещать на фоне осмысления взаимодействия естественного и позитивного права, о чем мы ранее уже писали [4, с. 15]. Логично это предпринять в разделе, посвященном изучению проблем правосознания, правовой культуры и правовой идеологии [13, с. 392–550]. С использованием философско-правовых средств более глубокое понимание может обрести и проблема деформации профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Вопросы философии уголовно-исполнительного права будут более доступно раскрываться в симбиозе с вопросами философии уголовного права. Не углубляясь в эту весьма обширную тематику, отметим, например, безусловную актуальность анализа философско-правовых аспектов наказания [2]. Постановка данной проблемы будет отвечать потребностям как уголовного, так и уголовно-исполнительного права. Одним из важных аспектов наказания является вопрос справедливости его назначения. Справедливость имеет разнообразные формы (воздающая справедливость, нравственная справедливость, правовая справедливость, калькулирующая справедливость, упорядочивающая справедливость, идентифицирующая справедливость и др.), проанализировать которые в правовой реальности

возможно только с использованием философско-правовых подходов [6, с. 205–211].

Дискурсивным фоном при освещении вопросов философии уголовно-исполнительного права может служить парадигмальная проблематика. Право не свободно от парадигмального мышления. Полагаем, что в рамках философии уголовно-исполнительного права ждет своего осмысления возможность использования познавательного потенциала синергетической парадигмы. Существует объективная необходимость создания синергетической модели функционирования и развития уголовно-исполнительной системы, определения ее энтропийного оптимума. Любая система функционирует в условиях определенного хаоса, который при нескольких условиях порождает порядок. Посредством синергетического методологического инструментария может быть осмыслена и вышеобозначенная проблема деформации профессионального сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы, поскольку существенной системно-структурной характеристикой данного вида профессионального сознания является наличие в нем энтропии. Соглашаясь с В. А. Груниной, отметим, что «потенциал синергетики в практической плоскости в рамках проблемы повышения эффективности правового регулирования общественных отношений остается преимущественно незадействованным» [3, с. 3]. В ходе анализа многих вопросов, актуальных для уголовно-исполнительной системы, могли бы быть использованы и парадигмы правопонимания.

Одним из центральных в философии права является положение о свободе [1, с. 82]. Не вызывает сомнения важность данной темы и для философии уголовно-исполнительного права. Свобода здесь имеет множество граней и не замыкается исключительно на окончании отбывания наказания: значимыми являются аспекты свободы совести, свободы вероисповедания (ст. 14 УИК РФ), ограничения свободы (гл. 8 УИК РФ). Свобода должна быть рассмотрена исключительно в философском аспекте – как осознанная необходимость. Многие проявления ее не именованы в действующем законодательстве, но их ценность от этого не уменьшается. Возможность выбора при соблюдении определенных требований (например, законных требований администрации, принятых в обществе нравственных норм поведения и др.) – это тоже свобода. В русле философско-правового понимания положений о свободе можно объяснять важность добро-

совестного исполнения своих обязанностей как необходимой предпосылки для реализации предоставленных законом прав.

Многие вопросы философии уголовно-исполнительного права имеют метафеноменальное значение для уголовно-исполнительной системы. Они устанавливают границы познания явлений правовой действительности и указывают направление поиска. Этим определяется их теоретическая и методологическая ценность. С их помощью можно повысить качество восприятия явлений правовой действительности

уголовно-исполнительной направленности, обосновать необходимость совершенствования действующей правовой системы. Без их изучения невозможно формирование комплексного юридического мышления, которым должен обладать сотрудник ФСИН России.

Философия уголовно-исполнительного права нуждается в дальнейшей разработке, а полученные в результате этого процесса знания должны быть доступны работникам и сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Философия права. М., 1999. 336 с.
2. Байтеева М. В. Философско-правовые аспекты наказания // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2006. № 1. С. 23–27.
3. Грунина В. А. Синергетические основы правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 22 с.
4. Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 13–18.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. 288 с.
6. Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие. М., 2002. 448 с.
7. Малько А. В., Ромашов Р. А., Тимофеева Е. А. Пенитенциарно-правовая политика России: конституционные основы : обзор материалов всерос. круглого стола (Самара, 12 декабря 2013 г.) // Гос-во и право. 2014. № 12. С. 106–114.
8. Мартышин О. В. Общетеоретические юридические науки и их соотношение // Гос-во и право. 2004. № 7. С. 5–11.
9. Мартышин О. В. Философия права : учеб. для магистров. М., 2017. 352 с.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. 354 с.
11. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей : моногр. М., 2017. 232 с.
12. Свинин Е. В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.
13. Философия права. Курс лекций : учеб. пособие : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2018. Т. 1. 552 с.
14. Философия уголовного права / сост. д-р юрид. наук, проф. Ю. В. Голик, А. Ю. Голик ; ред. и вст. ст. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Голика. СПб., 2004. 348 с.
15. Чичерин Б. Н. Философия права. 2-е изд., испр. М., 2011. 344 с.
16. Швыдкий В. Г. Кара – качество уголовного наказания // Гос-во и право. 2006. № 4. С. 21–28.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 1999. 336 p. (In Russ.).
2. Bajteeva M. V. *Filosofsko-pravovye aspekty nakazaniya* [Philosophical and legal aspects of punishment]. *Vestn. Vladimir. yurid. in-ta* – Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2006. Iss. 1. P. 23–27. (In Russ.).
3. Grunina V. A. *Sinergeticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Synergetic foundations of legal regulation : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Vladimir, 2006. 22 p. (In Russ.).
4. Lapshin V. E., SHahanov V. V. *Pravovoe vospitanie osuzhdennyh: poisk novykh podhodov* [Legal education of convicts: the search for new approaches]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2018. Iss. 1 (41). P. 13–18. (In Russ.).
5. Lejst O. E. H. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of the theory and philosophy of law]. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.).
6. Malahov V. P. *Filosofiya prava : ucheb. posobie* [Philosophy of Law : tutorial]. Moscow, 2002. 448 p. (In Russ.).
7. Mal'ko A. V., Romashov R. A., Timofeeva E. A. *Penitenciarно-pravovaya politika Rossii: konstitucionnye osnovy : obzor materialov vseros. kruglogo stola* (Samara, 12 dekabrya 2013 g.) [Penal-legal policy of Russia: constitutional bases : review of materials of the All-Russian round table (Samara, December 12, 2013)]. *Gos-vo i pravo – State and law*. 2014. Iss. 12. P. 106–114. (In Russ.).
8. Martyshin O. V. *Obshcheteoreticheskie yuridicheskie nauki i ih sootnoshenie* [General theoretical legal sciences and their relationship]. *Gos-vo i pravo – State and law*. 2004. Iss. 7. P. 5–11. (In Russ.).
9. Martyshin O. V. *Filosofiya prava : ucheb. dlya magistrrov* [Philosophy of Law : textbook for masters]. Moscow, 2017. 352 p. (In Russ.).
10. Pokrovskij I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).
11. Rudakov A. A. *Parnye yuridicheskie kategorii: teoriya prav i obyazannostej* : monogr. [Paired legal categories: theory of rights and obligations : monograph]. Moscow, 2017. 232 p. (In Russ.).
12. Svinin E. V. *Neobhodimost' i sluchajnost' kak vyrazhenie zakonornostej pravovoj dejstvitel'nosti* : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Necessity and chance as an expression of the laws of legal reality : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Vladimir, 2006. 26 p. (In Russ.).
13. *Filosofiya prava. Kurs lekcij : ucheb. posobie : v 2 t. / отв. ред. М. Н. Марченко* [Philosophy of law. Course of lectures : study guide : in 2 vol. : ed. by M. N. Marchenko]. Moscow, 2018. Vol. 1. 552 p. (In Russ.).
14. *Filosofiya ugovnogo prava / sost. d-r yurid. nauk, prof. YU. V. Golik, A. YU. Golik ; ред. i vst. st. d-ra yurid. nauk, prof. YU. V. Golika* [The philosophy of criminal law / comp. Dsc. in Law, Prof. Yu. V. Golik, A. Yu. Golik; ed. by Dsc. in Law, Prof. Yu. V. Golik]. St. Petersburg, 2004. 348 p. (In Russ.).
15. *CHicherin B. N. Filosofiya prava. 2-e izd., ispr.* [Philosophy of law. 2nd ed., rev.]. Moscow, 2011. 344 p. (In Russ.).
16. *SHvydkij V. G. Kara – kachestvo ugovnogo nakazaniya* [Scourge – the property of criminal punishment]. *Gos-vo i pravo – State and law*. 2006. Iss. 4. P. 21–28. (In Russ.).

Проблема определения веса почтовых посылок и передач осужденным к лишению свободы

В. И. СЕЛИВЕРСТОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Реферат

В статье рассматриваются проблемы определения веса почтовых посылок и передач, которые можно отправлять (передавать) осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы; вопросы законодательной техники формулирования и толкования бланкетных норм, специфика их функционирования в механизме правоприменения. В тексте статьи приводится авторское экспертное заключение по проблеме определения веса почтовых посылок и передач для осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, в котором анализируются бланкетная норма ст. 91 УИК РФ об определении веса посылок почтовыми правилами и на основе учета экономических, политических и социальных факторов в целом, а также порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, компетенция определения максимального веса посылок и передач, требования и рекомендации международных стандартов, определяющих обращение с осужденными к лишению свободы в рассматриваемом аспекте. Вносятся предложения об изменении уголовно-исполнительного законодательства с изложением ч. 1 ст. 90 УИК РФ в новой редакции. Материалы статьи содержат аспекты концепции законопроекта о регламентации веса почтовых посылок и передач, а также почтовых бандеролей.

Ключевые слова: осужденный; лишение свободы; почтовая посылка; передача; уголовно-исполнительное законодательство; бланкетная норма.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The problem of determining the weight of postal parcels and transfers for convicts

V. I. SELIVERSTOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of determining the weight of postal parcels and transfers that can be sent (transferred) to convicts serving a criminal sentence of imprisonment; questions of legislative techniques for the formulation and interpretation of blanket norms, the specifics of their functioning in the law enforcement mechanism. The article provides the author's expert opinion on the problem of determining the weight of postal parcels and transfers for convicts serving a criminal sentence of imprisonment, which analyzes the blanket norm of Art. 91 of the Penal Code RF on determining the weight of parcels by postal rules and on the basis of taking into account economic, political and social factors in general, as well as the procedure for receiving and delivering internal registered mail, the competence of determining the maximum weight of parcels and transmissions, requirements and recommendations of international standards determining the convicts treatment in this aspect. There are proposals to change the penal legislation with a statement of Part 1 of Art. 90 of the Penal Code RF in the new edition. The materials of the article contain aspects of the concept of the draft law regulating the weight of postal parcels and transfers as well as postal parcels.

Key words: convict; imprisonment; postal parcel; transfer; penal legislation; blanket rule.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Еще в ИТК РСФСР 1970 г. было установлено, что вес одной посылки или бандероли, направляемой осужденным в места лишения свободы, ограничивается действующими почтовыми правилами. Вес передачи не должен был превышать максимально допустимого по почтовым правилам веса посылки (ст. 28). Указанная бланкетная норма в несколько измененной редакции в 1997 г. была перенесена в УИК РФ, поэтому до настоящего времени в части определения веса почтовых посылок (соответственно передач) действует бланкетная норма: ч. 1 ст. 90 УИК РФ отсылает в этом вопросе к почтовым правилам.

Почему же законодатель в ИТК РСФСР и УИК РФ не установил вес почтовых посылок и передач непосредственно в нормах этих кодексов, почему решил прибегнуть к бланкетной норме, отослав правоприменителя к почтовым правилам? Следует отметить, что использование бланкетных норм в законодательстве в целом и в уголовно-исполнительном в частности – обычный прием юридической техники. В общей теории права он имеет свое обоснование. Так, известный ученый В. М. Сырых считает, что использование бланкетных норм актуально в тех случаях, когда законодатель хочет особо подчеркнуть важность нормативных предписаний, находящихся за пределами данного закона [1, с. 171]. Как нам представляется, указанный мотив имеет место и при решении вопроса об использовании бланкетной нормы при определении веса почтовых посылок и передач. Так, в 1970 г. впервые был принят нормативный правовой акт на уровне закона, который регламентировал исполнение уголовных наказаний. В ст. 8 ИТК РСФСР было определено правовое положение осужденных, гарантирующее сохранение правового статуса гражданина СССР с ограничениями, установленными законодательством, приговором суда и режимом отбывания наказания. После имевших место грубых нарушений законности, массовых репрессий (1917–1953 гг.) и последовавшего за этим времени беспорядочных попыток их устранения (1956–1970 гг.) признание в законе того, что осужденный независимо от совершенного преступления остается гражданином государства с соответствующим правовым статусом, было действительно знаковым событием [2, с. 14]. Соответственно в нормах, регламентирующих порядок и условия отбывания наказания, появились положения, отсылающие к нормам законодатель-

ства, регулирующим отношения, свойственные обычной жизни граждан. Аналогичный мотив был характерен для законодателя и при сохранении бланкетной нормы в УИК РФ. Хотя не следует отрицать и учет законодателем интересов оптимизации правового материала.

Однако у бланкетных норм есть одна особенность. Их использование требует постоянного отслеживания изменений в законодательстве. Более того, такой мониторинг необходим на более ранних стадиях – при анализе тенденций правового регулирования и прогнозировании предстоящих изменений. Бланкетные нормы потенциально опасны тем, что могут произойти изменения, которые не отвечают целям и принципам законодательства, в которых они содержатся. Нередко могут возникнуть противоречия между иными нормами закона, в которых содержится бланкетная норма, и нормами, к которым она отсылает.

Именно эти последствия наблюдаются в настоящее время применительно к бланкетной норме ст. 91 УИК РФ о весе почтовых посылок и передач. В 2012 г. изменились так называемые почтовые правила: ФГУП «Почта России» был принят Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений (приказ от 17.05.2012 № 114-п). Исходя из законов рыночной экономики, требующих получения максимальной прибыли и повышения конкурентоспособности почтовой связи, в указанном нормативном акте был увеличен до 50 кг вес отправляемых почтовых посылок. В перспективе до 2020 г. должны появиться большегрузные почтовые посылки весом до 500 кг [3]. При этом разработчики не учли (и вряд ли учтут в будущем) интересы уголовно-исполнительной системы, где максимальный вес посылок был ограничен 20 кг.

Данное правовое противоречие существует с 2012 г. В 2018 г. на него обратили внимание осужденные, отбывающие лишение свободы, их родственники и правозащитники, которые в своих многочисленных обращениях в государственные органы стали настаивать на предоставлении осужденным права получать почтовые посылки и передачи весом до 50 кг. В ряде субъектов Российской Федерации их поддержали прокуроры, надзирающие за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний, и региональные уполномоченные по правам человека. В связи с поступившими обращениями экспертный совет при Уполномоченном по правам человека в Рос-

сийской Федерации обратился к автору настоящей статьи с просьбой высказать свое мнение по проблеме определения веса почтовых посылок и передач. Ниже приводится экспертное заключение, направленное в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, которое в настоящее время готовит законопроект об изменении ч. 1 ст. 91 УИК РФ.

*Экспертное заключение
по проблеме определения веса почтовых
посылок и передач для осужденных,
отбывающих уголовное наказание
в виде лишения свободы (обращение
председателя экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Российской Федерации
от 13 августа 2018 г.)*

1. В части первой ст. 90 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) установлено, что «осужденным к лишению свободы разрешается получение посылок, передач и бандеролей:

а) женщинам и лицам, содержащимся в воспитательных колониях, – без ограничения количества;

б) мужчинам – в количестве, установленном статьями 121, 123, 125 и 131 настоящего Кодекса.

Максимальный вес одной посылки или бандероли определяется почтовыми правилами. Вес одной передачи не должен превышать установленный вес одной посылки».

2. Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправок, утвержденный приказом ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п, содержит пять видов посылок с определением максимального веса каждой из них:

1) Мелкая посылка – посылка весом до 3 кг, большая сторона которой не превышает 35 см, а сумма трех измерений не превышает 70 см (п. 3 Порядка).

2) Стандартная посылка – посылка весом до 10 кг минимальным размером 165 x 120 x 100 мм, 265 x 165 x 50 мм, максимальным – 425 x 265 x 380 мм (п. 11.2 Порядка).

3) Тяжеловесная посылка – посылка весом от 10 до 20 кг минимальным размером 165 x 120 x 100 мм, 265 x 165 x 50 мм, максимальным – 425 x 265 x 380 мм (п. 11.2 Порядка).

4) Нестандартная посылка – посылка весом до 20 кг в нестандартной упаковке минимальным размером 165 x 120 x 100 мм,

265 x 165 x 50 мм, размер адресной стороны не менее 105 x 148 мм, максимальным – сумма измерений трех сторон не более 300 см. Допускается пересылка отправок, свернутых трубкой (п. 11.2 Порядка).

5) Тяжеловесная крупногабаритная посылка – посылка весом от 10 до 50 кг минимальным размером 425 x 265 x 380 мм, максимальным – 1900 x 1300 x 3500 мм (п. 11.2 Порядка).

3. В ч. 1 ст. 90 УИК РФ в отношении веса посылок предусмотрена бланкетная норма. В условиях ее действия осужденные к лишению свободы вправе получать установленные в Порядке приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправок (приказ ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п) все пять видов посылок, включая и тяжеловесные крупногабаритные посылки весом от 10 до 50 кг.

4. Рассматриваемая бланкетная норма ч. 1 ст. 90 УИК РФ применяется с момента принятия и введения в действие с 1 июля 1997 г. УИК РФ. Однако за этот период изменились сами почтовые правила, которые по мере развития новых технологий в почтовом деле стали предусматривать иные параметры почтовых отправок, в том числе посылок и бандеролей. В результате этого появилось рассогласование между Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295, и Порядком приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправок, утвержденным приказом ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п. Так, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений установлено, что общий вес принадлежащих осужденному вещей и предметов, продуктов питания не может превышать 36 кг. На основании этого положения территориальные органы ФСИН России заявили о своей позиции о неприемлемости приема адресованных осужденным тяжеловесных крупногабаритных посылок весом от 10 до 50 кг.

Все это вызвало появление обращений осужденных в неправительственные правозащитные организации, к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в органы прокуратуры, Федеральную службу исполнения наказаний и Министерство юстиции Российской Федерации. В процессе обмена письменными обращениями были даны толкования данной спорной ситуации, а также

приведены доводы, на которых необходимо остановиться.

4.1. Довод о том, что Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, утвержденный приказом ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п, не является почтовыми правилами, на которые делается отсылка в ч. 1 ст. 90 УИК РФ, не может быть принят во внимание. В УИК РФ не дается название конкретного нормативного акта, а указывается на совокупность норм (правил), содержащихся в различных нормативных актах, относящихся к почтовой сфере деятельности государства.

4.2. Не можем поддержать также довод о том, что положения указанного Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений не носят нормативного характера. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 17.07.1999 № 3176-ФЗ «О почтовой связи» порядок оказания услуг почтовой связи регулируется правилами оказания услуг почтовой связи, утверждаемыми уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, а именно Минкомсвязью России. В соответствии с п. 12 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234, указанное министерство предоставило право операторам почтовой связи устанавливать другие виды и категории внутренних почтовых отправлений для пересылки по своей сети почтовой связи, а также предельные размеры, вес и допустимые вложения указанных почтовых отправлений. Фактически Минкомсвязи России делегировало свои полномочия в части нормативного регулирования ряда отношений федеральному оператору почтовой связи – ФГУП «Почта России». Следует отметить, что такое делегирование прошло правовую проверку: приказ Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» 26.12.2014 зарегистрирован в Минюсте России под номером 35442.

4.3. Не можем согласиться с утверждением о том, что отношения по определению веса посылок и передач, поступающих (передаваемых) осужденным в исправительные учреждения, являются исключительно гражданскими правоотношениями, регламентируемыми нормами ГК РФ (договор оказания услуг). Нормы гражданского законодательства в части оказания услуг почтовой связи действуют с момента заключения договора на пересылку внутренних почтовых

отправлений до момента его исполнения в виде выдачи посылки в почтовом отделении уполномоченным представителям администрации исправительного учреждения. Дальнейшие действия по доставке почтовых отправлений регламентируются нормами отчасти трудового, отчасти административного и отчасти уголовно-исполнительного законодательства. Уголовно-исполнительным законодательством в соответствии со ст. 2 УИК РФ регламентируются отношения, возникающие:

- при решении вопроса о приеме посылки на почте и доставке ее осужденному в исправительное учреждение (в пределах решения вопроса о соблюдении лимита и временных рамок получения посылок, установленных в ч. 1 и 3 ст. 90 УИК РФ, ст. 121, 123, 125 и 131 УИК РФ);

- досмотре содержимого посылки и решении вопроса о выдаче содержимого осужденному либо об уничтожении или помещении на склад присланных вещей, изданий или веществ, а также о зачислении на лицевой счет денежных средств (ч. 4 и 5 ст. 90 УИК РФ).

Поэтому определение максимального веса посылок, а тем более передач (поступление последних полностью регламентируется нормами уголовно-исполнительного законодательства) является компетенцией уголовно-исполнительного законодательства. Оно должно производиться законодателем с учетом всего спектра экономических, политических, социальных и духовных факторов, определяющих те или иные изменения и дополнения уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства.

5. В качестве политического (внешнеполитического) фактора следует указать на требования и рекомендации международных стандартов, определяющих обращение с осужденными к лишению свободы.

Так, в правиле 5.1 Минимальных стандартов правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделлы) в качестве общеобязательного стандарта установлено, что «тюремный режим должен стремиться сводить до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая ослабляет чувство ответственности заключенных или уважение их достоинства как человеческой личности». Однако конкретных рекомендаций в отношении получения почтовых посылок и передач, тем более их веса, данный международный акт не содержит, предоставляя

самим государствам определять ту разницу между жизнью в тюрьме и на свободе, которая будет иметь место в области получения осужденными указанных почтовых отправок и передач.

Аналогичный подход прослеживается в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г., где в п. 5 Основных принципов установлено, что «жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе». Для решения вопроса о целесообразности получения почтовых посылок и передач косвенное значение имеет закрепленная в п. 24.5 данных правил обязанность администрации пенитенциарных учреждений помогать заключенным поддерживать адекватные контакты с внешним миром и оказывать им с этой целью соответствующую материальную поддержку. Схожее значение имеет требование к режиму пенитенциарного учреждения, заключающееся в необходимости обеспечивать материальные потребности заключенных (п. 25.3).

6. Представляется, что при определении максимального веса посылок и передач осужденным в первую очередь должны учитываться социальные факторы. Посылки и передачи осужденным, их количество и вес входят в содержание условий отбывания лишения свободы, они отчасти характеризуют карательное содержание наказания в виде лишения свободы. Свидетельством этому является то, что в ст. 121, 123, 125 и 131 УИК РФ регламентированы нормы получения посылок осужденными мужчинами, отбывающими наказание в исправительных колониях. Данные нормы дифференцированы в зависимости от вида режима исправительной колонии (общий, строгий, особый) и условий отбывания наказания (обычные, облегченные и строгие). Соответственно распределение осужденных по видам режима исправительных колоний определяется тяжестью совершенного преступления (категории преступлений), формой вины и рецидивом. Распределение осужденных по различным условиям отбывания наказания в исправительных колониях зависит в основном от поведения осужденного, включая факт совершения преступления в местах лишения свободы. В такой дифференциации проявляется механизм достижения целей наказания, в первую очередь восстановления социальной справедливости и исправления осужденных.

Было бы нелогичным исходя из указанных социальных факторов относить регла-

ментацию количества посылок и передач к компетенции уголовно-исполнительного законодательства, а их вес – к нормам гражданского законодательства (Почтовым правилам), ориентирующимся в основном на технические возможности почтовой службы и экономические приоритеты (в частности, получение максимальной прибыли). При сохранении действующих в ч. 1 ст. 90 УИК РФ норм об определении веса посылок и передач в будущем с развитием технологий мы можем столкнуться, к примеру, с большегрузными посылками весом в 500 кг. О таком развитии ситуации свидетельствуют положения разработанной во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 23.12.2013 № АД-П10-9252 Концепции развития почтовой связи в Российской Федерации на период до 2020 г., в которой предусмотрена в перспективе масса почтовых отправок вместе с упаковкой 50 кг, а для тяжеловесных почтовых отправок – 500 кг.

7. Согласно проведенной с 12 по 18 ноября 2009 г. восьмой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, не получали ни одной посылки и передачи 31,9 % содержащихся в воспитательных колониях, 33,1 % осужденных женщин, содержащихся в исправительных колониях общего режима, и 18,4 % осужденных мужчин в исправительных колониях общего, строгого и особого режима. Не получали бандеролей соответственно 93,6 %, 90,5 % и 56,7 % осужденных. Также была зафиксирована достаточно высокая доля лиц, которые получали по одной посылке или передаче, а также бандероли. В настоящее время, возможно, эти цифры изменились, для их уточнения необходимо проведение в 2019 г. девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Однако даже при изменении доли таких осужденных они представляют довольно серьезную, скрытую и потенциально конфликтную массу лиц, которые негативно отнесутся к увеличению веса посылок, получаемых другими осужденными. Любые ультралиберальные увеличения норм получения посылок и передач, их веса, суммы разрешенных для расходования денег, возможности получения дополнительных платных услуг будут приводить к дальнейшему социальному расслоению осужденных в местах лишения свободы в зависимости от их материального положения. Это в свою очередь чревато возникновением конфликтов среди осужденных, расширением практики вымо-

гательства материальных благ у «богатых» осужденных, консолидацией осужденных и их подчинением вора́м в законе и другим авторитетам, как правило имеющим возможность распоряжаться поступившими в адрес других осужденных посылками, передачами и денежными средствами. Об этом ярко свидетельствует существующая практика деятельности мест лишения свободы; в связи с необоснованными либеральными шагами в области улучшения материального положения осужденных она может расширяться и укрепиться.

8. При сохранении существующего в настоящее время законодательства о возможности получения тяжеловесных крупногабаритных почтовых посылок весом до 50 кг может возникнуть угроза дискриминации отдельных категорий осужденных, поскольку тяжеловесные крупногабаритные посылки могут отправляться в те местности, где есть специально выделенные для этого отделения почтовой связи. В той же местности, где нет таких отделений, осужденные будут получать посылки весом до 20 кг. Все это будет нарушать принцип равенства осужденных перед законом, порождать конфликтные ситуации между осужденными, а также между осужденными и персоналом исправительных учреждений.

9. При решении этого вопроса следует ориентироваться также на экономические факторы. Необходимыми условиями для приема и выдачи тяжеловесных крупногабаритных посылок в Порядке приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений названы:

– наличие специально выделенных для приема и выдачи посылок отделений почтовой связи (п. 11.4 Порядка). Речь идет об отделениях, специально оборудованных механизмами и приспособлениями, позволяющими осуществлять прием и выдачу тяжеловесных крупногабаритных посылок (транспортеры, электро- и автоподъемники и т. д.);

– отсутствие перегрузки посылок в пути их следования (п. 11.5 Порядка).

Посылки, поступившие в адрес осужденных, получают на почте сотрудники исправительных учреждений. Соответственно, необходимым условием для получения на почте и выдачи осужденным в исправительном учреждении тяжеловесных крупногабаритных посылок должно являться наличие специальных механизмов и оборудования для перевалки таких посылок. Кроме того, необходимо увеличение штата сотрудни-

ков, осуществляющих досмотр содержимого посылок, а также емкостей складов и холодильных установок в местах лишения свободы. Все это потребует дополнительных материальных затрат бюджета государства на содержание мест лишения свободы. Прием и выдача персоналом столь тяжелых крупногабаритных грузов без приобретения и установки специальных приспособлений и механизмов может повлечь нарушение правил охраны труда и техники безопасности, особенно для персонала женского пола.

10. В настоящее время Минюстом России подготовлен законопроект о регламентации веса почтовых посылок и передач, а также почтовых бандеролей. Данный законопроект с участием автора настоящего экспертного заключения 25.10.2018 был обсужден на заседании постоянно действующей рабочей группы по рассмотрению проектов нормативных правовых актов, подготовленных в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-Р.

Экспертом была поддержана концепция представленного законопроекта и его основные положения. Кроме того, были внесены поправки редакционного плана с изложением ч. 1 ст. 90 УИК РФ в следующей редакции:

«1. Осужденным к лишению свободы разрешается получение посылок, передач и бандеролей:

а) женщинам и лицам, содержащимся в воспитательных колониях, – без ограничения количества;

б) мужчинам – в количестве, установленном статьями 121, 123, 125 и 131 настоящего Кодекса.

Максимальный вес одной посылки или одной передачи не должен превышать двадцати килограммов, вес одной бандероли – двух килограммов».

Представляется, что указанная норма может быть предложена в рабочую группу Минюста России с обоснованием, изложенным в экспертном заключении.

Все ли проблемы будут решены путем изменения ч. 1 ст. 90 УИК РФ? Конечно, нет.

В этой же части статьи по-прежнему останется правило о том, что осужденные несовершеннолетние и женщины получают посылки и передачи без ограничения их количества. При этом не следует понимать

эту норму таким образом, что осужденные из указанных категорий могут каждый день получать посылку или передачу. Это далеко не так. Данная норма лишь допускает, что осужденные женского пола и лица, содержащиеся в воспитательных колониях, могут получать неограниченное число посылок и передач в день. Все зависит от того, сколько их будут отправлять (приносить). Возможно, кто-то скажет, что это нереальная ситуация, лишённая здравого смысла. Но ведь и возможность получения посылок и передач весом по 50 кг тоже казалась чем-то нереальным. А сейчас это предусмотрено уголовно-исполнительным законом, есть защитники этой позиции и желающие отправлять осужденным посылки и передачи весом в 50 кг.

Следует учитывать, что в настоящее время в места лишения свободы поступает достаточное число людей, имеющих значительные материальные средства. Вполне можно представить ситуацию, когда родственники осужденных не пожалеют средств для устройства своеобразной клоунады в виде поступления десятков посылок и передач в

день на одного адресата. Что тогда можно противопоставить такой практике? Ограничение в весе предметов, вещей и продуктов, которые могут находиться у одного осужденного в жилом помещении и на складе (36 кг и 50 кг соответственно). Но это не аргумент для омбудсменов, прокуратуры и суда, поскольку все эти ограничения установлены в подзаконном нормативном акте, а норма о получении посылок и передач предусмотрена в УИК РФ. Тогда вновь придется собираться рабочей группе при Минюсте России и решать, каким образом выйти из этой ситуации.

Все изложенное выше приводит к выводу о том, что в нормах уголовно-исполнительного права нет чисто технических норм. Все нормы, закрепляющие количественные показатели, имеют политико-правовое содержание, поскольку они характеризуют положение человека в условиях отбывания уголовного наказания. Необходим постоянный мониторинг их применения, особенно если количественные показатели, такие как вес почтовых посылок, закреплены в бланкетных нормах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. 272 с.
2. Комментарий к Исправительно-трудоустройственному кодексу РСФСР / под науч. ред. А. С. Михлина, И. В. Шмарова. М., 1994. 223 с.
3. Концепция развития почтовой связи в Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71035736/#ixzz5V8s0zhtl> (дата обращения: 24.10.2018).

REFERENCES

1. Zakonodatel'naya tekhnika : nauch.-prakt. posobie / pod red. Yu. A. Tikhomirova [Legislative technique : scientific and practical manual : ed. by Yu. A. Tikhomirov.]. Moscow, 2000. 272 p. (In Russ.).
2. Kommentarij k Ispravitel'no-trudovomu kodeksu RSFSR / pod nauch. red. A. S. Mihlina, I. V. Shmarova [Comment to the correctional labor code of the RSFSR : ed. by A. S. Mikhlin, I. V. Shmarov]. Moscow, 1994. 223 p. (In Russ.).
3. Konceptiya razvitiya pochtovoj svyazi v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [The concept of postal communication development in the Russian Federation for the period up to 2020]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71035736/#ixzz5V8s0zhtl> (accessed 24.10.2018). (In Russ.).

УДК 343.85

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-21-28

Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е. А. МАЛЕТИНА – начальник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России

Реферат

В статье дается характеристика, приводится классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе, что позволяет понять причины зарождения и функционирования обособленных групп криминальной направленности. Субкультура преступного сообщества реально подразделяется на две части: общую и особенную. Это обусловлено тем, что одни ценностные ориентации имеют силу только в условиях свободы, другие – в условиях изоляции от общества. Общая криминальная субкультура содержит в себе ярко выраженные искаженные ценности правонарушителей, выработанные совместными усилиями представителей этой среды.

В криминальном сообществе особое место занимают уличные неформальные группировки несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, которым в силу возраста и отсутствия жизненного опыта присущи романтизм, максимализм, жестокость. Вместе с тем сфера криминальной субкультуры охватывает и ряд антиобщественных групп и неформальных объединений индивидов с отклоняющимся поведением, поскольку они обладают особыми корпоративными ценностными ориентациями, а именно группы проституток и лиц, извлекающих материальный доход из их деятельности, организованные группировки по осуществлению контрабандных операций и тесно связанные с ними криминальные формирования, специализирующиеся на незаконном обороте оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов, группы правонарушителей, занимающиеся азартными играми в виде промысла, криминальные группы по осуществлению массового браконьерства.

Субкультурным формированиям свойственно иерархическое построение, верховное положение в котором занимали и занимают авторитеты уголовной среды.

Основу криминальной субкультуры составляют ее элементы: стратификация, «общак», язык, татуировки, игры и развлечения, клички, «прописка», мифология, санкции.

Ключевые слова: классификация; субкультура; среда; преступность; общество; элемент.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Classification of subcultural relations in the criminal community

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Department for Studying Domestic and Foreign Experience, History of the Penal System, Comparative Analysis of Penal Law of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E. A. MALETINA – Head of Department for Studying Domestic and Foreign Experience, History of the Penal System, Comparative Analysis of Penal Law of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article describes the characteristics and classification of subcultural relations in the criminal community, which allows us to understand the causes of the emergence and functioning of separate groups of criminal orientation. The subculture of the criminal community is really divided into two parts: the general and the special. This is due to the fact that some value orientations are valid only in conditions of freedom, others – in conditions of isolation from society. The general criminal subculture contains the pronounced distorted values of the offenders, developed by the joint efforts of representatives of this environment.

In the criminal community a special place is occupied by street informal groups of minors and young people, who by virtue of years and lack of life experience are inherent in romanticism, maximalism, cruelty. At the same time the scope of the criminal subculture also covers a number of antisocial groups and informal associations of individuals with deviating behavior since they have particular corporate value orientations, namely groups

of prostitutes and individuals who derive material income from their activity, organized groups for carrying out smuggling operations and closely related with them criminal groups specializing in the illicit trafficking of weapons, explosives and ammunition, groups of offenders engaging in gambling as a craft, criminal groups for the implementation of mass poaching.

Subcultural formations are characterized by a hierarchical structure, in which the authorities of the criminal environment hold and occupy a supreme position.

The basis of the criminal subculture consists of its elements: stratification, «common fund», language, tattoos, games and entertainments, nicknames, «registration», mythology, sanctions.

Key words: classification; subculture; environment; crime; community; element.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Общеизвестно, что классификация – это система распределения каких-либо однородных предметов или понятий по классам, отделам и т. п. по определенным общим признакам или свойствам. Она помогает познать свойства и признаки рассматриваемого предмета. В рамках нашего исследования классификация субкультурных отношений в обществе позволяет понять механизм функционирования обособленных групп противоправной ориентации.

Субкультуру криминального сообщества принято подразделять на общую, характерную для всех преступников независимо от сферы преступных посягательств конкретной личности, и производные от нее субкультуры, характерные для определенных групп, объединенных видом криминальной деятельности.

Общая криминальная субкультура содержит в себе ярко выраженные искаженные ценности правонарушителей, выработанные совместными усилиями представителей этой среды. Субкультурные группировки независимо от криминальной направленности обладают общими чертами, характерными только для них: стараются действовать тайно от окружающих, постоянно находятся в состоянии сопротивления с обществом и правоохранительными органами, в них четко определены и зафиксированы межличностные отношения.

Зарубежные и отечественные криминологи всю массу преступников подразделяют в зависимости от направления противоправной деятельности на политических, экономических, уличных и т. п.

В криминальной субкультуре ведущая роль отводится авторитетам уголовной среды – вора в законе и их ближайшему окружению. Их противоправная групповая линия поведения, как правило, диктуется общей культурой преступного мира, опирающейся на свои корпоративные принципы, обычаи, традиции. От всех прочих неформальных

образований в криминальном сообществе они отличаются разрывом семейных связей, высоким преступным профессионализмом, устойчивостью межличностных отношений, а также постоянством противоправной деятельности. В современных условиях их действия ограничиваются закрепленной территорией, что связано с разделением сфер влияния. Особо статус авторитетов проявляется в местах лишения свободы. Территориальное воровское сообщество координирует деятельность традиционных криминальных группировок. К ним относятся различные преступные образования, участники которых занимаются вымогательством, кражами, грабежами, разбойными нападениями и т. д. Именно такие группировки контролируют лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью на определенных территориях (город, район, поселок, рынок, торговый центр, дорога и т. п.). В современной России нет ни одного региона, где бы ни проявлялась криминальная активность подобного рода.

В криминальном сообществе особое место занимают уличные неформальные группировки несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, которым в силу их возраста и отсутствия жизненного опыта присущи романтизм, максимализм, жестокость. Именно они являются питательной средой для распространения криминальной субкультуры и рекрутирования новых членов в преступное сообщество.

В последние три десятилетия отдельные группировки несовершеннолетних приобретают все более ярко выраженные криминальные черты, характерные для взрослой преступной среды, такие как замкнутость группы, иерархическая подчиненность, наделение положенным статусом каждого члена группы, соблюдение неформальных норм поведения, наличие всех элементов субкультуры. Они обладают подконтрольной территорией, в пределах которой и

осуществляют преступную деятельность. Наличие подобных группировок создает соответствующий морально-психологический климат в среде молодежи, оказывая тем самым негативное влияние на социальные процессы в регионах. Приверженность криминальной молодежной субкультуре, усвоение ее норм и ценностей обнаруживают главным образом личности, не получившие в силу различных обстоятельств признания со стороны сверстников и решившие его добиться с помощью противоправного поведения. Также усвоение норм и ценностей криминальной субкультуры может осуществляться личностями с низким социальным статусом в системе социальных отношений.

В структуре криминальных сообществ значимая роль отводится преступным группировкам, занимающимся наркобизнесом. В их практической деятельности четко прослеживается разделение труда: одни группировки специализируются на высевах и сборе, другие на переработке и изготовлении, третьи на транспортировке и сбыте наркосодержащих культур. У них своя система ценностей и собственный язык.

Различными ценностными ориентациями обладают криминальные образования, формирующиеся на основе исторических, национальных и этнических связей. Им присущ национальный компонент, и они именуется по составу входящих в них индивидов: татарские, цыганские, чеченские, ингушские и др. Многие группировки подобного рода поддерживают связь со своими диаспорами в различных регионах страны, при необходимости прибегают к их защите, а своей противоправной деятельности порой пытаются придать политическую окраску.

Исследования отдельных авторов дают основание сделать вывод о том, что сфера криминальной субкультуры охватывает ряд антиобщественных групп и неформальных объединений индивидов с отклоняющимся поведением, обладающих особыми корпоративными ценностными ориентациями:

- группы проституток и лиц, извлекающих материальный доход из их деятельности;
- организованные группировки по осуществлению контрабандных операций и тесно связанные с ними криминальные формирования, специализирующиеся на незаконном обороте оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов;
- группы правонарушителей, занимающиеся азартными играми в виде промысла;
- криминальные группы по осуществлению массового браконьерства (чаще всего

они противоправным путем добывают ценные породы рыбы и икры, а также занимаются сбором такого сырья и его перепродажей) [1, с. 28].

Криминальная субкультура преступного сообщества как бы подразделяется на две части: общую и особенную. Это обусловлено тем обстоятельством, что одни ценностные ориентации преступников имеют силу только в условиях свободы, в то время как другие – только в условиях изоляции. В исправительных учреждениях структура межличностных отношений осужденных обусловлена прежде всего высокой степенью изоляции от общества, узким кругом субъектов неформального общения вследствие локализации отрядов осужденных, ограничением прав индивидов большим количеством неформальных норм, постоянной угрозой насилия над личностью. Эти обстоятельства существенным образом влияют на формирование ценностей, играющих ведущую роль в местах лишения свободы.

Несомненный научный и практический интерес представляет качественная характеристика криминальных групп как носителей субкультурных отношений. Такой подход предоставляет возможность выявить суть соответствующего группового поведения.

Следует иметь в виду, что субкультурным формированиям свойственно иерархическое построение. Согласно социальному закону, действующему в любом обществе, ни одна группа людей, связанных общими интересами и деятельностью, не обходится без лидера и его окружения. С данной точки зрения группа представляет собой межличностную связь ее членов, наделенных соответствующим статусом исходя из сложившейся в ней системы отношений.

В субкультурном образовании ведущее положение занимает лидер, а само понятие лидерства определяется как процесс психологического влияния, основу которого составляют принципы свободного общения, взаимопонимания, добровольного подчинения.

Член группы, которого она наделяет правом принимать решения, связанные с процессом совместной деятельности, фактически выполняет роль лидера, то есть объединяет, направляет действия всей группы, которая принимает, одобряет и поддерживает его.

Следует подчеркнуть, что ведущее положение в группе могут занимать только лица, обладающие качествами, характерными для всех лидеров. Проведенный опрос предста-

вителей администрации исправительных учреждений показал, что лидерам уголовной среды свойственны следующие черты:

- хорошие организаторские способности;
- умение искусно влиять на других осужденных, подчинять их своей воле;
- подчеркнуто сдержанное общение с окружающими, опрятный внешний вид;
- общительность, легкость вхождения в контакт с другими лицами;
- проявление непримиримости в отношении тех людей, которые причиняли им какой-либо ущерб [1, с. 36].

Лидеры криминальной среды не только достаточно эрудированы, но и обладают специальными знаниями, на что в своих исследованиях обращали внимание А. И. Гуров, В. В. Зайцев, Н. М. Якушин и др. [5, с. 136]. Отмечается то обстоятельство, что лидерам известны методы работы оперативных аппаратов и основы тактики следственной деятельности, они хорошо ориентируются в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, способны противодействовать сотрудникам правоохранительных органов.

Субкультурным группам во главе с лидерами присуще такое качество, как устойчивость. Данное понятие в научной литературе трактуется по-разному. Приведем различные точки зрения по этому вопросу. По мнению В. Г. Танасевича и К. Т. Никулиной, устойчивость характеризуется: а) длительностью совместной преступной деятельности; б) постоянством состава группы [5, с. 136].

Р. Р. Галиакбаров занимает позицию, согласно которой понятие устойчивости означает, что группа создается для совершения ряда преступлений [2, с. 123]. Другие авторы полагают, что устойчивость цементирует ярко выраженная групповая антиобщественная установка, постоянство группы и упорное стремление к достижению преступной цели.

В отечественной и зарубежной научной литературе достаточно полно исследованы характер и особенности групповой преступной деятельности. Авторы, занимающиеся этой проблемой, единодушно выделяют три основных аспекта: сознательный выбор противоправной преступной деятельности; специализация на определенных видах посягательств; профессионализм в достижении поставленной задачи.

Питательной почвой для криминальной субкультуры служат дефекты правосознания, такие как правовая неосведомленность,

социально-правовой инфантилизм, правовое бескультурье, социально-правовой нигилизм. На это накладываются еще и дефекты нравственного сознания, пренебрегающего общечеловеческими нормами морали.

Этические воззрения уголовного мира неоднородны. Появившаяся возможность за большие деньги приобрести статус вора в законе, не отбыв уголовного наказания в виде лишения свободы, породила стремление возвратиться к классическим воровским традициям, законам нэпманских воров. Воровской закон нигде не писан, но это конституция воровского сообщества, обуславливающая права, обязанности и поведение. Принять закон – значит добровольно наложить на себя некоторые обязанности, отчислять деньги в «общак», соблюдать установленные правила. Суть так называемого нэпманского воровского закона по состоянию на начало 50-х гг. прошлого века изложена в письме заключенного О. Жукова к К. П. Ворошилову о реорганизации системы лагерей. Приведем его положения полностью:

«1. Пользующийся воровскими правами в лице товарищей неприкосновенен, и лишь сходка может вынести соответствующее решение его поступков и пребывания.

2. Полная интернационализация.

3. Свобода суждения и право голоса независимо от возраста 16 или 40 лет. Хотя количество преступлений, своеобразных заслуг поднимает популярность, но не власть над другими. Магерамство – единовластие – недопустимо. Атаманов как таковых нет.

4. Карточный долг – долг чести.

5. Обязан: всемерно поддерживать друга друга в заключении, а также на свободе.

6. Пользуется привилегиями над остальной массой, по блатному т.н. фраеров.

7. Пользуется воровским куском, т.е. обжимать мужиков. Доля львиная из передач посылок, с кухни пожирнее, побольше. Все лучшее им, и это во всех отношениях, а остальным, что останется.

8. Работать по возможности и желанию.

9. Рекомендуются быть бригадиром (разрешено недавно, раньше запрещалось) ввиду возможности не работать самому и своим товарищам выводить проценты, деньги, зачеты за счет работающих людей в бригаде.

10. Не имеет права: работать на должностных местах нарядчиком, старостой, строить зоны, запретки, изоляторы.

11. Пренебрежение к оседлому образу жизни, к работе, к обзаведению семьей» [3, с. 609].

Время от времени в связи с изменениями, происходящими в обществе, обновляются некоторые нормы воровского закона. После того как Президиум Верховного Совета СССР 13.01.1953 издал указ «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях», в соответствии с которым вновь вводилась смертная казнь в отношении заключенных, совершающих бандитские действия в лагерях и колониях, на воровской сходке в августе 1953 г. было постановлено:

- входить в доверие начальства;
- мужиков, кухню не обжимать: «Мужики, видя, что мы их защита от другого мира, где жмут, встанут стеной за нас, и любые невзгоды не страшны за мужиком»;
- пресекать шkodников в лагере, на поселке не воровать;
- ни одного случая трюмиловки со смертельным исходом.

По мнению отдельных исследователей, в системе криминальной субкультуры особое место занимает тюремная, которая образует самостоятельную подсистему культуры [4, с. 18]. Нами данная точка зрения не разделяется, так как не может быть двух криминальных субкультур, носители одной из которых находятся за колючей проволокой, изолированные от общества, а представители другой состоят в преступном сообществе на свободе. Криминальная субкультура едина. Иное дело, что в исправительных учреждениях на ее проявления существенное влияние оказывают высокая степень изоляции от общества, постоянный контроль за поведением и действиями каждой личности через систему смотрящих, постоянная угроза возможного насилия над личностью и т. д.

Поскольку криминальная субкультура активно распространяется ее носителями, она неизбежно вторгается в культуру официальную, подменяя или девальвируя общепризнанные ценности и нормы, насаждая свои правила, свои элементы. Криминализация общества через субкультуру в первую очередь отражается на подрастающем поколении как наиболее восприимчивой и активной части граждан.

Носителями криминальной субкультуры являются криминальные группы и преступники-рецидивисты. Проходя через систему мест лишения свободы, они совершенствуют свой преступный опыт, усваивая воровские и тюремные законы, а затем передают это другим, способствуя тем самым воспроизводству преступности. В одном случае

профессиональный преступник берет под свое покровительство несовершеннолетнего, склонного к правонарушениям, и обучает его своему ремеслу, в другом – преступники способствуют криминализации всего населения через приобщение к уголовному жаргону и приучение мыслить криминальными категориями. В 90-х гг. прошлого века появился еще один канал распространения криминальной субкультуры: лидеры крупных преступных группировок специально отбирали талантливую молодежь, способствовали их обучению в высших учебных заведениях, помогали их внедрению в различные государственные и частные структуры (правоохранительные органы, банки, коммерческие предприятия, органы государственного управления и т. д.), обеспечивали им карьерный рост и теперь используют их возможности в интересах преступного мира.

Криминальная субкультура базируется на дефектах правосознания, таких как правовая неосведомленность, дезинформированность, социально-правовой инфантилизм, социально-правовой нигилизм, социально-правовой цинизм. На эту совокупность качеств индивида накладываются искаженные принципы морали.

Этические воззрения современного уголовного мира перестали быть однородными. Изменение социально-политического строя привело к пересмотру всего законодательства, в том числе и к обновлению воровского закона и его норм на свободе и в местах лишения свободы. Прежде воровские сходки «на малине» носили общеуголовный характер. Теперь на таких мероприятиях речь идет о политике, самых значимых, но не решенных проблемах современного общества. Воры в законе стали нынче вроде народных артистов: их знают поименно, по фамилиям и кличкам. Они выступают в прессе, по радио и телевидению, дают «деловые» советы государственным деятелям, как проводить реформы и куда России идти дальше. Такой анекдотичный, но весьма показательный факт: сидевшие во владимирской тюрьме воры в законе перевели на счет тюремной администрации несколько миллионов рублей на ремонт заведения. Нравы преступного мира ужесточились, о чем свидетельствует появление в криминальной среде беспредельщиков, пускающих в ход оружие для достижения своих целей, в том числе и против воровских авторитетов.

Криминальная субкультура хранит многочисленные мифы об удачливых ворах,

смелых грабителях, почитающих идею воровского братства, рассказывающие про воровскую честность, проповедующие воровскую романтику. Эта мифология достаточно широко используется в качестве идеологического инструмента внедрения субкультуры при организации досуга лиц, склонных к противоправной деятельности.

Основу криминальной субкультуры составляют ее элементы: стратификация, «общак», язык, татуировки, игры и развлечения, клички, «прописка», мифология, санкции.

Суть стратификации составляют нормы и правила, по которым определяется статус личности в преступной группе и исправительном учреждении. Для занимающих верхнюю ступеньку стратификационной лестницы предусмотрены привилегии.

«Общак» выполняет роль материально-финансовой основы преступной деятельности и ресурс для оказания в различных формах помощи как самим осужденным, так и их родственникам. Средства общей кассы используются также для подкупа сотрудников правоохранительных органов, в том числе ФСИН России, приобретения орудий совершения преступлений, аренды помещений под притоны, игорные заведения и т. п.

Особую роль в криминальном сообществе играет жаргон, вплетенный в обычный разговорный язык и выполняющий коммуникативную функцию. И на свободе, и в исправительных учреждениях он существует как самостоятельная часть субкультуры. Поскольку отдельные термины и выражения становятся известными лицам, ведущим борьбу с преступностью, то для жаргона характерно постоянное обновление. Каждый преступник волей-неволей познает «феню» и использует ее в повседневном общении с себе подобными.

Неотъемлемым элементом криминальной субкультуры являются татуировки, распространенные в преступной среде. Как правило, они появляются в период изоляции индивида от общества, то есть не предшествуют преступлению, а следуют за ним. Татуировки отражают не только ценностные ориентации, но и стремление обладать каким-либо качеством. Им же принадлежит опознавательная функция, дающая возмож-

ность определить статус лица в криминальном сообществе.

Игры и развлечения как досуговый элемент в субкультурной среде занимают особое место. Что касается карточной игры, то она получила распространение как на воле, так и в местах лишения свободы. Поскольку игра преследует достижение цели материального характера, то в нее порой привносят элементы мошенничества. Карточные игры нередко порождают конфликтные ситуации, разрешение которых связано с насилием над личностью. «Прописка» представляет собой процедуру встречи и испытаний новичков из числа несовершеннолетних в следственных изоляторах и непосредственно влияет на определение статуса среди сокамерников.

Еще одним из возможных элементов криминальной субкультуры выступают санкции, направленные на поддержание дисциплины в уголовном мире. Применяются они и для наказания нарушивших неписаный воровской закон на свободе или в исправительном учреждении.

Перечисленные элементы криминальной субкультуры, хотя и являются самостоятельными, тем не менее тесно взаимосвязаны и в совокупности направлены на обслуживание криминальных сообществ. Их развитие и совершенствование обусловлено ценностными ориентациями правонарушителей в изменяющейся социально-политической обстановке.

Резюмируя вышеизложенное, представляется правомерным сделать вывод о том, что криминальная субкультура – это совокупность духовных и материальных ценностей, выраженных в неписаных, но охраняющихся нормах воровского закона, регламентирующего и упорядочивающего деятельность криминального сообщества. Она неизбежно вызывает девальвацию общепринятых норм и ценностей, трансформируя их в негативном ключе, способствует утрате таких человеческих качеств, как жалость и сострадание, снимает запреты на любую информацию, связанную с защитой чести и достоинства человека. Все это позволяет криминальной субкультуре оставаться мощнейшим механизмом воспроизводства преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. 168 с.
2. Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. 139 с.
3. ГУЛАГ: 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002. 888 с.
4. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог, 2006. 112 с.
5. Танасевич В. Г., Никулина К. Т. Некоторые вопросы соучастия // Изучение и предупреждение преступности. Вып. 4. Вильнюс, 1971. С. 126–140.

REFERENCES

1. Anisimkov V. M. Kriminal'naya subkul'tura [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. (In Russ.).
2. Galiakbarov R. R. Grupповое prestuplenie [Group crime]. Sverdlovsk, 1973. 139 p. (In Russ.).
3. GULAG: 1918–1960 / sost. A. I. Kokurin, N. V. Petrov [GULAG: 1918–1960 : comp. A. I. Kokurin, N. V. Petrov]. Moscow, 2002. 888 p. (In Russ.).
4. Lysak I. V., SHERKASOVA YU. YU. Tyuremnaya subkul'tura v Rossii [Prison subculture in Russia]. Taganrog, 2006. 112 p. (In Russ.).
5. Tanasevich V. G., Nikulina K. T. Nekotorye voprosy souchastiya [Some issues of complicity]. Izuchenie i preduprezhdenie prestupnosti. Vyp. 4. – The study and prevention of crime. Iss. 4. Vilnius, 1971. P. 126–140 (In Russ.).

УДК 342.9

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-28-34

Механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере и его содержание

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Реферат

В статье проанализированы основные теоретические подходы к пониманию сущности и содержания основных элементов механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере. Автор обосновывается позиция о том, что при широком понимании данный механизм образуют административно-правовые нормы, административно-правовые отношения и реализация административно-правовых норм, а также правосознание, правовая культура, правовая идеология, акты поведения и т. д.

В более узком понимании содержание административно-правового механизма государственной службы в правоохранительной сфере сводится к совокупности административно-правовых средств (административно-правовые нормы, правоприменительные акты, административные договоры, юридические факты, субъективные права и обязанности участников административно-правовых отношений, способы и приемы государственного управленческого воздействия), с помощью которых осуществляется специально-юридическое административно-правовое регулирование государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; административно-правовые отношения; административно-правовые нормы; государственная служба; правоохранительная деятельность; правоохранительные органы.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

The mechanism of administrative and legal regulation of the civil service in law enforcement and its content

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Abstract

The article analyzes the main theoretical approaches to understanding the nature and content of the main elements of the mechanism of administrative and legal regulation of civil service in law enforcement. The author justifies the position that with a wide understanding this mechanism form the administrative legal norms, administrative legal relations and the implementation of administrative legal norms as well as legal consciousness, legal culture, legal ideology, acts of behavior, etc.

In a more narrow sense the content of the administrative-legal mechanism of the civil service in the law enforcement sphere is reduced to a set of administrative legal means (administrative law, law enforcement acts, administrative contracts, legal facts, subjective rights and obligations of participants in administrative legal relations, methods and techniques of public administrative influence), with the help of which a special legal administrative and legal regulation of the state civil relations in the field of law enforcement.

Key words: administrative and legal regulation; administrative and legal relations; administrative law; civil service; law enforcement; law enforcement agencies.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

Основное место в механизме правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере отведено административно-правовым нормам. Классическое для отечественной юриспруденции определение нормы права предложено О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским, которые считали, что норма права «есть установленная или санкционированная государством и охраняемая им норма общеобязательного поведения людей как участников регулируемых ею повторяющихся общественных отношений» [7, с. 131].

Такое представление о норме оставалось господствующим в юриспруденции длительное время и стало определяющим в понимании норм отдельных отраслей права и правовых институтов, в том числе в теории административного права [22, с. 48; 2, с. 25; 16, с. 66; 8, с. 3].

Несмотря на известные редакционные отличия, большинство авторов советского периода указывали на практически идентичные с позиции юридической догмы признаки административно-правовой нормы. Это обуславливалось, прежде всего, определением самого советского административного права как «системы норм, регулирующих общественные отношения в сфере государственного управления, отношения управленческого характера, возникающие в иных сферах государственной деятельности, а также отношения, складывающиеся в связи с осуществлением общественными организациями функций органов государственного управления» [8, с. 5].

Расширительное толкование предмета административно-правового регулирования, когда в него наряду с общественными отношениями в сфере государственного управления включались и общественные отношения в области общественного

управления, было вызвано идеологической надстройкой советского государства [11, с. 153–158; 14, с. 143].

В современных условиях становления в России правового демократического государства предмет и содержание административно-правового регулирования существенно изменились. Так, например, Ю. М. Козлов определяет административно-правовую норму как «устанавливаемое государством правило поведения, целью которого является регулирование общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся (по мере необходимости) в сфере функционирования механизма исполнительной власти или (в широком смысле) государственного управления» [4, с. 47]. Д. Н. Бахрах полагает, что под нормой административного права следует понимать «установленные или санкционированные государством правила, регулирующие отношения в сфере государственного или муниципального управления, реализация которых при неисполнении обеспечивается государственным принуждением» [5, с. 9]. Н. Ю. Хаманева и Ю. Л. Шульженко отмечают, что «административно-правовая норма – это правило поведения, регулирующее общественные отношения управленческого характера». При этом, по их мнению, «нормами административного права регулируется достаточно широкий круг разнообразных общественных отношений, которые возникают как внутри системы исполнительной власти, так и тех отношений, которые в теории административного права называются внешними» [3, с. 89].

На наш взгляд, интерес представляет точка зрения Ю. Н. Старилова, который определяет административно-правовую норму как норму права, регулиующую четыре основные группы общественных отноше-

ний, а именно: а) отношения в сфере деятельности органов исполнительной власти, местной администрации, общественных организаций, некоммерческих и иных негосударственных организаций при реализации порученных им отдельных функций государственного управления; б) внутриорганизационные управленческие отношения в иных сферах государственной деятельности (органах представительной власти, прокуратуры и суда); в) отношения в области применения административных взысканий и иных мер административного принуждения; г) отношения в сфере административной юстиции [20, с. 399, 400]. Представляется, что подобное понимание предметного содержания административно-правовой нормы наиболее полно раскрывает сложившуюся на данный момент систему административно-правового регулирования общественных отношений.

Вместе с тем следует отметить, что с учетом широкого спектра политических, экономических, социальных и иных прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантированных Конституцией Российской Федерации, административно-правовую норму следует определить как норму, регулиующую, с одной стороны, общественные отношения публичного характера в различных сферах взаимодействия отдельной личности и государства, а с другой – общественные отношения внутриорганизационного характера, возникающие в процессе функционирования органов государственной власти, местного самоуправления, а также предприятий, организаций и учреждений.

На наш взгляд, административно-правовые нормы в рассматриваемой нами системе регулирования общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в ходе административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере, затрагивают три подсистемы общественных отношений, присущих в целом предмету действия административного права. Во-первых, административно-правовые нормы регулируют отношения в сфере непосредственной организации правоохранительной деятельности и выполнения правоохранительных функций государственными органами. Во-вторых, административно-правовые нормы определяют полномочия субъектов государственной правоохранительной деятельности как государственных служащих во внешней и внутриорганизационной сферах, в том числе в области непосредствен-

ной организации прохождения государственной службы в правоохранительной сфере. В-третьих, административно-правовые нормы регулируют процессуальные (процедурные) отношения государственной службы в правоохранительной области, связанные с установлением административных регламентов по реализации полномочий ее служащих.

В современных условиях именно нормы административного права призваны восполнить существующий нормативный вакуум в области выработки и принятия важнейших решений в сфере государственной службы. Правовую основу построения системы административно-правового регулирования образуют нормы Конституции Российской Федерации, которые обеспечивают ограничение идеологического вмешательства в процессы регулирования государственно-служебных отношений.

Наряду с административно-правовыми нормами значимую роль в механизме административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере играют правоприменительные акты [23, с. 6–11]. Важное место в системе правоприменительных актов вообще и при рассмотрении проблем государственной службы в правоохранительной сфере в частности занимает их особая разновидность – правовые акты управления. В научной литературе правовой акт управления рассматривается как особая правовая форма административной деятельности органов исполнительной власти [4, с. 241; 21, с. 129; 18, с. 7].

По нашему мнению, правовой акт управления государственной службы в правоохранительной сфере имеет следующие признаки: во-первых, он представляет собой юридический акт, принятый соответствующим правоохранительным органом и направленный на реализацию административных полномочий в определенной сфере правоохранительной деятельности; во-вторых, является подзаконным и связан с реализацией норм административного права; в-третьих, целью принятия административного акта является организация управленческих отношений в процессе осуществления своих полномочий служащими государственной службы в правоохранительной сфере.

Назначение правовых актов управления разнообразно. В рассматриваемом нами случае они выступают в качестве одного из основных административно-право-

вых средств, конкретизирующих действие административно-правовых норм. Сферу применения правовых актов управления образует функциональная среда, то есть общественные отношения, связанные с осуществлением служащими правоохранительных функций.

В качестве основополагающего принципа применения правовых актов будет выступать неукоснительное обеспечение и соблюдение прав и свобод отдельной личности. При этом ограничение прав и свобод личности путем принятия соответствующего правового акта управления допустимо только в случаях, предусмотренных законом, когда речь «идет об обеспечении публичных интересов, общественного порядка и общественной безопасности» [21, с. 147].

Изучение отечественной правоприменительной практики свидетельствует о чрезмерно широком применении подзаконных правовых актов, принятие которых заменяет либо дублирует законодательные административно-правовые нормы, а подчас и противоречит им. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно выявляется свыше 380 тыс. незаконных правовых актов, в 2018 г. их количество составило 391 899 [15]. Качественное же состояние правовых актов управления вообще не поддается каким-либо оценкам ввиду того, что в нашей стране постоянный мониторинг данного пласта правоприменительной деятельности не проводится.

Определенную оценку состоянию правовых актов управления и, собственно говоря, качеству управленческой деятельности в правоохранительной сфере возможно дать на основе анализа самого правопорядка в обществе и ряда косвенных показателей эффективности правоохранительной деятельности.

Несмотря на широкомасштабные акции правоохранительных структур по самоочищению от сотрудников, совершающих правонарушения коррупционного характера, уровень коррупции в соответствующих органах остается достаточно высоким. В 2018 г. больше всего дел о коррупции было возбуждено против сотрудников МВД России. По данным Следственного комитета Российской Федерации, к уголовной ответственности были привлечены 790 служащих органов внутренних дел. Всего с начала 2018 г. было зафиксировано 25 тыс. правонарушений, связанных с подкупом и взятками, что на 0,6 % больше, чем в предыдущем году [10].

Следует отметить, что на отдельных этапах развития отечественной правоохранительной системы государству удавалось принимать эффективные управленческие решения, позволявшие комплексно подходить к процессу организации правоохранительной деятельности. В частности, принятие и последующая реализация Комплексной программы перестройки системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров МВД СССР на период 1987–1990 гг. [17, с. 76] позволили существенно улучшить качественные показатели кадрового обеспечения органов внутренних дел, что, безусловно, наряду с принятием ряда других мер отразилось и на состоянии работы по противодействию преступности в стране.

В современных условиях функционирования правоохранительных органов повышение эффективности государственной службы в правоохранительной сфере приобретает статус стратегической задачи. В этой связи важным представляется такой элемент понимаемого в широком смысле механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере, как правосознание. В. В. Сорокин утверждает, что правосознание – это форма совести. Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего понуждения. В юридической науке принято понимать под правосознанием правовую идеологию и правовую психологию вместе. Еще И. А. Ильин признавал, что право, отчужденное от правосознания, бессильно и не способно выполнить свою функцию. «Духовное назначение права, – утверждал И. А. Ильин, – состоит в том, чтобы жить в душах людей, слагая в их сознании внутренние побуждения, воздействуя на их внешний образ действий. Задача права в том, чтобы создавать в душе человека мотивы для лучшего поведения» [19, с. 62–65]. Следовательно, развитие правового сознания служащих – важная сфера заботы государственной правоохранительной службы.

Достаточно новым, но вместе с тем очень актуальным в контексте совершенствования механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере направлением является расширение практики применения административно-правовых договоров [1]. По мнению А. П. Коренева и А. А. Абдурахманова, административно-правовой до-

говор представляет собой «основанное на нормах административного права соглашение, понимаемое как взаимное и согласное проявление воли сторон относительно единой цели между двумя или более формально равными субъектами, имеющее своим предметом совершение управленческих либо организационных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом государственного управления либо его законным представителем» [9, с. 87].

Административно-правовые договоры находят самое широкое применение в кадровом обеспечении правоохранительной деятельности. В практике работы со служащими правоохранительных органов используется контрактная система комплектования, которая позволяет индивидуализировать применение административно-правовых норм с учетом особенностей прохождения службы отдельным сотрудником. Кроме того, важную роль административно-правовые договоры как особая разновидность актов управления играют и в решении задач координации деятельности различных несоподчиненных субъектов государственной службы в правоохранительной сфере. Так, в последние годы получила широкое распространение практика заключения правоохранительными органами публично-правовых договоров (соглашений) с зарубежными организациями, федеральными органами исполнительной власти, другими государственными органами [12; 13].

Не менее важны для рассмотрения механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере и такие правовые явления, как юридические факты и субъективные права и обязанности субъектов кадрового обеспечения правоохранительной деятельности.

В общей теории права под юридическими фактами понимаются юридически значимые явления (события, действия), с наличием которых законодатель связывает возникновение, изменение или прекращение административно-правовых отношений [7, с. 242; 3, с. 112]. В процессе служебной деятельности по реализации правоохранительных функций юридические факты выступают в роли своего рода катализатора возникновения административных правоотношений. По нашему мнению, возможно выделить следующие основные группы юридических фактов в рассматриваемой нами области: по формированию государственно-служеб-

ных правоотношений; практическому функционированию государственной службы; реализации принципов государственной службы; формированию и реализации правового статуса государственного служащего; прохождению государственной службы; прекращению государственной службы; управлению государственной службой; проведению реформы государственной службы.

Наряду с юридическими фактами в элементный состав механизма административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере входят права и обязанности ее субъектов (применительно к коллективным субъектам – полномочия).

Субъективные права и обязанности образуют основу административно-правового статуса служащих государственной службы в правоохранительной сфере. Их установление осуществляется посредством назначения служащего на должность с определенным объемом полномочий. При этом полномочия отдельного служащего производны от компетенции конкретного правоохранительного органа. Они устанавливаются на основании квалификационных требований и должностных инструкций соответствующим актом управления (приказом).

Субъективные права и обязанности служащих государственной службы в правоохранительной сфере разнообразны и требуют классификации. В. В. Черников, рассматривая правовое положение сотрудника полиции, выделяет две группы прав и обязанностей – общие и особенные (должностные). К первой группе он относит общие полномочия сотрудника, то есть его права и обязанности как гражданина России и как государственного служащего, а к особенным (должностным) – права и обязанности, непосредственно связанные с осуществлением полномочий в соответствии с конкретной занимаемой должностью [6]. Перечень данных полномочий содержится в должностном регламенте (должностных инструкциях).

По нашему мнению, приведенную классификацию следует дополнить и категорией полномочий, связанных с общими для государственной службы в правоохранительной сфере функциями по борьбе с преступлениями и административными правонарушениями, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то есть полномочиями, кото-

рые возложены на всех служащих государственной службы в правоохранительной сфере независимо от занимаемой должности. В соответствии с действующим законодательством все государственные аттестованные служащие правоохранительных органов, наделенные полномочиями по выполнению правоохранительных функций, обязаны принимать меры к пресечению преступлений и административных правонарушений, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Таким образом, механизм административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере, являясь сложным институциональным образованием, охватывает своим действием комплекс однородных групп общественных отношений в области государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере. Круг этих отношений, образующий предмет административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере, следует рассматривать сквозь призму современной конституционной идеологии построения в России правового, демократического, социального государства. Приоритетным направлением административно-правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере является установление четких правовых гарантий взаимоотношений гражданина и государства как при возникновении государственно-служебных правоотношений в области профессиональной деятельности служащих государственной службы в правоохранительной сфере по выполнению правоохранитель-

ных функций, а также внутриорганизационной деятельности, включая деятельность, связанную с прохождением службы, так и в координации взаимодействия с другими структурами общества и государства при решении социальных задач.

В административно-правовой механизм государственной службы в правоохранительной сфере в широком понимании входят административно-правовые нормы, административно-правовые отношения и реализация административно-правовых норм, а также правосознание, правовая культура, правовая идеология, акты поведения и т. д. При этом именно система административно-правовых норм обеспечивает правовое регулирование государственно-служебных отношений в правоохранительной сфере, оказывает не только специально-юридическое воздействие, но и информационно-психологическое, воспитательное, социальное и иное влияние на них.

В более узком понимании содержание административно-правового механизма государственной службы в правоохранительной сфере сводится к совокупности административно-правовых средств (административно-правовые нормы, правоприменительные акты, административные договоры, юридические факты, субъективные права и обязанности участников административно-правовых отношений, способы и приемы государственного управленческого воздействия), посредством которых происходит специально-юридическое административно-правовое регулирование государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманов А. А. Административный договор и его использование в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 23 с.
2. Административное право : учеб. / под ред. А. Е. Лунева. М., 1971. 240 с.
3. Административное право России : курс лекций / под ред. Н. Ю. Хаманевой. М., 2008. 704 с.
4. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учеб. М., 2003. 608 с.
5. Бахрах Д. Н. Административное право. Часть общая : учеб. М., 1993. 301 с.
6. Булавин С. П., Черников В. В. Правовой статус сотрудника полиции // Адм. право и процесс. 2011. № 9. С. 2–10.
7. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. 381 с.
8. Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. 142 с.
9. Корнев А. П., Абдурахманов А. А. Административные договоры: понятие и виды // Журн. рос. права. 1998. № 7. С. 83–90.
10. МВД России заняло первое место в рейтинге коррумпированности. URL: <http://anticorr.media/mvd-bylo-nazvano-rassadnikom-korrupcii-v-rossii/> (дата обращения: 25.02.2019).
11. Николаева Л. А. Обзор литературы по советскому административному праву за период 1959–1961 гг. // Правоведение. 1962. № 3. С. 153–158.
12. Об организации делопроизводства и порядке работы с обращениями граждан в центральном аппарате и подчиненных подразделениях МВД России : приказ МВД России от 01.03.1999 № 150. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Федеральной службе исполнения наказаний : приказ Минюста России от 16.08.2007 № 166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Общественные организации в СССР (некоторые политические и организационно-правовые аспекты). М., 1972. 216 с.

15. Основные результаты прокурорской деятельности в 2018 году. URL: www.genproc.gov.ru/stat/data (дата обращения: 25.02.2019).
16. Петров Г. И. Советское административное право. Часть общая. Л., 1970. 304 с.
17. Савостин А. А. Методы административно-правового регулирования и управления (понятие, сущность, классификации) : моногр. М., 2004. 89 с.
18. Смирнов В. В. Акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 26 с.
19. Сорокин В. В. Совесть в механизме правового регулирования: вопросы теории // Рос. юстиция. 2010. № 1. С. 62–65.
20. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. М., 2002. Т. 1. 728 с.
21. Стариков Ю. Н. Правовые акты управления: понятие, признаки, значение и функции // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2000. № 1. С. 129–152.
22. Студеникин С. С. Советская административно-правовая норма и ее применение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1949. 48 с.
23. Студеникина М. С. Нормативные правовые акты управления как форма реализации исполнительной власти // Адм. право и процесс. 2014. № 2. С. 6–11.

REFERENCES

1. Abdurahmanov A. A. Administrativnyj dogovor i ego ispol'zovanie v deyatel'nosti organov vnutrennih del : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Administrative contract and its use in the activities of the internal affairs bodies : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1997. 23 p. (In Russ.).
2. Administrativnoe pravo : ucheb. / pod red. A. E. Luneva [Administrative law : textbook : ed. by A. E. Lunev]. Moscow, 1971. 240 p. (In Russ.).
3. Administrativnoe pravo Rossii : kurs lekciy / pod red. N. YU. Hamanevoj [Administrative law of Russia : lecture course : ed. by N. Yu. Hamaneva]. Moscow, 2008. 704 p. (In Russ.).
4. Alekhin A. P., Karmolitskiy A. A., Kozlov YU. M. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. [Alekhin A.P., Karmolitskiy A.A., Kozlov Yu.M. Administrative law of the Russian Federation : textbook]. Moscow, 2003. 608 p. (In Russ.).
5. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo. CHast' obshchaya : ucheb. [Bahrah D. N. Administrative law. Common part : textbook]. Moscow, 1993. 301 p. (In Russ.).
6. Bulavin S. P., Chernikov V. V. Pravovoj status sotrudnika policii [Bulavin S.P., Chernikov V.V. Legal Status of a Police Officer]. Adm. pravo i process – Administrative law and process. 2011. Iss. 9. P. 2–10. (In Russ.).
7. Ioffe O. S., SHargorodskij M. D. Voprosy teorii prava [Questions of the Theory of Law]. Moscow, 1961. 381 p. (In Russ.).
8. Korenev A. P. Normy administrativnogo prava i ih primenenie [Norms of administrative law and their application]. Moscow, 1978. 142 p. (In Russ.).
9. Korenev A. P., Abdurahmanov A. A. Administrativnye dogovory: ponyatie i vidy [Administrative contracts: concept and types]. ZHurn. ros. prava – Journal of Russian law. 1998. Iss. 7. P. 83–90. (In Russ.).
10. MVD Rossii zanyalo pervoe mesto v rejtinge korrumpirovannosti [The Ministry of Internal Affairs of Russia took the first place in the ranking of corruption]. Available at: <http://anticorr.media/mvd-bylo-nazvano-rassadnikom-korrupcii-v-rossii/> (accessed 25.02.2019). (In Russ.).
11. Nikolaeva L. A. Obzor literatury po sovetskomu administrativnomu pravu za period 1959–1961 gg. [Review of literature on Soviet administrative law for the period 1959–1961]. Pravovedenie – Jurisprudence. 1962. Iss. 3. P. 153–158. (In Russ.).
12. Ob organizacii deloproizvodstva i poryadke raboty s obrashcheniyami grazhdan v central'nom apparate i podchinennyh podrazdeleniyah MVD Rossii : prikaz MVD Rossii ot 01.03.1999 № 150 [On the organization of office work and the procedure for working with citizens in the central office and subordinate units of the Ministry of Internal Affairs of Russia : Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 01.03.1999 No. 150]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Ob utverzhenii Instrukcii po deloproizvodstvu v Federal'noj sluzhbe ispolneniya nakazaniy : prikaz Minyusta Rossii ot 16.08.2007 № 166 [On approval of the Instruction on clerical work in the Federal Penal Service : Order of the Ministry of Justice of Russia from 16.08.2007 No. 166]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
14. Obshchestvennye organizacii v SSSR (nekotorye politicheskie i organizacionno-pravovye aspekty) [Public organizations in the USSR (some political, organizational and legal aspects)]. Moscow, 1972. 216 p. (In Russ.).
15. Osnovnye rezul'taty prokurorskoj deyatel'nosti v 2018 godu [The main results of prosecution activities in 2018]. Available at: www.genproc.gov.ru/stat/data (accessed 25.02.2019). (In Russ.).
16. Petrov G. I. Sovetskoe administrativnoe pravo. CHast' obshchaya [Soviet administrative law. Common part]. Leningrad, 1970. 304 p. (In Russ.).
17. Savostin A. A. Metody administrativno-pravovogo regulirovaniya i upravleniya (ponyatie, sushchnost', klassifikacii) : monogr. [Methods of administrative regulation and management (concept, essence, classifications) : monograph]. Moscow, 2004. 89 p. (In Russ.).
18. Smirnov V. V. Akty organov ispolnitel'noj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Acts of the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2001. 26 p. (In Russ.).
19. Sorokin V. V. Sovest' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: voprosy teorii [Conscience in the mechanism of legal regulation: theoretical issues]. Ros. yusticiya – Russian justice. 2010. Iss. 1. P. 62–65. (In Russ.).
20. Starikov YU. N. Kurs obshchego administrativnogo prava : v 3 t. [The course of general administrative law : in 3 vol.]. Moscow, 2002. Vol. 1. 728 p. (In Russ.).
21. Starikov YU. N. Pravovye акты управления: ponyatie, priznaki, znachenie i funkcii [Legal acts of management: concept, characteristics, meaning and functions]. Vestn. Voronezh. gos. un-ta – Bulletin of Voronezh State University. 2000. Iss. 1. P. 129–152. (In Russ.).
22. Studenikin S. S. Sovetskaya administrativno-pravovaya norma i ee primenenie : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Soviet rule of administrative law and its application : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 1949. 48 p. (In Russ.).
23. Studenikina M. S. Normativnye pravovye акты управления как форма realizacii ispolnitel'noj vlasti [Regulatory legal acts of management as a form of realization of the executive power]. Adm. pravo i process – Administrative law and process. 2014. Iss. 2. P. 6–11. (In Russ.).

Основные направления деятельности Государственной автомобильной инспекции Вологодской области в 1937–1991 гг.¹

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

С. И. СТАРОСТИН – ведущий архивист Вологодского областного архива новейшей политической истории

Реферат

На данный момент в обществе большую тревогу вызывает состояние аварийности на дорогах. В этой связи значительный научный и общественный интерес представляет изучение исторического опыта деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности дорожного движения. В рамках данной статьи авторами на основе новых архивных документов рассмотрена деятельность Государственной автомобильной инспекции Вологодской области в 1937–1991 гг. Авторы приходят к выводу, что роль Государственной автомобильной инспекции Вологодской области возрастала по мере увеличения количества автомобильного транспорта и роста дорожной сети. Ввиду специфики выполняемых задач Государственная автомобильная инспекция занимала особое место в структуре территориальных органов внутренних дел, будучи самым мобильным и технически оснащенным ведомственным подразделением. Ее основными функциями являлись борьба с аварийностью, разработка технических норм эксплуатации автотранспорта и его учет, контроль за подготовкой водительского состава. Несмотря на рост сложности и напряженности работы, сотрудники Государственной автомобильной инспекции с честью и достоинством выполняли профессиональные задачи, обеспечивая порядок на дорогах.

Ключевые слова: Вологодская область; органы внутренних дел; государственная автомобильная инспекция; обеспечение безопасности дорожного движения.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

The main activities of the State Automobile Inspectorate of the Vologda region in 1937–1991

A. L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

S. I. STAROSTIN – Leading Archivist of the Vologda Regional Archive of Contemporary Political History

Abstract

At the moment in a society of great concern is the state of accidents on the roads. In this regard a significant scientific and public interest is the study of the historical experience of law enforcement agencies to ensure road safety. Within the framework of this article the authors on the basis of new archival documents reviewed the activities of

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; Проект № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)».

the State Traffic Patrol Department of the Vologda Region in the years 1937–1991. The authors conclude that the role of State Traffic Patrol Department of the Vologda Region increased with the increase in the number of motor vehicles and the growth of the road network. Due to the specifics of the tasks performed, the State Traffic Patrol Department occupied a special place in the structure of the territorial bodies of internal affairs being the most mobile and technically equipped departmental unit. Its main functions were the fight against accidents, the development of technical standards for the operation of vehicles and its accounting, control over the preparation of the driver's staff. Despite the growing complexity and intensity of work the staff of the State Traffic Patrol Department performed their professional tasks with honor and dignity, ensuring order on the roads.

Key words: Vologda region; law enforcement bodies; the State Traffic Patrol Department; road safety.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

В современном российском обществе большую тревогу вызывает состояние аварийности на дорогах. В 2018 г., по данным ГИБДД, произошло свыше 168 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в которых были ранены 214 тыс. чел. и погибли 18 тыс. чел. [3]. В этой связи значительный научный и общественный интерес представляет изучение исторического опыта деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности дорожного движения. В рамках данной статьи авторами на основе новых архивных документов рассмотрена деятельность Государственной автомобильной инспекции Вологодской области в 1937–1991 гг.

В период индустриализации 1930-х гг. в Советском Союзе происходил быстрый рост количества автомобильного транспорта. Если в 1911 г. в России имелось 5493 автомобиля, то в 1931 г. автопарк СССР составлял 33 600 автомобилей и 8540 мотоциклов [6, с. 41, 42]. Государственная политика в то время была направлена на развитие грузовых и общественных автомобильных перевозок. С пуском автозавода в Нижнем Новгороде, реконструкцией автомобильных заводов в Москве и Ярославле страна вышла на первое место в мире по производству грузовых автомобилей [6, с. 62].

Динамичный рост автомобильного транспорта не обошел стороной и Вологодскую область, образованную в сентябре 1937 г. С 1937 по 1939 гг. количество автомобилей в области увеличилось с 1500 до 3000 единиц, то есть в два раза. В областной газете «Красный Север» от 01.01.1938 отмечалось: «Восемь лет назад на улицах Вологды с грохотом и дребезжанием бегали лишь два изношенных до предела “Форда” да расхлябанный “Бьюик”, прозванный шоферами “бабушкиным тарантасом”. Это было все, чем располагал тогда городской автотранспорт. Сейчас в Вологде свыше 500 авто-

мобилей. Особенно вырос автопарк за последний год: организации и предприятия Вологды приобрели в 1937 году 303 автомашины. Колхозы Вологодского, Кубино-Озерского и Чебсарского района до 1935 года не имели ни одного автомобиля. Сейчас 23 колхоза обзавелись собственным автотранспортом».

Увеличение интенсивности дорожного движения объективно вело к росту аварийности. Если в первом квартале 1938 г. в области произошло 10 аварий, то во втором – 25. В 1940 г. было зарегистрировано 138 дорожно-транспортных происшествий, в которых пострадали 105 чел. (21 чел. погиб, 28 тяжело и 56 легко ранены). Возраст пострадавших был различным: до 8 лет – 10 чел., от 8 до 16 – 9 чел., от 16 и выше – 86 чел. [5, с. 407].

Рост аварийности во многом был обусловлен низким уровнем подготовки шоферов. Водители первого класса составляли менее 1 %, второго – 8 %, остальные были водителями третьего класса. В области имелась всего одна автошкола (в Вологде). Техническое состояние автотранспорта и условия его эксплуатации были неудовлетворительными: $\frac{2}{3}$ автомашин не имели гаражей, больше половины нуждались в ремонте. Серьезной проблемой было отсутствие необходимых запчастей и специалистов по ремонту автотранспорта.

Увеличение числа автомобилей, являвшихся средством повышенной опасности, потребовало создания специального административного органа, отвечавшего за безопасность дорожного движения. 5 апреля 1936 г. вышел приказ НКВД СССР № 00126 «Об организации Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР и местных аппаратов этой инспекции» [6, с. 101]. В 1938 г. структуре УПКМ Управления НКВД по Вологодской области был образо-

ван отдел Государственной автомобильной инспекции (ГАИ). Его начальником был назначен сержант милиции Л. И. Жарков (Архив УМВД России по ВО¹. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–5). В 1939 г. штат отдела насчитывал 13 сотрудников [5, с. 407].

Функции ГАИ заключались в борьбе с авариями, разработке технических норм эксплуатации автомобилей, контроле за подготовкой и воспитанием шоферских кадров, количественном и качественном учете автопарка, учете аварий и анализе их причин, привлечении нарушителей ДТП к ответственности, выдаче номерных знаков, технических паспортов. Виновники ДТП наказывались в соответствии с действовавшим законодательством. Так, водитель грузовой машины Дубовцев, разбивший чрезмерную скорость и допустивший наезд на тринадцатилетнюю девочку, был приговорен к трем годам тюремного заключения. Водитель Веселов, находившийся в нетрезвом состоянии и допустивший опрокидывание автомобиля с моста, в результате чего погибли два человека и двое получили ранения, был приговорен к десяти годам тюрьмы [2, с. 20].

Сотрудники ГАИ Вологодской области осуществляли большую профилактическую работу: проводили лекции и беседы с населением и водителями, распространяли брошюры с правилами дорожного движения, популяризировали опыт шоферов-отличников, ставили перед руководством области вопросы о необходимости развития транспортной инфраструктуры: автомобильных дорог, сервисных и заправочных станций, автошкол, гаражного хозяйства и т. п. (ВОАНПИ². Ф. 2522. Оп. 1. Д. 135. Л. 80–82, 133–136; Оп. 2. Д. 85. Л. 12–19).

Характерно, что долгое время в республиках, краях и областях СССР действовали правила дорожного движения, разработанные с учетом местных условий. 20 апреля 1940 г. вышел циркуляр Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР, вводящий типовые правила движения по улицам и дорогам СССР [6, с. 122].

В период Великой Отечественной войны деятельность ГАИ перестраивается с учетом требований военного времени. Почти 40 % автопарка было передано для нужд армии [6, с. 99]. В ноябре 1941 г. большие усилия были направлены на организацию работы

Ладужской дороги жизни. На этой магистрали работало более 1500 грузовых автомобилей, мобилизованных с предприятий и организаций Вологодской области, шоферами также были вологжане [5, с. 448]. Профессионализм и личное мужество сотрудников дорожной милиции позволили организовать регулярное движение автотранспорта в блокадный город.

К началу 1941 г. Вологодскую область обслуживали шесть госавтоинспекторов. Площадь зонального участка составляла от 30 до 45 тыс. кв. км и включала от шести до восьми районов с 250–350 единицами транспорта [2, с. 15]. Обязанности инспекторов дорожного движения были обширными. В городах проезжая часть улицы была очень узкой, нередко тротуары и автобусные остановки отсутствовали, освещения практически не было. Помимо регулировки уличного движения в обязанности милиционеров входили утренние инструктажи на автобазах и в гаражах автоколонн, проведение техосмотров, регистрация транспорта, контроль за использованием горючего в машинно-тракторных станциях и автохозяйствах, поддержание в исправности проезжей части дорог.

В случае неисправности проезжей части или при гололеде сотрудники организовывали устранение неполадок, так как на дорожные службы не всегда приходилось рассчитывать вследствие их маломощности. Нередко милиционеры останавливали машину с песком и собственноручно заравнивали выбоины и ямы. Патрульных машин в то время не было, и вахту милиционеры несли на мотоциклах. В 1942 г. было проверено 6536 машин, выявлены нарушения у 3875 единиц транспорта, снято 397 государственных номерных знаков, оштрафован 181 водитель [2, с. 19–20].

Треть автопарка области, за исключением автомашин воинских частей, была сосредоточена в Вологде. Город обслуживали два инспектора. Сталинский и Молотовский районы, на территории которых находилось 105 автохозяйств, контролировал В. В. Сироткин, Октябрьский и Вологодский (70 автохозяйств) – А. В. Житков. На балансе ГАИ числилась автомашина ГАЗ-АА, которая использовалась при проведении экзаменов на право управления транспортным средством [2, с. 16].

Типичными нарушениями правил дорожного движения в годы войны являлись управление транспортом в нетрезвом состоянии или без водительского удостоверения, отсутствие светомаскировки,

¹ Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области.

² Вологодский областной архив новейшей политической истории.

эксплуатация технически неисправного автомобиля, лихачество и превышение скорости. Большинство аварий происходило с участием автомобилей воинских частей, расквартированных в области. В августе–ноябре 1941 г. по вине армейских шоферов произошло 32 аварии и 11 наездов на пешеходов, в результате чего два человека погибли, 18 получили ранения, были разбиты и повреждены 38 автомашин, пять велосипедов, сломаны два столба (ВОАНПИ. Ф. 3868. Оп. 1. Д. 3. Л. 68).

В номере газеты областного управления милиции «Страж революции» от 07.08.1941 так описывалось одно из дорожно-транспортных происшествий: «27 мая 1941 г. в гор. Вытегру следовала автомашина, управляемая пьяным шофером Русановым. Последний развил скорость в центре города до 50 километров. На сигналы милиционера остановить машину лихач не подчинился и только на обратном пути был остановлен, но и то в отделение милиции не пошел и вместе с работником милиции, который попытался задержать нарушителя, проехал около 5 километров за город. В пути следования пытался вытолкнуть последнего из кабины и угрожал смертью, то есть хотел угробить вместе с машиной. Впоследствии принятыми мерами все же лихача Русанова задержали и доставили в отделение милиции».

Помимо лихачей задержанию подлежали водители, использовавшие государственный транспорт в личных целях. По данным, опубликованным в выпуске «Стража революции» от 02.07.1943, только за три дня проверки на тракте Вологда – Кириллов – Белозерск было задержано 27 автомашин, шоферы которых занимались (за счет недогрузки транспорта) незаконной перевозкой пассажиров, получив с них для личного пользования 8740 руб. Нередко среди «грачей», как водители называли пассажиров-попутчиков, были сотрудники милиции.

В июле 1943 г. в структуре областного УНКВД появилось отделение регулирования уличного движения (ОРУД) в составе 20 сотрудников, преимущественно женщин [1, с. 74]. «В семью работников милиции гор. Вологды влилось новое пополнение – отделение регулирования дорожного движения. Пройдя специальную подготовку, девушки-комсомолки с жаром взялись осваивать новую профессию и повели решительную борьбу с нарушителями правил дорожного движения», – отмечалось в газете «Страж революции» от 18.07.1943.

Начальником ОРУД была Н. И. Коренева. Она приводила инструктаж милиционеров-регулирующих, осуществляла контроль за движением автотранспорта и пешеходов в Вологде, организовывала дежурство сотрудников и их выезд на дорожно-транспортные происшествия, вела агитационную работу среди населения. Нарушители направлялись для оформления штрафов в ближайший отдел милиции [2, с. 19].

В июне 1944 г. квалификационная комиссия Управления милиции была переименована в отделение ГАИ по надзору за подготовкой шоферских кадров. Должность председателя комиссии была заменена должностью старшего госавтоинспектора, а должности инженера ГАИ и членов комиссии – должностями госавтоинспекторов (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 68).

В послевоенные годы в народное хозяйство было передано большое количество автомобилей и мотоциклов, в том числе трофейных. Многие водители постигали шоферскую науку в условиях фронта, смутно представляя себе правила дорожного движения. Плохим было и состояние дорог области, особенно в районах. Все это усложняло обеспечение безопасности дорожного движения и способствовало росту числа дорожно-транспортных происшествий.

Рабочий день сотрудников ГАИ начинался в восемь часов утра и заканчивался в семь часов вечера (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 113. Л. 9, 12). Госавтоинспекторы вели учет транспортных средств, следили за их техническим состоянием, организовывали учебу водительского состава, осуществляли контроль за соблюдением правил уличного движения. Им оказывали помощь милиционеры-регулирующие и постовые милиционеры, которые имели полномочия по взысканию штрафов с нарушителей правил дорожного движения (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 42–43).

23 сентября 1953 г. вышел приказ начальника Управления МВД по Вологодской области полковника И. В. Шатеркина № 0032 «О передаче дорожного надзора в ведение Госавтоинспекции». В подчинение ГАИ перешли отделение дорожного надзора отдела милицейской службы и старшие инспекторы по дорожному надзору. Была создана подвижная оперативная группа дорожного надзора для патрулирования в Вологде и на загородных шоссе. Выезды на аварии, оформление материалов по дорожным про-

исшествиям возлагались на работников госавтоинспекции, а при их отсутствии – на начальников милиции и оперативный состав райотделений. Расследование по делам о дорожных происшествиях осуществляли следственный отдел управления милиции и следственные работники городских и районных отделений милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 46).

В раскрытии преступлений, связанных с автотранспортом, деятельность сотрудников госавтоинспекции играла важную роль. В середине 1950-х гг. расследовалась смерть мужчины около станции Лежа. Вызванный судмедэксперт после обследования сделал вывод, что человек погиб под колесами автомобиля в ночное время. Для осмотра места происшествия были вызваны автоинспекторы, которые выяснили, что одна из покрышек автомашины, совершившей наезд, была южная. Этих покрышек в Вологодской области было мало. На второй день поисков похожей машины участковый уполномоченный Герасимов сообщил, что автомашина с южной покрышкой есть в колхозе «Рабоче-Крестьянский», она прибыла туда из Лежского леспромхоза для перевозки зерна и стоит на ремонте. К приезду милиционеров шофер успел сменить одно колесо, однако после осмотра машины признался, что совершил наезд, не рассмотрев человека в ночное время [5, с. 509].

В 1956 г. Постановлением Совета министров РСФСР № 382 «О мерах борьбы с авариями на автомобильном транспорте и городском электротранспорте» Госавтоинспекции было предоставлено право лишать водителей прав за управление транспортом в нетрезвом виде и запрещать управление транспортными средствами без водительских удостоверений. В 1959 г. Советский Союз присоединился к Международной конвенции о дорожном движении и Протоколу о дорожных знаках и сигналах. В 1960-е гг. на всей территории СССР были введены единые образцы бланков водительских удостоверений, технических паспортов и номерных знаков для автотранспорта [4].

Несмотря на совершенствование правовой базы, количество автодорожных происшествий с каждым годом увеличивалось. В 1960 г. по сравнению с 1959 г. аварийность на автотранспорте в Вологодской области выросла на 88 % при одновременном увеличении числа погибших на 42 % и раненых на 70 % (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 134. Л. 40). В первом полугодии 1962 г. произошло 192 тяжелых дорожно-транс-

портных происшествия, в которых 40 чел. погибли и 172 получили ранения (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 27).

Стало очевидно, что проблема предотвращения аварий носит комплексный характер и не может быть решена в рамках одного ведомства. Постепенно возрастала роль других министерств, а также местных властей и общественных формирований в осуществлении мероприятий по борьбе с аварийностью. К примеру, при оценке работы автотранспортных предприятий и организаций учитывалось наличие автомобильных аварий и иных дорожно-транспортных происшествий, допущенных по вине их работников. На местах были образованы комиссии по безопасности дорожного движения, усилена административная ответственность за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами [4].

Для улучшения контроля за движением транспорта и пешеходов проводились рейды, к которым привлекался личный состав милиции, дружинники, общественные автоинспекторы и работники автохозяйств. Повышенное внимание уделялось дорогам с высокой интенсивностью движения транспорта. В случае серьезных нарушений сотрудники ГАИ составляли административные протоколы и изымали водительские удостоверения (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 29–32).

Одним из образцовых сотрудников был госавтоинспектор Вологодского райотдела милиции Д. М. Дулимов. В 1963 г. он задержал 485 нарушителей правил дорожного движения, повседневно занимался профилактической работой в автохозяйствах, проводил дни безопасности дорожного движения, взаимодействовал с общественными автоинспекторами. В результате количество дорожно-транспортных происшествий в Вологодском районе в 1963 г. по сравнению с 1962 г. снизилось с 33 до 16 случаев, а количество пострадавших – с 33 до 24 (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 139. Л. 207–208).

После введения в строй в конце 1960-х гг. – начале 1970-х гг. новых автозаводов – Ижевского, Волжского и Камского – ежегодный выпуск автомобилей в СССР превысил миллион единиц. Автопарк в городах и сельской местности многократно увеличился. Одновременно возросли скорость и интенсивность движения транспортных средств. Несмотря на быстрое развитие дорожной

сети, качество транспортных коммуникаций не соответствовало имеющимся потребностям. В 1970 г. в Вологодской области дороги первой категории (с асфальтовым, бетонным или другим твердым покрытием, находившиеся в хорошем состоянии) составляли 6 %, второй категории (с щебеночным, гравийным, булыжным или другим каменным покрытием, находившиеся в удовлетворительном состоянии) – 14 %, третьей категории (грунтовые или неисправные дороги с щебеночным, гравийным, булыжным или другим твердым покрытием) – 80 % (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 156. Л. 178–179об.).

Перечисленные факторы способствовали росту дорожно-транспортных происшествий. Только в 1975 г. на дорогах области погибли 230 чел. (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 180. Л. 307). Особенно тревожной была ситуация с детским дорожно-транспортным травматизмом. В 1972 г. произошло 128 дорожно-транспортных происшествий с участием детей, в которых 20 чел. погибли и 112 получили травмы различной степени тяжести (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 169. Л. 205).

В целях профилактики детского дорожно-транспортного травматизма Вологодским отделом ГАИ совместно с учреждениями образования было организовано изучение правил дорожного движения в школах и детских садах. Уголки ПДД обеспечивались информационными материалами, с учителями и воспитателями проводилась разъяснительная работа. У детских учреждений, расположенных вблизи транспортных магистралей, организовывалось дежурство сотрудников милиции. По областному радио и телевидению проводились викторины для школьников на знание правил дорожного движения. Победители награждались ценными подарками (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 156. Л. 150; Д. 169. Л. 205–207). В школах и профтехучилищах действовали клубы «Светофор», демонстрировались кинофильмы по безопасности дорожного движения, проходили встречи с инспекторами ГАИ (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 175. Л. 96–97).

В 1971 г. на территории области были проведены операции «Ралли» и «Мопед». Особое внимание уделялось выявлению граждан, имевших незарегистрированный личный транспорт, проверке охраны автомобилей и мотоциклов в гаражах и на местах стоянок, учету работы транспорта и расхода горючесмазочных материалов, проверке состоя-

ния дорог и дорожной инфраструктуры, соблюдения правил перевозки пассажиров и грузов. Все это сочеталось с информационно-разъяснительной работой с водителями и пешеходами (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 11–14; Д. 162. Л. 122–127).

Как показывают данные статистики, одной из главных причин аварийности являлось нарушение водителями скоростного режима. Только в 1977 г. по этой причине произошло 322 дорожно-транспортных происшествия (37 % от общего количества происшествий, совершенных по вине водителей). В целях профилактики выявленных нарушений были проведены операции «Скорость», «Пешеход», «Ремни безопасности» (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 185. Л. 24–28; Д. 186. Л. 66–68; Д. 190. Л. 186–187; Д. 211. Л. 87–88).

Анализ статистики свидетельствует о высокой аварийности в сельской местности. К примеру, каждое второе из 1220 совершенных в Вологодской области в 1978 г. дорожно-транспортных происшествий произошло в сельской местности. Виновниками 98 происшествий, в которых погибли 35 и были травмированы 59 чел., являлись трактористы, грубо нарушившие правила дорожного движения и техники безопасности (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 209. Л. 139). В феврале–марте 1979 г. на территории области была проведена операция «Трактор». Ее главными задачами являлись усиление контроля за соблюдением правил дорожного движения в сельской местности, пресечение случаев управления транспортом в нетрезвом состоянии, проверка технического состояния автопарка колхозов и совхозов (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 209. Л. 139–141).

Безопасность дорожного движения на главных магистралях области обеспечивал отдельный дивизион милиции дорожного надзора, штат которого в 1969 г. насчитывал 108 единиц (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68. Л. 134–138). В 1970 г. была создана группа по расследованию авто-транспортных происшествий, совершенных на территории Вологды и Вологодского района (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 159. Л. 175), в 1983 г. – группа сопровождения специальных автомобилей и колонн (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 233. Л. 173–174).

Улицы городов, поселков и других населенных пунктов Вологодской области планомерно обеспечивались техническими средствами регулирования уличного движения.

В 1979 г. был создан специализированный монтажно-эксплуатационный участок. Его задачей являлись установка и эксплуатация светофоров, пешеходных ограждений, дорожной разметки и т. п. (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 322–328).

В 1979 г. Вологда приняла участие во все-союзном смотре по обеспечению безопасности дорожного движения. В ходе смотра в городе были установлено 26 светофоров, нанесено свыше 113 км продольной разметки и почти 6 км пешеходных переходов типа «зебра», установлено более 2 тыс. дорожно-транспортных знаков и указателей, 4,5 км перильных ограждений опасных мест. За период смотра было пресечено 6310 нарушений правил дорожного движения со стороны водителей, предупреждены почти 26 тыс. пешеходов.

Улучшилась и агитационно-профилактическая работа по вопросам безопасности движения. Были подготовлены и проведены 253 радиопередачи, организованы 559 собраний и бесед с водителями транспорта, 290 – с работниками на предприятиях, 268 – с учащимися в школах и профтехучилищах. Прохождение смотра регулярно освещалось в местных средствах массовой информации.

Принимаемые меры позволили стабилизировать обстановку с аварийностью в областном центре и добиться последовательного сокращения дорожно-транспортных происшествий. Если в 1978 г. по сравнению с 1977 г. снижение количества дорожно-транспортных происшествий составило 1,6 %, то в 1979 г. по отношению к 1978 г. – 14,5 %. По итогам всесоюзного смотра по безопасности дорожного движения секретариат Все-союзного центрального совета профессиональных союзов и Коллегия Министерства внутренних дел СССР совместным постановлением от 08.04.1980 присудили городу Вологде диплом II степени с вручением денежной премии (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 163–164).

Сотрудники ГАИ оперативно выезжали на места дорожно-транспортных происшествий, принимали меры для установления и задержания их виновников. Так, 18 июля 1969 г. в областном центре на улице Карла Маркса неизвестной автомашиной была сбита гражданка Е. В. Ковшова. Водитель с места происшествия скрылся. О дорожном происшествии был оповещен личный состав ГАИ. Инспекторы дорожного надзора Г. П. Грибков и Е. Л. Дайн при проверке автотранспорта на улице Чернышевского за-

держали автомашину, принадлежавшую Сокольскому леспромхозу, приметы которой совпадали с разыскиваемой. Водитель В. И. Утюгов упорно отрицал свою вину, но, будучи доставленным в ГОВД, сознался в содеянном (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 154. Л. 128).

Нередким явлением был угон автотранспорта. 26 декабря 1968 г. от магазина № 45 в Вологде неизвестным преступником был угнан легковой автомобиль «Волга», принадлежавший Сухонскому речному пароходству. Милиционер-регулировщик А. А. Монзиков во время патрулирования на автомашине по улицам города обнаружил угнанную машину в момент, когда в нее сажались пассажиры. Преградив путь своим автомобилем, он посредством быстрых и решительных действий задержал угонщика Н. А. Волкова, находившегося в нетрезвом состоянии (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 151. Л. 1990).

15 января 1983 г. из воинской части № 4431 был совершен угон автомашины «Зил-130». Около 19 часов автомашину обнаружили на территории Вологды, когда она на большой скорости двигалась по улице Октябрьской. В кабине находились военнослужащие. По маршруту ее движения неоднократно создавались аварийные ситуации, грозившие гибелью людей. Дежурной частью УВД о случившемся были ориентированы все наряды милиции. Руководство операцией по задержанию угонщиков взял на себя дежурный по УВД майор милиции Ю. С. Петухов.

На улице Жданова преступников начали преследовать два патрульных автомобиля отдельной роты патрульно-постовой службы. На требования остановиться нарушители не реагировали. Тогда экипаж в составе старшины милиции Д. М. Хитрова и старшего сержанта милиции О. В. Канина на улице Чехова обогнал военную машину и преградил ей путь. Однако угонщики, рискуя допустить столкновение с милицейской машиной, объехали ее и на повышенной скорости проследовали по проспекту Победы в сторону поселка Лукьяново. Машина не остановилась даже на запрещающие сигналы светофора на железнодорожном переезде. Ее неоднократно заносило и разворачивало поперек дороги. На автобусной остановке в поселке Лукьяново под колесами автомобиля едва не оказались вологжане, среди которых были женщины и дети.

С целью уйти от преследования преступники выключили фары. Это заставило их снизить скорость, что позволило сотрудни-

кам милиции догнать угонщиков. Выпрыгнув из автомобиля, старшина милиции Д. М. Хитров на ходу влез в кузов военной автомашины и стал стучать по кабине, требуя остановиться, но машина продолжала двигаться. Тогда по ее колесам с близкого расстояния было произведено четыре выстрела. Все они достигли цели, и автомашина остановилась. В кабине находились трое военнослужащих в состоянии алкогольного опьянения. Машина была передана представителям воинской части, а задержанные доставлены в военную комендатуру (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 231. Л. 105–106).

В 1989 г. отделом ГАИ УВД была разработана комплексная программа обеспечения безопасности дорожного движения на 1989–1995 гг. Однако предпринимаемые в соответствии с ней меры не позволили стабилизировать обстановку с аварийностью. В 1989 г. в области было зарегистрировано 1635 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 239 и получили телесные повреждения 1768 чел. (Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 331. Л. 15). Кризисные социальные явления в стране в начале 1990-х гг. привели к ухудшению профилактики дорожно-транспортных происшествий и сокращению числа сотрудников служб безопасности движения. Обратной стороной этого стал резкий рост количества преступлений, направленных против участников дорожного движения. Началась криминальная война на дорогах, жертвами которой нередко становились сотрудники госавтоинспекции.

Несмотря на рост аварийности и криминала, сотрудники ГАИ были верны своему профессиональному долгу в самых сложных ситуациях. Вот как, согласно публикации в «Красном Севере» от 22.10.1989, происходило задержание преступников в окрестностях Вологды: «В ночь на 15 октября (было без четверти два) мимо поста ГАИ, что на Ленинградском шоссе в Вологде, на большой скорости промчались в сторону Шексны красные «Жигули» с ярославским номером. Требованию остановиться водитель не подчинился. Несколько ранее по всем постам была передана ориентировка о задержании машины из Ярославля той же марки с похожим номером. Инспектора дорожно-патрульной службы А. П. Клычков и С. Б. Корюкин, не медля ни минуты, пустились в погоню. Возле деревни Новое они догнали нарушителей. Над дорогой раздалось усиленное радиорупором обращение: «Водитель красных ‘Жигулей’, остановитесь!».

Однако вместо того, чтобы затормозить, «жигуленок» завиял по дороге, не давая милицейской машине обогнать себя. Стремясь оторваться от преследования, автомобиль выскочил на мост через Ему и врезался в сложенные там стройматериалы: на мосту шел ремонт. Пассажиры, выскочив из машины, бросились в разные стороны. Старшина милиции А. П. Клычков дал четыре предупредительных выстрела в воздух, и только после этого двоих пассажиров – мужчину и женщину – удалось задержать. Третий пытался скрыться, и чтобы его остановить, А. П. Клычкову пришлось переплыть речку. Задержанные переданы оперативной группе Октябрьского РОВД».

Большая информационная работа по профилактике дорожно-транспортных происшествий проводилась посредством телерадиовещания. На областном радио с 1981 по 1991 г. вышло в эфир более 250 выпусков передачи «Светофор», которая дважды становилась призером всесоюзного конкурса теле- и радиопрограмм «Человек и автомобиль». Ведущим программы являлся заведующий отделом общественно-политических передач областного комитета по телевидению и радиовещанию А. В. Дюков (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 326. Л. 90).

Подводя итоги, необходимо констатировать, что роль государственной автомобильной инспекции Вологодской области возрастала по мере увеличения количества автомобильного транспорта и роста дорожной сети. Ввиду специфики выполняемых задач ГАИ занимала особое место в структуре территориальных органов внутренних дел, являясь самым мобильным и технически оснащенным ведомственным подразделением. Ее основными функциями являлись борьба с аварийностью, разработка технических норм эксплуатации автотранспорта и его учет, контроль за подготовкой водительского состава. В годы Великой Отечественной войны сотрудники ГАИ были заняты, в первую очередь, мобилизацией транспорта для нужд фронта. Многие мужчины-сотрудники были призваны в армию, что привело к увеличению доли женщин среди личного состава.

В послевоенный период госавтоинспекции удалось создать систему действенного социального контроля в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Активно использовалась помощь общественных инспекторов, на предприятиях и организациях действовали комиссии по безопасно-

сти дорожного движения, среди населения широко проводилась работа по доведению правил поведения на дороге. Все это благоприятно отражалось на состоянии аварийности, приводило к снижению количества дорожно-транспортных происшествий и размера причинного ими ущерба.

С началом массовой автомобилизации населения в 1960–1980-е гг., когда интенсивность дорожного движения значитель-

но увеличилась, в структуре ГАИ создаются подразделения дорожно-патрульной службы, регистрации транспортных средств, техосмотра, организации движения, приема экзаменов у водителей. Несмотря на рост сложности и напряженности работы, сотрудники вологодской ГАИ с честью и достоинством выполняли профессиональные задачи, обеспечивая порядок на дорогах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова Я. С. Деятельность вологодской милиции в годы Великой Отечественной войны // Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945). Вологда, 2006. С. 72–76.
2. «ГАИ – судьба моя и жизнь...»: 70-летию ГАИ-ГИБДД посвящается / под ред. О. Булыгиной, О. Ручкиновой. Вологда, 2006. 96 с.
3. ГИБДД опубликовала годовую статистику ДТП за 2018 год. URL: <http://www.1gai.ru/publ/522047-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2018-god.html> (дата обращения: 24.02.2019).
4. История Госавтоинспекции России. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_obespecheniju_bezo/Istorija (дата обращения: 24.02.2019).
5. История полиции Вологодского края : моногр. / М. А. Безнин и др. Вологда, 2018. 864 с.
6. Суковицын В. И. От городского до инспектора ГИБДД. М., 2002. 288 с.

REFERENCES

1. Vlasova YA. S. Deyatel'nost' vologodskoj milicii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The activities of the Vologda police during the Great Patriotic War]. Organy vnutrennih del Vologodskoj oblasti nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1937–1945) – The bodies of internal affairs of the Vologda region on the eve and during the Great Patriotic War (1937–1945). Vologda, 2006. P. 72–76. (In Russ.).
2. «GAI – sud'ba moja i zhizn'...»: 70-letiyu GAI-GIBDD posvyashchaetsya / pod red. O. Bulyginoy, O. Ruchkinovoj [«Traffic police – my fate and life...»: Dedicated to the 70th anniversary of the traffic police : ed. by O. Bulygina, O. Ruchkinova]. Vologda, 2006. 96 p. (In Russ.).
3. GIBDD opublikovala godovuyu statistiku DTP za 2018 god [Traffic police published the annual statistics of accidents for 2018]. Available at: <http://www.1gai.ru/publ/522047-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2018-god.html> (accessed 24.02.2019). (In Russ.).
4. Istoriya Gosavtoinspekcii Rossii [History of the State Traffic Inspectorate of Russia]. Available at: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_obespecheniju_bezo/Istorija (accessed 24.02.2019). (In Russ.).
5. Istoriya policii Vologodskogo kraja : monogr. / M. A. Beznin i dr. [The history of the police of the Vologda region : monogr. : M. A. Beznin et al]. Vologda, 2018. 864 p. (In Russ.).
6. Sukovicyn V. I. Ot gorodovogo do inspektora GIBDD [From guard to traffic police inspector]. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.).

УДК 343.847

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-43-49

Методика оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций: проблемы и пути совершенствования

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматриваются отдельные вопросы оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Исследованы понятие и сущность эффективности уголовно-исполнительной деятельности в контексте положений теории государственного управления. Проведен анализ существующей методики сравнительной рейтинговой оценки деятельности филиалов и иных подразделений уголовно-исполнительных инспекций с позиции достижения целей уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства, реализации полномочий уголовно-исполнительных инспекций. Исследован стимулирующий потенциал данной методики, выявлены ее недостатки, выдвинуты авторские предложения по ее совершенствованию.

Действующая система рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций и их филиалов позволяет усилить контроль за исполнением уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества. Однако ее роль в части реализации задач исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, профилактики и предупреждения повторных преступлений прослеживается недостаточно. Система оценочных показателей активизирует деятельность уголовно-исполнительных инспекций в большей степени в части выявления нарушений, допущенных осужденными, и принятия соответствующих мер реагирования.

Предлагается совершенствование методики сравнительной рейтинговой оценки за счет установления пропорциональности применяемых в ней критериев и показателей, их необходимой детализации и укрупнения посредством расчета интегральных оценочных показателей.

Ключевые слова: эффективность исполнения наказаний; уголовно-исполнительная инспекция; сравнительная рейтинговая оценка; предупреждение преступлений; стимулирование правопослушного поведения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Effectiveness assessment technique of the penal inspections activities: problems and improvement means

P. V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article deals with some issues of evaluating the effectiveness of the penal inspections activities. The concept and essence of the effectiveness of the penal activity is researched in the context of the provisions of the theory of public administration. There is made analysis of the existing methodology of comparative rating of the activities of branches and other departments of the penal inspections from the point of view of achieving the goals of criminal punishment and penal legislation, the implementation of the powers of the penal inspections. The stimulating potential of this technique has been researched, its shortcomings have been established, and the author's suggestions for its improvement are given.

The current rating system for the activities of the penal inspections and their branches allows to strengthen control over the execution of criminal penalties and other measures of a criminal law nature without isolating convicts from society. But its stimulating role in the implementation of the tasks of convict's correction, stimulation of their law-abiding behavior, prophylaxis and prevention of repeat crimes is not enough traced. The system of evaluating indicators stimulates the activities of the penal inspection to a greater extent in terms of identifying violations committed by convicts and the adoption of appropriate response measures.

It is proposed to improve the methodology of comparative rating by establishing the proportionality of the criteria and indicators applied in it, their necessary detailing and consolidation through the calculation of integrated performance indicators.

Key words: the effectiveness of the sentences execution; penal inspection; comparative rating assessment; crime prevention; promotion of law-abiding behavior.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Любая целесообразная общественная деятельность нуждается в оценке с позиций эффективности. Не является исключением и деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Оценка ее эффективности является ключевым аспектом в плане достижения целей уголовного

наказания и стимулирования высоких результатов правоприменительной деятельности в данной области.

Рассмотрим вопрос оценки эффективности уголовно-исполнительной деятельности на примере уголовно-исполнительных инспекций и их филиалов. Специфика наказа-

ний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, накладывает свой отпечаток на деятельность уголовно-исполнительных инспекций, что, в свою очередь, проявляется в особенностях оценки их эффективности, выборе критериев, показателей и методов такой оценки. Множественность субъектов процесса исправления осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, предупреждения совершения ими повторных преступлений, а также открытый характер отбывания альтернативных лишению свободы видов наказаний, выражающийся в отсутствии непрерывного контроля за осужденными, ограниченных возможностях уголовно-исполнительных инспекций влиять на их личность и поведение, затрудняют определение объективных и достаточных критериев оценки. Вместе с тем наукой и практикой выработаны различные подходы и предложены конкретные методики оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Рассмотрим данный вопрос на примере методики рейтинговой оценки деятельности филиалов, межмуниципальных филиалов и структурных подразделений уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Вологодской области (далее – методика рейтинговой оценки), утвержденной приказом УФСИН России по Вологодской области от 04.12.2017 № 527 «Об утверждении формы рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Вологодской области» [3].

В основу данной методики положены оценочные показатели, закрепленные приказом ФСИН России от 08.04.2013 № 172 «Об утверждении Положения об определении рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» [4], а также использован ряд дополнительных показателей. Итак, в число оценочных (рейтинговых) показателей включены следующие:

1. Отношение количества лиц, состоявших на учете и совершивших повторные преступления в отчетном периоде, к количеству лиц, состоявших на учете (П1).

2. Отношение количества состоявших на учете условно осужденных, на которых возложены дополнительные обязанности в период испытательного срока, к количеству состоявших на учете условно осужденных (П2).

3. Отношение количества состоявших на учете условно осужденных, которым прод-

лен испытательный срок, к количеству состоявших на учете условно осужденных (П3).

4. Отношение среднесписочной численности осужденных к исправительным работам, привлеченных к труду, к среднесписочной численности осужденных к исправительным работам, подлежащих привлечению к труду, за отчетный период (П4).

5. Отношение среднесписочной численности осужденных к обязательным работам, привлеченных к труду, к среднесписочной численности осужденных к обязательным работам, подлежащих привлечению к труду, за отчетный период (П5).

6. Отношение количества состоявших на учете осужденных к ограничению свободы, на которых возложены дополнительные ограничения в период отбывания наказания, к количеству состоявших на учете осужденных к ограничению свободы (П6).

7. Отношение количества осужденных, снятых с учета в связи с заменой наказания более строгим видом наказания, отменой условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и исполнением наказания, назначенного приговором суда, изменением меры пресечения в виде домашнего ареста, к количеству состоявших на учете осужденных, подозреваемых, обвиняемых (за исключением осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) (П7).

8. Количество актов прокурорского реагирования, поступивших в отчетном периоде (П8).

9. Отношение количества лиц, состоявших на учете и нуждавшихся в получении социально-психологической помощи в отчетном периоде, к количеству лиц, состоявших на учете и получивших социально-психологическую помощь в отчетном периоде (П9).

10. Отношение количества состоявших на учете подозреваемых (обвиняемых), находившихся под домашним арестом и к которым применялось оборудование СЭМПЛ, к количеству состоявших на учете подозреваемых (обвиняемых), находившихся под домашним арестом (П10).

В связи с тем что оценочные показатели являются величинами различного порядка и размерности, для их совмещения и проведения расчетов они преобразуются в приведенные значения относительно эталонного значения соответствующего показателя. Кроме того, вводятся весовые коэффициенты значимости, учитывающие неодинаковую важность каждого показателя (равен 0,1 для показателей П6, П9 и П10, 0,14 – для

остальных показателей). Лучшим признается подразделение уголовно-исполнительной инспекции, имеющее максимальный средний балл, вычисляемый как среднее арифметическое значений всех оценочных показателей.

Рейтинговая оценка проводится для сравнения результатов, достигнутых по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, по основным направлениям работы, выявления подразделений, имеющих высокие и низкие показатели, а также стимулирования их персонала для достижения лучших результатов в работе. Определение рейтинговой оценки производится ежеквартально с нарастающим итогом. Обращает на себя внимание дословное наименование методики рейтинговой оценки, согласно которому она посвящена оценке деятельности уголовно-исполнительных инспекций, а не ее эффективности. Однако представляется, что оценка деятельности, проводимая не с позиций ее эффективности (тем более в целях определения сравнительной рейтинговой оценки), не имеет большого смысла, какие бы результаты этой деятельности мы ни анализировали.

Проведенный нами анализ методики рейтинговой оценки с позиций объективности и достаточности (полноты) системы оценочных показателей, объективности и оптимальности методики их расчета, а также с учетом позитивных и негативных аспектов ее применения позволил выявить следующие проблемные моменты:

1. Методика предусматривает оценку деятельности филиалов уголовно-исполнительных инспекций, исходя из критериев и показателей, отражающих не столько уровень эффективности уголовно-исполнительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций, сколько объем проведенной работы в том или ином направлении (показатели П2, П3, П6, П7) либо имеющиеся недостатки (проблемы и их недопущение) в работе (например, показатели П4, П5, П8, П10). Исключение составляют лишь показатели П1 и П9. Таким образом, для оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций используются преимущественно критерии-средства (функциональный аспект), которые существенно отличаются от критериев-результатов (целевой аспект) и играют вспомогательную роль при оценке эффективности. Критерии-средства весьма важны для результатов управления, но в отличие от критериев оценки результатов

управления показывают, каким образом, какими формами, методами, применяемыми в управлении, обеспечиваются должные показатели развития [1, с. 355]. Такой подход к выбору оценочных критериев обусловлен, по нашему мнению, особенностями исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества, о которых мы уже упоминали ранее.

В вопросах оценки эффективности уголовно-исполнительной деятельности следует исходить из общих теоретических положений, выработанных в теории государственного управления. Так, Г. В. Атаманчук раскрывает понятие и сущность государственного управления через термин «управляющее воздействие», отмечая, что «управление существует тогда, когда некий его субъект на что-то влияет, что-то изменяет, преобразует, переводит из одного состояния в другое, чему-то придает новое направление движения или развития» [1, с. 26]. При этом измерение эффективности государственного управления должно основываться на определении эффекта, отражающего два взаимосвязанных момента: во-первых, разницу между результатами и затратами, свидетельствующую о положительном сальдо (принесенной пользе), во-вторых, способность этой разницы удовлетворять реальные жизненные потребности общества и людей [1, с. 342]. Как справедливо отмечает И. В. Дворянсков, эффективность уголовного наказания, оцениваемая по уровню достижения нормативных целей, должна, прежде всего, выражать соответствие результатов применения наказания общественным ожиданиям; применяя наказания, мы не доказываем обществу, что боремся с преступностью, а восстанавливаем связь между преступником и обществом [2, с. 12, 87].

Учитывая вышеприведенные положения, можно заключить, что в основу оценки эффективности деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний должны быть положены, прежде всего, критерии-результаты, отражающие степень достижения нормативных целей наказания и социальных целей по реабилитации (ресоциализации) лиц, преступивших закон, как бы это ни было сложно. Даже проводя разграничение между оценкой эффективности уголовно-исполнительной деятельности и оценкой эффективности деятельности такого субъекта государственного управления, как уголовно-исполнительные

инспекции, все же представляется в корне неверным подменять критерии-результаты критериями-средствами, отражающими объем проведенной уголовно-исполнительной инспекцией работы, ее законность и плановость, хотя и их учет тоже необходим в ходе оценки внутриорганизационной управленческой деятельности.

2. Ряд оценочных показателей разбит по видам уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также видам негативных санкций в отношении осужденных. Например, результаты работы уголовно-исполнительных инспекций по своевременному и полному привлечению осужденных к отбыванию наказания представлены сразу двумя оценочными показателями: П4 – применительно к исправительным работам и П5 – применительно к обязательным работам (иные виды наказаний и мер уголовно-правового характера не учтены); результаты работы уголовно-исполнительных инспекций по реагированию на нарушения осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания (иных мер уголовно-правового характера) представлены сразу четырьмя оценочными показателями: П2, П3, П6, П7.

В то же время результаты профилактической работы в системе оценочных показателей представлены в чистом виде лишь показателем П1 и частично показателем П9 (большинство других показателей свидетельствуют о реагировании на уже имеющиеся отклонения в работе, хотя и обладают определенным превентивным потенциалом); применение поощрительных и защитных мер (сокращение или отмена испытательного срока, отмена отдельных ограничений и обязанностей, применение мер поощрения, снижение уровня удержаний из заработной платы) системой рейтинговой оценки не учитывается. Здесь стоит заметить, что поощрительные институты в отношении рассматриваемой категории осужденных недостаточно развиты в действующем законодательстве. Никак не оценивается участие уголовно-исполнительных инспекций в совместных с иными правоохранительными органами и институтами гражданского общества профилактических мероприятиях и социальных проектах.

В связи с этим система оценочных показателей стимулирует деятельность уголовно-исполнительных инспекций в большей степени в части выявления нарушений, допущенных осужденными, и принятия соответствующих мер реагирования (при-

чем отсутствуют показатели привлечения к дисциплинарной и административной ответственности, вынесения постановлений уголовно-исполнительных инспекций об исключении из срока наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью периодов, в течение которых осужденные уклонялись от отбывания наказания, и др.). Кроме того, как нам представляется, рост количества примененных к осужденным негативных мер реагирования может свидетельствовать об обратной тенденции в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, а именно неудовлетворительном контроле за осужденными и снижении качества воспитательной (профилактической) работы.

3. Показатель П8 «Количество актов прокурорского реагирования, поступивших в отчетном периоде» в отличие от других показателей берется в абсолютном значении, то есть без учета среднесписочной численности подконтрольных лиц, что является недостаточно объективным. Другие показатели, хотя и представлены в относительном выражении исходя из численности подучетных лиц, но в то же время не принимают во внимание фактическую численность персонала филиала (подразделения) уголовно-исполнительных инспекций (некомплект, нахождение в отпусках по уходу за ребенком и т. п.).

Для повышения объективности оценки целесообразно, на наш взгляд, было бы также учитывать обобщенные (интегральные) характеристики осужденных, состоящих на учете. Представляется, что уголовно-правовые, криминологические, уголовно-исполнительные, социально-педагогические и иные характеристики подучетных лиц могут существенно влиять на деятельность уголовно-исполнительных инспекций, в связи с чем эффективность работы различных ее филиалов может различаться. Вместе с тем наряду с указанным значимым фактором на деятельность уголовно-исполнительных инспекций могут оказывать влияние и другие детерминанты, например: профессиональный уровень персонала, размер обслуживаемой территории, наличие рабочих мест и развитой социальной инфраструктуры в районе дислокации, уровень взаимодействия с судом, прокуратурой, органами внутренних дел и органами местного самоуправления, а также отдельные стихийные факторы, связанные с поведением подучетных лиц. Решению задачи построения

многофакторной модели оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций могла бы, на наш взгляд, способствовать соответствующая доработка и интеллектуализация ПК АКУС УИИ. Это позволит автоматизировать проведение оценки с учетом наиболее значимых факторов.

4. В систему оценочных показателей включен показатель П10, отражающий уровень применения оборудования СЭМПЛ к подозреваемым (обвиняемым), находящимся под домашним арестом, в то время как аналогичный показатель в отношении осужденных к ограничению свободы отсутствует.

5. Весовые значения (коэффициенты значимости) оценочных показателей снижены для показателей П6, П9 и П10 по ряду причин:

– для П9 и П10 – в связи с отсутствием полного контроля за их достижением со стороны уголовно-исполнительных инспекций и объективными причинами, затрудняющими их достижение (малое количество осужденных, обращающихся в уголовно-исполнительные инспекции за социально-психологической помощью, или трудноразрешимость их проблем силами уголовно-исполнительных инспекций; недостаточная обеспеченность действующим оборудованием СЭМПЛ или соответствующим финансированием на его эксплуатацию);

– для показателя П6 – по причине установления перечня факультативных ограничений в отношении осужденных к ограничению свободы сообразно усмотрению суда, ведь если такой перечень максимально исчерпывающий по большинству приговоров, то и дополнять его будет особо нечем.

Однако коэффициенты значимости могли бы быть более дифференцированы: например, показатель уровня повторной преступности среди лиц, состоявших на учете (П1), представляется более значимым, нежели большинство иных, включенных в рейтинговую оценку. В результате применения методики филиал уголовно-исполнительной инспекции с минимальным уровнем данного показателя может оказаться довольно низко в рейтинге, поскольку оценочных показателей десять. Например, при проведении исследования на базе уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Вологодской области было установлено, что по итогам оценки за 9 месяцев 2018 г. одно из подразделений данной уголовно-исполнительной инспекции занимало в общем рейтинге 12 место из 15 оцениваемых подраз-

делений, в то время как по показателю П1, отражающему уровень повторной преступности среди лиц, состоявших на учете, это же подразделение находилось на 4 месте, тогда как межмуниципальный филиал уголовно-исполнительных инспекций, занимавший 13 место по уровню показателя П1, в общем рейтинге занял 1 место.

6. Оценочные показатели по каждому филиалу (подразделению) уголовно-исполнительных инспекций преобразуются в приведенные значения относительно эталонного значения соответствующего показателя, в качестве которого принимается наилучший уровень, достигнутый одним из оцениваемых подразделений. Это позволяет использовать разнопорядковые показатели при расчете итоговой (интегральной) оценки, а также достигать цель, поставленную перед рейтинговой оценкой – сравнение между собой филиалов (подразделений). Вместе с тем, на наш взгляд, такой подход к оценке, когда за эталон принимается уровень оценочного показателя одного из сравниваемых подразделений, а не нормативный уровень, устанавливаемый субъектом управления, не способствует развитию деятельности уголовно-исполнительных инспекций: оценка замыкается в рамках территориального органа ФСИН России, не в должной мере нацелена на достижение более высоких результатов, зафиксированных в других территориальных органах.

В целом действующая система рейтинговой оценки деятельности филиалов уголовно-исполнительных инспекций позволяет усилить контроль за процессом исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества, стимулировать отдельные филиалы к достижению более высоких показателей работы, преодолению имеющихся проблем. В связи с этим опыт УФСИН России по Вологодской области по разработке и внедрению методики, на наш взгляд, должен быть признан положительным, способствующим повышению качества оценки, развитию как правоприменительной деятельности, так и самой системы управления. Вместе с тем недостаточно прослеживается роль такого оценивания в части реализации задач исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, профилактики и предупреждения повторных преступлений (при этом в науке практически не разработаны вопросы определения степени исправления осужденного к наказанию без изоляции от общества, про-

гнозирования риска совершения им повторных противоправных деяний). Достоинством системы является отсутствие показателей, вызывающих такие негативные явления, как формализм в работе и сокрытие фактов совершения правонарушений со стороны осужденных и нарушений законности со стороны персонала уголовно-исполнительных инспекций.

В условиях недостаточно высокого качества законодательства, отсутствия единой системы социальной профилактики рецидивной преступности, социальной помощи и адаптации лиц, преступивших закон, действенной системы учета рецидивной (повторной) преступности говорить о качественном, объективном измерении эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций в настоящее время проблематично. Такое измерение проводится, прежде всего, с использованием оценочных критериев и показателей, отражающих, например, законность уголовно-исполнительной деятельности, своевременность и полноту исполнения требований решений (приговоров) суда, оперативность и адекватность реагирования на возникающие

проблемы (нарушение подучетными лицами порядка и условий отбывания наказания, отсутствие мест для трудоустройства осужденных и т. п.), а также объем проведенной с осужденными социально-психологической, воспитательной и иной работы.

В целях совершенствования системы оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций и их филиалов необходимо осуществление самостоятельного научного исследования, включая проведение экспертного опроса специалистов-практиков и ведущих ученых в данной области. В целом для повышения качества проведения сравнительной рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций требуется корректировка ее методики за счет установления оптимального соотношения и пропорциональности применяемых в ней критериев и показателей, их необходимой детализации и укрупнения посредством расчета интегральных оценочных показателей, объединяющих частные показатели в рамках одного критерия оценки или направления деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 1997. 400 с.
2. Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учеб.-метод. пособие / под ред. проф. А. М. Никитина. М., 2004. 96 с.
3. Об утверждении формы рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Вологодской области : приказ УФСИН России по Вологодской области от 04.12.2017 № 527. Доступ из федер. гос. информ. системы «Электронный документооборот уголовно-исполнительной системы».
4. Об утверждении Положения об определении рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 08.04.2013 № 172 (ред. от 07.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya : kurs lekciy [Theory of Public Administration : a course of lectures]. Moscow, 1997. 400 p. (In Russ.).
2. Dvoryanskov I. V. Effektivnost' al'ternativnyh nakazaniy (kompensacionnaya model') : ucheb.-metod. posobie / pod red. prof. A. M. Nikitina [The effectiveness of alternative punishments (compensation model) : a teaching aid : ed. by prof. A. M. Nikitin]. Moscow, 2004. 96 p. (In Russ.).
3. Ob utverzhdenii formy rejtingovoj ocenki deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij UFSIN Rossii po Vologodskoj oblasti : prikaz UFSIN Rossii po Vologodskoj oblasti ot 04.12.2017 № 527 [On approval of a rating form for the activities of penal inspections of the Federal Penal Service of the Russian Federation in the Vologda region : Order of the Federal Penal Service of the Russian Federation in the Vologda region from 04.12.2017 No. 527]. Access from the federal state information system «Electronic document management system of the penal system». (In Russ.).
4. Ob utverzhdenii Polozheniya ob opredelenii rejtingovoj ocenki deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij territorial'noj organov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy : prikaz FSIN Rossii ot 08.04.2013 № 172 (red. ot 07.07.2015) [On approval of the Regulation on the determination of the rating assessment of the activities of penal inspections of territorial bodies of the Federal Penal Service : Order of the Federal Penal Service of Russia from 08.04.2013 No. 172 (in red. on 07.07.2015)]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).

О конструировании цели наказания в уголовном законе

С. А. БОРОВИКОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье исследуются цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ. Обращается внимание на сходства и отличия используемых подходов к определению цели уголовного наказания как в законодательствах разных стран, так и в различные исторические периоды, обосновывается необходимость критической оценки существующего законодательного решения.

В ходе сравнительного анализа формулируется вывод о том, что действующая редакция целей наказания в уголовном законе определена чрезмерно широко, тем самым создается иллюзия их достижения, а в ряде случаев речь приходится вести о конкуренции целей между собой. Так, первая из указанных в ст. 43 УК РФ цель по восстановлению социальной справедливости есть качество, которое должно быть присуще наказанию. Вторая – исправление осужденного – представляет один из нескольких способов достижения первой. Однако самой целью наказания исправление осужденного не является. Третья из формулировок – предупреждение преступлений – в наибольшей степени являет собой цель наказания, однако выглядит довольно пространной и требует уточнения. Кроме того, в ней не содержится четкой направленности на человека, который может совершить или совершил преступление.

Предлагается провести корректировку целей уголовного наказания в законе. Цель наказания должна быть одна и иметь единую направленность. В этой связи предлагаем под целью наказания понимать удержание лиц от совершения преступлений. Единая и понятная цель наказания, с одной стороны, будет являться четким ориентиром при конструировании вида и размера как основного, так и дополнительного наказания в санкциях статей Особенной части, а с другой – позволит судам избирать наказание, наиболее соответствующее предполагаемому результату.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступление; наказание; цель наказания; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение преступлений; удержание лица.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On the construction of the purpose of punishment in criminal law

S. A. BOROVIKOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of consideration of this paper is the study of the purposes of punishment enshrined in article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the similarities and differences in the approaches used to determining the purpose of criminal punishment in the laws of different countries and historical periods, the need for a critical assessment of the existing legislative decision.

In the course of a comparative analysis the conclusion is formulated that the current version of the purposes of punishment in criminal law is overly broad, which creates the illusion of its achievement and in some cases the competition of its parts among themselves. So the first of those mentioned in article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation the purpose of restoring social justice is a quality that should be inherent in punishment. The second of the purposes stated in the law – the correction of the convict – is one of several ways to achieve it. However the very purpose of the punishment is not to correct the convict. The third of these purposes – the prevention of crimes – is most consistent with the purpose of punishment, but it is quite lengthy and requires clarification. In addition it does not contain a clear focus on a person who can or has committed a crime.

According to the results of the analysis it is proposed to carry out an adjustment of the purposes of criminal punishment in the law. The purpose of punishment should be one and have a common focus. In this regard it is proposed to define as the purpose of punishment – retention persons from committing crimes. The single and understandable purpose of punishment on the one hand will be a clear guideline in constructing the type and size of both the main and additional punishments in the sanctions of the articles of the Special Part, and on the other will allow the courts to choose the punishment that most corresponds to the intended result.

Key words: crime; punishment; purpose of punishment; restoration of social justice; correction of a convict; prevention of crimes; retention of a person.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Окончание. Начало в журнале № 4 (44)

В качестве отправных положений для решения задачи о цели уголовного наказания можно определить следующие:

1) она должна отражать направление воздействия, то есть указывать на объект, к которому будет применяться наказание;

2) определять единую желаемую форму поведения объекта наказания, которую государство стремится получить от него, то есть понудить совершить что-либо или воздержаться от чего-то.

С первым пунктом особых проблем не возникает. Таковым объектом является человек, к которому применяется наказание; его интеллектуальные и волевые параметры учитываются законодателем при конструировании норм уголовного закона. Второе положение предполагает желаемую форму поведения, к которой стремится государство. На наш взгляд, это удержание от совершения любым человеком таких действий (бездействия), которые запрещены действующим уголовным законом в качестве преступных.

При этом важно, чтобы конструкция цели наказания была реальной, направленной на достижение результата, но без иллюзии обязательности безусловного ее достижения. Одновременно она должна быть единой, охватывать различные наказания, вне зависимости от его особенностей того или иного вида.

Если исходить из двух отправных пунктов при формулировании цели наказания, то следует констатировать, что восстановление социальной справедливости не является целью наказания, так как в этой формулировке не отражается первая позиция. Полагаем, что у наказания есть не только цель, но и другие параметры. Скорее, социальная справедливость является одним из качеств наказания наряду с неотвратимостью, соразмерностью, гуманностью и др. В ходе отбытия наказания лицо должно совершать социально полезные действия, на-

правленные на компенсацию вреда, причиненного потерпевшему в ходе преступления. Аналогичные вопросы о компенсации вреда должны возникать со стороны государства. Однако надо признать, что последствия совершения отдельных преступлений таковы, что вряд ли для восстановления социальной справедливости, с точки зрения потерпевшего, можно подобрать соответствующий вид наказания. Как следствие, это заведомо ставит под сомнение возможность достижения подобной цели.

Предположим ошибочность высказанных нами суждений о цели восстановления социальной справедливости и допустим, что ее достижение связывается с отбытием лицом назначенного судом соразмерного и справедливого наказания. Тогда достижение цели исправления осужденного также должно опираться на вид и размер наказания, что вытекает из ч. 1 ст. 60 УК РФ. Одновременно возникают вопросы к тем случаям, когда размер наказания применительно к достижению цели исправления осужденного судом определен не верно или для ее достижения необходимо выйти за пределы санкции статьи. В современных условиях выглядит сомнительным предположение, что не достигшее цели наказание, например в виде ограничения свободы, должно быть продолжено, чтобы осужденный мог исправиться. Не менее опрометчиво утверждать, что сразу после уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания, осужденный исправился. Для отдельных субъектов и вовсе есть основания утверждать об утопичности цели, которая заведомо не могла быть достигнута. Как максимум, лицо будет опасаться, станет использовать иные способы сокрытия своей преступной деятельности, но каких-то качественных изменений в его системе ценностей, которые позволили бы прийти к выводу, что оно исправилось, не обнаруживается. Полагаем, что цель наказания должна быть реальной и наиболее приближенной к возможностям ее

достижения. Сказанное совсем не означает, что обозначенная в законе цель исправления осужденного не нужна, но она должна иметь другой статус. Исправление осужденного – это один из нескольких способов, с помощью которых достигается цель наказания. Более того, этот способ наиболее значим в вопросе достижения цели наказания. В этой части можно согласиться с рядом авторов, которые посредством исправления осужденного и оказания воспитательного воздействия считали возможным достижение целей наказания [5, с. 9].

Обычно в рассуждениях применительно к общему значению цели используют формулировки «достигнута» или «не достигнута». Это обусловлено достаточной степенью конкретизации цели. Считаем, что неубедительно будет звучать утверждение, что цель наказания достигнута на такую-то часть. Не меньше вопросов возникает в ситуации, когда достигнута одна или две цели из трех, например социальная справедливость восстановлена, но исправление осужденного не свершилось. Достигнут ли в этой ситуации желаемый результат наказания или нет? Например, в результате применения смертной казни исправления осужденного так и не произошло.

Третья обозначенная в законе цель наказания – предупреждение совершения новых преступлений – наиболее близка к искомому. Хотя слово «новых» предполагает, что хотя бы одно преступление уже совершено либо самим преступником, либо другим лицом, о деянии которого субъект предупреждения осведомлен. Считаем, что термин «предупреждение» сам по себе имеет направленность в будущее и предполагает недопущение свершения чего-либо в дальнейшем. Излишнее дублирование («новых») в данном случае нецелесообразно.

Во многих научных трудах именно этой цели отдается предпочтение. Так, М. Д. Шаргородский считал, что целью наказания является только предупреждение преступлений, включая общее и частное, а принуждение (устрашение) и убеждение (воспитание) – это средства, которыми эта цель достигается [3, с. 193].

Однако если исходить из положения, что воздействие в системе координат «субъект – объект» происходит на человека, совершившего преступление, а не на само деяние, то следует признать, что сама формулировка «предупреждение», пришедшая из УК РСФСР 1960 г., не точна. Предупреждать

преступление можно, не только воздействуя на человека, но и другими способами, например снижая социальную напряженность, улучшая условия жизни, повышая уровень благосостояния, используя различные средства, препятствующие совершению преступлений (усилением охраны в том числе личной, оборудованием средствами сигнализации и наблюдения, информированием населения о фактах преступной деятельности и др.). Но эти способы воздействия, хотя непосредственно и направлены на предупреждение преступлений, однако они не входят в сферу уголовного права. Скорее, они находятся в смежных плоскостях.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что цели наказания в действующем законе сформулированы не точно. Цель наказания должна быть одной (единой). Она должна быть реальной, то есть иметь возможность быть достигнутой вследствие оказания воздействия соответствующих качественных параметров наказания на виновное лицо. «До тех пор, пока общество не установит, что же оно действительно хочет: искупления, изоляции, воспитания или устрашения потенциальных преступников, у нас не будет ни искупления, ни изоляции, ни воспитания, ни устрашения, а только путаница» [2, с. 117]; «цель наказания заключается в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [1, с. 243]; «возникая в душе вслед за идеей преступления, мысль о наказании должна тушить преступное желание, предотвращать, уничтожать или парализовать стремление преступника. При этом наказание должно оказывать такое действие как на преступников, так и на остальных граждан» [4, с. 53]. С этими мнениями нельзя не согласиться.

С учетом изложенного полагаем, что цель наказания можно определить как «удержание лица от совершения преступления». Признавая, что и эта формулировка не выглядит безукоризненной, считаем, что все же она в большей степени соответствует наказанию и тем задачам, которые перед ним ставятся. Эта цель допускает различные способы ее достижения. С учетом вида наказания это могут быть: устрашение лица (устранение лица, применительно к смертной казни), исправление или воспитание осужденного, изоляция осужденного от общества, исключение возможности совер-

шить преступление (например, для должностных лиц, при лишении права занимать определенные должности). Возможны и другие способы достижения этой цели. При этом социальную справедливость следует рассматривать как одно из качеств наказания наряду с неотвратимостью, соразмерностью, гуманностью наказания.

Единая и понятная цель наказания, с одной стороны, будет являться ориентиром при конструировании вида и размера как основного, так и дополнительного наказаний в санкциях статей Особенной части, с другой – позволит судам избирать наказание, наиболее соответствующее достижению такой цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. Преступление и наказание. М., 1939. 464 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с.
3. Курс советского уголовного права : в 5 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2. 671 с.
4. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1907. 129 с.
5. Полубинская С. В. Соотношение общего и специального предупреждения как целей наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 23 с.

REFERENCES

1. Bekkaria CH. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. Moscow, 1939. 464 p. (In Russ.).
2. Viner N. Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and society]. Moscow, 1958. 200 p. (In Russ.).
3. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava : v 5 t. / otv. red. N. A. Belyaev, M. D. SHargorodskij [The course of the Soviet criminal law: in 5 vol. : ed. by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodsky]. Leningrad, 1970. Vol. 2. 671 p. (In Russ.).
4. Poznyshv S. V. Osnovnye nachala nauki ugovolnogo prava [Basic principles of criminal law science]. Moscow, 1907. 129 p. (In Russ.).
5. Polubinskaya S. V. Sootnoshenie obshchego i special'nogo preduprezhdeniya kak celej nakazaniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Ratio of general and special warning as punishment targets : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1987. 23 p. (In Russ.).

УДК 343.98

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-53-58

Основные способы и механизм легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций

А. И. АНАПОЛЬСКАЯ – доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук;

М. Ю. ДВОРЕЦКИЙ – доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье раскрываются особенности способов и механизм легализации денежных средств, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций. Было проведено исследование сущности и содержания, приемов и методов отмывания денежных средств через электронные счета банков, проанализированы основные причины оттока денежной массы за пределы нашего государства, определены проблемы преодоления этого негативного явления и предложены пути их решения. Выводом к статье стала рекомендация сотрудникам правоохранительных органов изучать способы реализации рассматриваемых противоправных действий, что позволит своевременно выявлять эти преступления, принимать правильные решения на стадии возбуждения уголовного дела, качественно планировать и проводить расследование.

Ключевые слова: банковская система; легализация (отмывание) денежных средств; организованная преступность; способ преступления; электронная расчетная операция.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The main methods and mechanism of legalization (laundering) of criminally obtained income using electronic payment transactions

A. I. ANAPOLSKAYA – Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD. in Law;

M. YU. DVORETSKY – Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article reveals the features of the methods and mechanism for the legalization of money obtained by criminal means using electronic settlement transactions. There was conducted a study of the nature and content, methods and methods of money laundering through electronic accounts of banks, analyzed the main causes of the outflow of money supply outside our country, identified problems to overcome this negative phenomenon and suggested ways to solve them. Conclusion to the article was a recommendation to law enforcement officers to study ways to implement the illegal actions in question, which will allow to identify these crimes in a timely manner, to make the right decisions at the stage of initiation of a criminal case, qualitatively to plan and carry out an investigation.

Key words: banking system; legalization (laundering) of funds; organized crime; way to crime; electronic settlement transaction.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Широкое проникновение денежных средств, добытых преступным путем, в легальную экономику – одна из серьезных проблем в современном мире. При этом не только нарушаются интересы законного бизнеса, но и подрывается доверие общества ко всей финансовой системе. Борьба с легализацией (отмыванием) преступных доходов имеет огромное значение.

Данный вопрос актуален и для российской криминалистической науки. Разработка криминалистической методики способствует улучшению процесса расследования, избранию тактики следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в условиях конкретной следственной ситуации. Более того, предупреждение легализации преступных доходов с использованием банковской системы является значительным фактором снижения преступности вообще и экономической, организованной в частности.

Значительное внимание исследованию данной проблемы уделяли такие уче-

ные России и стран СНГ, как Е. А. Абрамов, В. М. Алиев, Б. С. Болотский, А. Г. Волеводз, Б. В. Волженкин, А. Ф. Волобуев, Л. Д. Гаухман, А. И. Долгова, Э. А. Иванов, В. П. Корж, В. Д. Ларичев, Н. А. Лопашенко, В. И. Михайлов, Л. В. Николаева, В. О. Никулин и др. Несмотря на весомый вклад указанных авторов в изучение сущности легализации денежных средств, полученных преступным путем, ранее сформулированные выводы и предложения требуют уточнений и дополнений. Актуальность исследования обуславливается также анализом следственно-судебной практики и опросом специалистов, которые показали, что правоохранительные органы испытывают трудности в определении способов преступной легализации, путей их разоблачения, что не способствует успешному устранению следственных ошибок.

По данным экспертов, доходы, получаемые при осуществлении противоправной деятельности, в большинстве случаев

имеют вид наличности. Вместе с тем такие средства не позволяют правонарушителям свободно совершать крупные операции, осуществлять капиталовложения и приобретать недвижимость. Данное обстоятельство подталкивает преступников искать «законные источники» для формирования своего капитала. С этой целью они стремятся помещать денежные средства на счета в банки, инвестировать их в законное предпринимательство, перемещать различными способами за пределы страны.

Внимание владельцев преступных доходов к определенной стране или отдельному региону обусловлено такими факторами, как географическое положение, близость торговых путей, стабильный политический климат и др. Этими факторами объясняется привлекательность для легализации (отмывания) денежных средств таких стран, как Панама, Кипр, Андорра, Каймановы и Багамские острова и ряд других территорий, имеющих статус офшорных зон.

Между тем распространенной является и деятельность созданных с целью легализации предприятий на территории одной страны. Так, предприятие может быть создано в одном регионе Российской Федерации, накопление или прокручивание средств происходит в банке другого региона, перечисление через корреспондентские счета банка – в третьем. Запутывание каналов прохождения денежных средств затрудняет выявление фирм и их цепей в масштабах страны. Просматривается общая тенденция движения «грязных» денег через банки офшорных зон, с последующим переводом в страны с сильной банковской, налоговой системой, после чего бывает крайне трудно отыскать источник происхождения средств и их владельцев [3, с. 170].

По данным Центрального банка Российской Федерации, объемы оттока капитала с января по август 2018 г. составили 26,5 млрд долларов США. Это примерно втрое выше, чем за аналогичный период прошлого года (9,6 млрд) [6]. Среди причин такого объема оттока денежной массы можно выделить: непрогнозируемое макроэкономическое развитие, нестабильность экономики в нашей стране и в мире; отсутствие гарантий защиты предпринимательской деятельности; пробелы в законодательстве.

Более того, цифровое движение денег упрощает избежание налогообложения. Механизмы, используемые для этого крупными международными компаниями, сегодня становятся доступны обычному налогопла-

тельщику. Связано это с тем, что установить владельца цифрового капитала чрезвычайно сложно, а в некоторых случаях и просто невозможно. Национальные территории теряют в электронной среде какое-либо значение, потенциальные налогоплательщики достаточно свободно перемещают денежные потоки в виртуальной среде. Поскольку идентифицировать и контролировать транзакции в Интернете с учетом их анонимности, скорости и огромных объемов очень сложно, шансы изобличить правонарушителей сводятся к нулю. Все это открывает безграничные возможности для мошенников.

Приемов легализации достаточно много. В связи с этим в научной литературе встречаются предложения рассматривать отмывание как двух-, четырех-, пятифазовую модель. Сторонники модели первого порядка разграничивают непосредственное отмывание путем проведения операций с наличными (Money laundering), включающее в себя признаки размещения средств в хозяйственной сфере, распределение наличных путем многократных операций с ними и возврат (Recycling) денег в легальный оборот [7, с. 317].

Эксперты ООН выделяют четыре этапа: освобождение от «грязной» наличности и перечисление на счета в банки; распределение наличных (приобретение недвижимости, ценных бумаг и т. д.); запутывание следов (подпольная банковская система, использование банков, расположенных вдали от мест проведения транзакций); интеграция денежных средств в легальный оборот [5, с. 18].

Важнейшая особенность легализации состоит в том, что основные действия по подготовке и сокрытию этого процесса чаще всего происходят параллельно с непосредственной легализацией преступных доходов. В связи с этим анализ механизма преступного поведения позволяет утверждать, что стадия легализации (отмывания) денежных средств должна быть дополнена стадией аккумуляирования (накопления), на которой принимается решение о легализации, а также стадией сокрытия преступлений.

Изучение уголовных дел показало, что стадия аккумуляирования денежных средств реализуется более чем в 90 % случаев путем совершения преступлений в экономической сфере [2, с. 107]. Основные из них: мошенничество (ст. 159 УК РФ); присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному (ст. 160 УК РФ); преднамеренное банкротство (ст. 196

УК РФ); злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); налоговые преступления (ст. 198–199 УК РФ) и др.

Вместе с тем денежные средства и ценности, которые подвергаются легализации, могут быть получены и при совершении общеуголовных преступлений, таких как незаконный оборот наркотиков, контрабанда, кражи, грабежи и разбои, заказные убийства, вымогательство и др.

Уже на этапе совершения данных противоправных деяний умысел преступников направлен на легализацию криминальных доходов. В этих целях они определяют схемы легализации (78 %); подбирают или создают финансовые институты, через которые будет осуществлено движение денежных средств (63 %); выбирают страны проведения основных операций по легализации (59 %); подбирают и нанимают исполнителей отдельных операций (34 %); определяют последовательность действий, способствующих сокрытию криминальных операций, и документооборот (81 %); изучают личности сотрудников контролирующих и правоохранительных органов (29 %); создают документы, маскирующие финансовые операции или предающие им легальный характер (56 %), и др. [2, с. 108].

Как показывает следственная практика, первоначально денежные средства, полученные правонарушителем в результате совершения вышеуказанных действий, вводятся в национальную финансовую систему, а затем переводятся на различные счета в зарубежных банках. В последующем средства возвращаются в страну их первоначального получения в виде переводов физическим лицам либо инвестиций в различные сферы деятельности. Цель всех этих операций – вернуть в оборот денежные средства, полученные преступным путем, в обход внимания правоохранительных и контролирующих органов. В связи с этим важное значение отводится изучению преступниками законодательства страны пребывания, что позволяет проводить легализацию денежных средств достаточно просто, надежно и с минимальными потерями.

Мировой опыт выявления фактов отмыывания денежных средств позволил сформулировать определенные этапы в схемах их проведения:

1. Размещение денежных средств. При этом происходит изменение формы денежных средств, то есть превращение основной массы наличных денежных средств в безна-

личную форму путем вкладов в банки (конвертирование валюты в депозиты или объединение с доходами от законного бизнеса).

2. Перемещение средств в международную банковскую систему путем проведения серии операций. При этом в целях маскировки следов движения денежных средств, а также невозможности определения их первичного владельца используются анонимные счета и принципы банковской тайны. Более того, реализация международных переводов денежных средств становится возможной благодаря существующим различиям в законодательстве разных стран.

3. Интеграция. Процесс дальнейшего перемещения фактически легализованных капиталов их первоначальному владельцу или на счета нужных организаций, фирм, лиц и т. п. в качестве займов, кредитов, оплаты за услуги и др.

Скорость проведения банковских операций в течение рабочего дня, использование электронных систем перевода средств, неэффективный контроль со стороны налоговых органов позволяют называть фирмы, созданные исключительно для легализации, «однодневками», «межкварталками». В период между ежеквартальными отчетами в налоговую инспекцию они успевают зарегистрироваться, открыть расчетные счета, провести по ним средства и завершить их работу. Подобные манипуляции значительно затрудняют процесс их выявления, поскольку документы о личности учредителей, владельцев, руководителей, адреса в большинстве случаев оказываются фиктивными. Как результат, раскрыть факт существования фиктивной фирмы удается с большим опозданием, когда вернуть денежные средства в легальную финансовую систему становится практически невозможным.

Обобщенная практика легализации денежных средств с помощью финансовых операций показывает, что решение этой задачи осуществляется преступными группами следующими способами:

1. Использование нескольких фирм. Основным видом их деятельности, как правило, выступает посредничество в проведении финансовых операций. Легализация крупных денежных сумм осуществляется посредством внесения в бухгалтерские книги записей о доходах за услуги, которые фактически не были проведены, при этом единственным видом поступлений становится комиссия плата, гонорары за «консультационную деятельность» и т. п. Подобные операции отследить достаточно сложно, по-

скольку на счетах они фигурируют в замаскированном виде, не позволяющем установить их истинный характер. Таким образом, если невозможно выявить и подтвердить истинную причину проведенных операций, то и необходимых законных доказательств их неправомерности получить не удастся. Финансовая проверка подобной фирмы затруднена, требует большого объема работ и времени. При этом в большинстве случаев незадолго до проведения проверки становится известно, что фирма прекратила свое функционирование, а коммерческий директор отбыл за границу.

2. Перевод денежных средств. Деньги вносятся клиентом на разные счета, открываемые посредниками, и с них переводятся на иностранные. На эти счета выписываются чеки, чтобы лицо или фирма, которая внесла эти деньги, смогла получить их при необходимости.

Схема легализации денежных средств с помощью использования банковских инструментов не представляет трудностей для специалистов, разрабатывающих специальные расчетные механизмы проведения операций с банками-нерезидентами вне банковского компьютерного расчетного центра. Преступник или лицо по его поручению открывает одновременно счета за рубежом и у себя в стране. На следующем этапе деньги перечисляются в полном объеме на счет бенефициара, а счета в своей стране ликвидируются [4, с. 102].

Стадия сокрытия следов состоит в оперативном перемещении денежных средств как можно дальше от источника их получения. Она включает распределение средств на проведение активных операций с недвижимостью, драгоценными металлами и камнями, вещами, ценными бумагами; использование корреспондентских счетов отечественных и иностранных банковских учреждений; конвертацию преступных доходов; максимальное использование арсенала средств банков, фирм офшорных зон.

Особенностью заключительной стадии легализации является придание преступным доходам статуса легальных и их внедрение в официальный финансовый оборот. Такие деньги приобретают формальный статус законных, но все равно остаются преступными. Они не включаются во внутренний валовой продукт государства, считаются неучтенными, теневыми капиталами. Их внедрение в легальные финансовые институты приводит к нарушениям в работе последних, усложняет контроль за денеж-

ными потоками. Если первые стадии «грязные» средства прошли успешно, то обнаружить их при интеграции в законный оборот бывает достаточно сложно [2, с. 108].

Следует также отметить, что экономические организованные преступные группы постоянно ищут новые варианты легализации денежных средств. В связи с этим специализированные финансово-налоговые службы и Федеральный резервный банк (ФРБ) США были вынуждены принять экстренные меры к наведению порядка в отношении так называемых заочно оплачиваемых счетов американских банков. При существующей процедуре любой американский банк мог открыть корреспондентский счет иностранного банка, который, в свою очередь, давал возможность его клиентам за соответствующие комиссионные осуществлять электронные расчеты через американский банк, находясь за пределами США. Иностранному банку, предоставляя такие услуги, выдавал клиентам чеки, позволяющие им снимать денежные средства со счета в американском банке. Представители спецслужб США убеждены, что использование таких практически неконтролируемых счетов позволило легализовать значительные денежные суммы.

В разосланном в начале марта 1995 г. специальном письме американским банкам ФРБ США отмечается, что большинство из них почти не прилагают никаких усилий для проверки сведений о лицах, использующих заочно оплачиваемые счета. Одновременно им было дано указание применять к подобным клиентам такие же жесткие меры контроля, которые они практикуют в отношении своих клиентов внутри США. Это означает, в частности, что банки обязаны проверять каждого клиента, который использует заочные счета, и немедленно сообщать федеральным властям о любых подозрительных моментах. Подобные рекомендации ФРБ США направлены также иностранным банкам [1, с. 107]. Однако, как отмечают специалисты, указанные решения в значительной степени остались лишь на бумаге, поскольку практически невозможно заставить иностранные банки следовать этим инструкциям.

Отметим также и то, что операции по отмыванию денежных средств являются многоступенчатыми и реализуются в рамках сложных, хорошо продуманных схем. В частности, организуя такой процесс, правонарушители могут использовать теорию «пяти флагов» (то есть пяти разных стран): 1) страна, в которой реализуется противо-

правный бизнес; 2) страна гражданства; 3) страна с использованием повышенной банковской конфиденциальности (домицилий); 4) страна, в которой находятся денежные средства (она позволяет доверенному лицу анонимно управлять средствами); 5) страна пребывания правонарушителя. Идеальная для преступников схема позволяет расположить указанные флаги в разных странах.

Многие банки и другие кредитно-финансовые институты участвуют в легализации денежных средств, даже не зная об этом. По требованию своих клиентов они перечисляют крупные финансовые средства в офшор-

ные зоны, что, по сути, не является противозаконным. Однако установить дальнейшую судьбу этих средств, равно как и конечного получателя, достаточно сложно.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что знание типичных способов и механизма легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций, сотрудниками правоохранительных органов дает возможность своевременно выявлять эти преступления, принимать правильные решения в стадии возбуждения уголовного дела, качественно планировать и проводить расследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апель А., Гунько В., Соколов И. Обналичивание и офшорный бизнес в схемах. СПб., 2002. 192 с.
2. Борисов О. С. Проблемы классификации стадий легализации криминальных доходов, полученных преступным путем, через банковский сектор экономики // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2015. № 4 (42). С. 106–108.
3. Волеводз А. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А. Б. Соловьев. М., 2000. 196 с.
4. Михайлова И. Н. Особенности схем денежных расчетов и банковских операций при легализации преступных доходов // Экономика, статистика и информатика. 2014. № 1. С. 101–105.
5. Осмаев И. Б. Международные и национальные правовые средства борьбы с отмыванием преступных доходов. М., 1999. 296 с.
6. Отток капитала из России в 2018 году: официальная статистика Центробанка. URL: <https://bankclub.ru/novosti/ottok-kapitala-iz-rossii-v-2018-godu-ofitsialnaya-statistika-tsentrobanka/> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Расследование преступлений в сфере экономики: руководство для следователей / И. С. Алексеева [и др.] ; под ред. И. Н. Кожевникова. М., 1999. 415 с.

REFERENCES

1. Apel' A., Gun'ko V., Sokolov I. Obnalichivanie i offshornyj biznes v skhemah [Cashing and offshore business schemes]. St. Petersburg, 2002. 192 p. (In Russ.).
2. Borisov O. S. Problemy klassifikacii stadij legalizacii kriminal'nyh dohodov, poluchennyh prestupnym putem, cherez bankovskij sektor ehkonomiki [Problems of classification of the stages of legalization of criminal proceeds from crime through the banking sector of the economy]. Vestn. Kaliningrad. filiala Sankt-Peterburg. un-ta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. Iss. 4 (42). P. 106–108. (In Russ.).
3. Volevodz A. Mezhdunarodnyj rozysk, arest i konfiskaciya poluchennyh prestupnym putem denezhnyh sredstv i imushchestva (pravovye osnovy i metodika) / nauch. red. A. B. [The international search, arrest and confiscation of criminal proceeds of money and property (legal basis and methodology) : ed. by A. B. Solovyov]. Moscow, 2000. 196 p. (In Russ.).
4. Mihajlova I. N. Osobennosti skhem denezhnyh raschetov i bankovskih operacij pri legalizacii prestupnyh dohodov [Features of cash settlement schemes and banking operations in the legalization of criminal proceeds]. EHkonomika, statistika i informatika – Economics, statistics and informatics. 2014. Iss. 1. P. 101–105. (In Russ.).
5. Osmaev I. B. Mezhdunarodnye i nacional'nye pravovye sredstva bor'by s otmyvaniem prestupnyh dohodov [International and national legal means of combating money laundering]. Moscow, 1999. 296 p. (In Russ.).
6. Ottok kapitala iz Rossii v 2018 godu: oficial'naya statistika Centrobanka [Capital outflow from Russia in 2018: official statistics of the Central Bank]. Availabel at: <https://bankclub.ru/novosti/ottok-kapitala-iz-rossii-v-2018-godu-ofitsialnaya-statistika-tsentrobanka/> (accessed 03.02.2019). (In Russ.).
7. Rassledovanie prestuplenij v sfere ehkonomiki: rukovodstvo dlya sledovatelej / I. S. Alekseeva [i dr.]; pod red. I. N. Kozhevnikova [Investigation of crimes in the economic sphere: a guide for investigators / I. S. Alekseeva et al. ; ed. by I. N. Kozhevnikova.]. M., 1999. 415 p. (In Russ.).

УДК 343.82

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-59-63

Особенности организации трудовой деятельности лиц, привлеченных к отбыванию наказания в виде обязательных и исправительных работ

С. Н. КОНДРАТОВСКАЯ – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. В. ВАЛЬКОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Статья освещает спорные вопросы правового регулирования труда лиц, осужденных к обязательным и исправительным работам. На основе анализа норм национального законодательства сделан вывод о приоритете норм УИК РФ перед нормами трудового законодательства при регулировании труда осужденных.

Ключевые слова: правовое регулирование труда осужденного без изоляции от общества; трудовые права; обязательные работы; исправительные работы; уголовно-исполнительные инспекции.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Features of the labor organization of persons sentenced to compulsory and correctional labor

S. N. KONDRATOVSKAYA – Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

E. V. VALKOVA – Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article covers controversial issues of legal regulation of labor of persons sentenced to compulsory and corrective labor. On the basis of an analysis of the norms of national legislation a conclusion was made on the priority of the norms of the Penal Code of the Russian Federation over the norms of labor legislation in the regulation of labor of convicts.

Key words: legal regulation of labor of a convicted person without isolation from society; labor rights; compulsory work; correctional labor; penal inspections.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Согласно ст. 9 УИК РФ под исправлением осужденных понимается формирование у них уважительного отношения к обществу, человеку, труду, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Достижение целей наказания обеспечивается во многом соблюдением принципа индивидуализации: применением средств исправления осужденных с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их

поведения. Кроме того, по мнению ряда исследователей, важное криминологическое значение имеет выявление мотива совершения преступного деяния [4, с. 22].

Современная уголовная политика России, основываясь на реализации основных задач, которые были поставлены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [6], идет по пути уменьшения применения наказания в виде лишения свободы и более частого применения наказания, не связанного

с изоляцией от общества, к лицам, которые осуждены за преступления небольшой общественной опасности, где исправление возможно при сохранении привычных им условий жизни.

В этой связи одним из оснований сокращения реального лишения свободы (помимо условного осуждения) становятся исправительные или обязательные работы, причем в последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа лиц, осужденных к обязательным работам.

Так, мировыми судами Вологодской области в 2014 г. был вынесен приговор о назначении наказания в виде обязательных работ в отношении 16,9 % лиц, в виде исправительных работ – в отношении 27,6%; в 2015 г. – 19,2 % и 23 %; в 2016 г. – 41,5 % и 12,3 %, в 2017 г. – 34,4 % и 18 % соответственно [7].

Закономерно встает вопрос: а что такое обязательные и исправительные работы? Регулируются ли они трудовым законодательством? Или это специальные меры наказания без изоляции от общества, никак не связанные с понятием работы, трудовыми отношениями.

Следует отметить, что правовой статус лиц, осужденных без изоляции от общества, относится к статусу отдельных категорий осужденных и имеет существенные отличия, обусловленные особенностями отбываемого ими наказания [3, с. 253].

Исходя из содержания ст. 49 УК РФ обязательные работы характеризуются выполнением осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ.

Согласно ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его, то есть осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы, а осужденный, не имеющий такого места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного. То есть, обязательные работы – это общественно полезный труд, а исправительные работы – это трудовая деятельность, и они должны регулироваться по общему правилу трудовым законодательством.

Главной особенностью трудовой правосубъектности осужденных лиц является то, что в отличие от Конституции Российской

Федерации, где провозглашается право на труд (ст. 37), осужденные к наказанию в виде обязательных и исправительных работ обязаны трудиться (ч. 1 ст. 26 и ч. 1 ст. 40 УИК РФ).

Установленная обязанность трудиться является дискуссионной на протяжении многих лет, поскольку противоречит нормам международного права, а также нормам Конституции Российской Федерации и российского трудового законодательства, которые запрещают принудительный труд.

На международно-правовом уровне запрет принудительного труда наличествует, прежде всего, в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) [5]. Однако в ст. 8 данного документа отмечается, что труд по приговору суда не считается принудительным.

Более основательно понятие принудительного труда закреплено в Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» (1930) [8]. Конвенция определяет принудительный труд как работу под угрозой наказания, психического или физического воздействия при условии, что лицо не желает добровольно предоставлять свои услуги. В довершение всего, данная конвенция, повторяя норму Всеобщей декларации прав человека [1], также отмечает, что труд по приговору суда нельзя считать принудительным.

В ТК РФ под принудительным трудом понимается выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе прочего в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности. При этом в ст. 4 определено, что принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров. В данном случае такими органами являются уголовно-исполнительные инспекции.

В этой связи можно согласиться с выводом Е. С. Шукаевой, что характеризующие нормы подчеркивают отсутствие у труда осужденных принудительного характера, а обозначают, что труд таких лиц не является принудительным в понимании ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 4 ТК РФ, то есть не относится к запрещенному принудительному труду [9, с. 160].

Однако условия труда осужденных к обязательным и исправительным работам будут совершенно разные.

Как уже отмечалось, обязательные работы, по смыслу уголовного законодательства, заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ.

Указанный вид наказания исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного, то есть в пределах муниципального образования, в котором проживает осужденный. Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией.

Кроме того, особенности правового статуса осужденных обуславливают определенные ограничения их труда. Во-первых, обязательные работы выполняются бесплатно, и заработная плата осужденному за такие работы не выдается. Во-вторых, условия труда зависят от уголовно-исполнительной инспекции и органов местного самоуправления, и, например, уволиться по собственному желанию осужденному нельзя.

Уголовное наказание в виде исправительных работ также регламентируется УИК РФ и реализуется уголовно-исполнительными инспекциями. Данное учреждение не позднее 15 дней со дня получения соответствующего распоряжения суда с копией приговора обязано привлечь осужденного к отбыванию наказания по основному месту работы, а осужденного, не имеющего основного места работы, – в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Осужденный не вправе отказаться от предложенной органами службы занятости работы или переквалификации.

Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.

Исправительные работы выражаются в ряде правоограничений лица, отбывающе-

го данный вид наказания. Из его заработной платы производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 20 %.

Ежегодный отпуск лицам, отбывающим исправительные работы, предоставляется лишь в размере 18 рабочих дней, а отбывающим обязательные работы вообще не предоставляется, кроме того, время обязательных работ не включается в трудовой стаж, поэтому трудовая книжка на таких осужденных не заводится [2, с. 9–10]. Для таких лиц очередной отпуск по месту основной работы, отпуск для сдачи экзаменов или каникулы не приостанавливают исполнение обязательных работ. В данном случае, исходя из конкретной ситуации, только уголовно-исполнительная инспекция может предоставить отсрочку (например, для сдачи выпускных экзаменов). Данные положения противоречат основным принципам трудового законодательства.

В то же время, как и любой другой работник, в соответствии с нормами законодательства о труде осужденный к обязательным или исправительным работам во время отбывания наказания обязан соблюдать правила внутреннего трудового распорядка учреждения, где он работает, добросовестно относиться к труду.

Кроме того, если осужденному лицу был причинен вред, который был связан с выполнением обязательных или исправительных работ, возмещение вреда производится в общем порядке в соответствии с действующим трудовым законодательством.

Если рассматривать поощрения и взыскания в отношении осужденных к исправительным или обязательным работам, то можно выделить следующее. Мерами поощрения могут быть сокращение срока, объема обязанностей и запретов, которые были применены уголовно-исполнительной инспекцией к осужденному. Кроме того, может быть применена такая мера поощрения, как представление к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания.

За нарушение трудовой дисциплины, в частности за неявку на работу и прогул, а также появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, в качестве взыскания в соответствии со ст. 29, 30 и 46 УИК РФ уголовно-исполнительная инспекция может применить к осужденному взыскание в виде предупреждения в письменной форме о замене обязательных или исправительных работ другим видом наказания, а

в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, инспекция направляет в суд представление о замене обязательных или исправительных работ другим видом наказания в соответствии с ч. 3 ст. 49 или ч. 4 ст. 50 УК РФ. Заметим, что такие виды дисциплинарных взысканий не входят в список, указанный в ст. 192 ТК РФ.

Таким образом, на основе анализа законодательства можно сделать вывод, что ТК РФ не содержит никаких норм относительно труда осужденных лиц, основой регулирования труда данной категории лиц является уголовно-исполнительный закон, а нормы трудового права применяются в части, относящейся к условиям труда, рабочему времени, оплате труда, охране труда и социальному страхованию. Меры дисциплинарной и материальной ответственности лиц, время отдыха, основания и размер удержаний из заработной платы урегулированы непосредственно в УИК РФ.

Подводя итог, отметим, что современное состояние правового регулирования отбывания наказания лицами, осужденными без изоляции от общества, коррелируется с социально-экономической ситуацией в стране, своевременно меняется под воздействием важнейших направлений государственного развития (гуманизации уголовной политики, административной реформы, антикоррупционной политики). Вместе с тем в данной сфере существуют определенные недостатки. Во-первых, они обусловлены подзаконным характером значимых нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний. Во-вторых, связаны с одновременным существованием нескольких нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения, но использующих различные способы конструирования нормативной информации, что неизбежно приводит к коллизиям либо спорам о компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Рос. газ. 1995. 5 апр.
2. Грушин Ф. Д. О некоторых правовых аспектах исполнения наказания в виде обязательных работ // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2007. № 12. С. 7–10.
3. Кондратовская С. Н., Избушкина С. И. Правовой статус лиц, осужденных без изоляции от общества // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2017. С. 253–255.
4. Криминологическая характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы / А. М. Смирнов и др. // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 3–4. С. 20–29.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
7. Обзор судебной статистики о результатах деятельности мировых судей Вологодской области за период с 2014 по 2017 гг. URL: <http://usd.vld.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=3/> (дата обращения: 10.07.2018).
8. Относительно принудительного или обязательного труда : конвенция Международной организации труда от 28.06.1930 № 29 // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1956. № 13. Ст. 279.
9. Шукаева Е. С. О степени свободы труда лиц, осужденных к лишению свободы // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2015. № 3. С. 160.

REFERENCES

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948 [Universal Declaration of Human Rights : adopted by the UN General Assembly 12.10.1948]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 1995. April 5. (In Russ.).
2. Grushin F. D. O nekotoryh pravovyh aspektah ispolneniya nakazaniya v vide obyazatel'nyh rabot [On some legal aspects of the execution of punishment in the form of compulsory labor]. Vedomosti ugolov.-ispolnit. sistemy – Bulletin of the penal system. 2007. Iss. 12. P. 7–10. (In Russ.).
3. Kondratovskaya S. N., Izbushkina S. I. Pravovoj status lic, osuzhdennyh bez izolyacii ot obshchestva [The legal status of persons convicted without isolation from society]. Innovacionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika : sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Innovative scientific research: theory, methodology, practice : IX International scientific-practical conf. collection. Penza, 2017. P. 253–255. (In Russ.).
4. Kriminologicheskaya harakteristika muzhchin, osuzhdennyh k lisheniyu svobody / A. M. Smirnov i dr. [Criminological characteristics of men sentenced to imprisonment / A. M. Smirnov et al.]. Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki – Current issues of education and science. 2016. Iss. 3–4. P. 20–29. (In Russ.).
5. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah : prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON [International Covenant on Civil and Political Rights : adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly]. Vedomosti Verhov. Soveta SSSR – Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. Iss. 17. Art. 291. (In Russ.).
6. O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) [On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020: Order of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010

No. 1772-p (in red. on 23.09.2015)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 43. Art. 5544. (In Russ.).

7. *Obzor sudebnoj statistiki o rezul'tatah deyatel'nosti mirovyh sudej Vologodskoj oblasti za period s 2014 po 2017 gg.* [Review of judicial statistics on the performance of the magistrates of the Vologda region for the period from 2014 to 2017]. Available at: <http://usd.vld.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=3/> (accessed 10.07.2018). (In Russ.).

8. *Otnositel'no prinuditel'nogo ili obyazatel'nogo truda : konvenciya Mezhdunarodnoj organizacii truda ot 28.06.1930 № 29* [Regarding forced or compulsory labor : Convention of the International Labor Organization from 29.06.1930 No. 29]. *Vedomosti Verhov. Soveta SSSR – Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1956. Iss. 13. Art. 279. (In Russ.).

9. *SHukaeva E. S. O stepeni svobody truda lic, osuzhdennyh k lisheniyu svobody* [On the degree of freedom of labor of persons sentenced to imprisonment]. *Vestn. Voronezh. in-ta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. Iss. 3. P. 160. (In Russ.).

УДК 343.231

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-63-67

Особенности уголовной ответственности за преступления в области телемедицины

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В последние годы телемедицина все активнее внедряется в жизнь людей, что чревато серьезными общественно опасными последствиями, например в случае, если помощь дистанционно оказывает врач, не имеющий права на совершение подобных медицинских действий. Кроме того, в результате оказания медицинских услуг через Интернет врач может допустить ошибку в постановке диагноза (консультации), что может привести к смерти пациента или другим негативным последствиям. В нормативных документах телемедицинские технологии определяются как информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. В ходе исследования изучены вопросы легального и незаконного оказания медицинской и фармацевтической помощи с использованием телемедицинских технологий, особенности уголовной ответственности за данный вид деятельности. Автор пришел к выводу, что законодателю следует учитывать при дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 235 УК РФ повышенную степень общественной опасности преступлений, связанных с незаконной дистанционной медицинской и фармацевтической деятельностью, в результате которой причиняется по неосторожности вред здоровью человека или смерть. Для этого следует, используя квалифицированный состав преступления, предусмотреть ужесточение наказания за указанную деятельность.

Ключевые слова: уголовный закон; инновационная деятельность; телемедицина.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Features of criminal liability for crimes in the field of telemedicine

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

In recent years telemedicine is increasingly being introduced into people's life which is fraught with serious socially dangerous consequences, for example, if assistance is

provided remotely by a doctor who is not entitled to perform such medical actions. In addition, as a result of providing medical services per Internet the doctor may make a mistake in making a diagnosis (consultation), which may lead to the death of the patient or other negative consequences. In regulatory documents telemedicine technologies are defined as information technologies that provide for remote interaction of medical workers among themselves, with patients and (or) their legal representatives, identify and authenticate specified persons, document their actions during consultations, and remote medical monitoring of the patients health. The study examined the issues of legal and illegal provision of medical and pharmaceutical care using telemedicine technologies, especially criminal liability for this type of activity. The author came to the conclusion that the legislator should take into account by the differentiation of criminal responsibility under Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation a heightened degree of public danger of crimes connected with illegal remote medical and pharmaceutical activities, as a result of which, due to carelessness, harm to human health or death is caused. For this purpose, using the qualified corpus delicti, it is necessary to foresee toughening of punishment for the specified activity.

Key words: criminal law; innovation activity; telemedicine.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Развитие современных инновационных технологий серьезным образом меняет жизнь людей, причем как в положительном, так и негативном ключе. Так, появление новых технологий принесло обществу огромные блага в сфере экономики, образования и культуры и в то же время стимулировало появление новых и развитие традиционных форм преступности. Примером такой инновации можно назвать возможность оказания медицинской помощи дистанционно, с использованием телемедицинских технологий. С одной стороны, это облегчает жизнь многих людей, особенно живущих в местах, где сложно найти хорошего врача, или имеющих хронические заболевания и сложности с передвижением, с другой – чревато серьезными общественно опасными последствиями, например в случае, если помощь дистанционно оказывает врач, не имеющий права на совершение подобных медицинских действий. Кроме того, в результате оказания медицинских услуг через Интернет врач может допустить ошибку в постановке диагноза (консультации), что может привести к смерти пациента или другим негативным последствиям. Эти и многие подобные вопросы должен учитывать законодатель для своевременной и эффективной уголовно-правой охраны правоохраняемых интересов.

В действующем УК РФ отсутствуют такие понятия, как «телемедицина», «телемедицинские технологии», «дистанционное оказание медицинской помощи» и т. п. Исходя из этого можно сделать вывод, что в случае совершения преступления с использованием телемедицинских технологий правоприменителю следует руководствоваться нормами УК РФ о так называемых традици-

онных медицинских преступлениях. В частности, незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности криминализировано в ст. 235 кодекса. В соответствии с данной статьей уголовная ответственность наступает, если в результате осуществления незаконной медицинской и фармацевтической деятельности виновного лица причиняется по неосторожности вред здоровью человека или смерть. Вместе с тем для признания лица виновным по ст. 235 УК РФ следует установить факт его медицинской или фармацевтической деятельности без соответствующей лицензии, которая обязательна. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 291 медицинская деятельность включает в себя работы (услуги) по определенному перечню, которые выполняются при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях [3]. В этой связи нельзя поддержать утверждение А. И. Раткова и А. Ю. Чупровой, что «в перечне работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, указания на телемедицину, консультации в сети “Интернет”, отсутствуют. Поэтому такие услуги не могут рассматриваться как

частная медицинская практика, о которой ведется речь в статье 235 УК РФ» [4, с. 178].

В соответствии с Федеральным законом от 29.07.2017 № 242-ФЗ [2] телемедицинские технологии определяются как информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. В п. 4 закона сказано, что медицинская организация оказывает медицинскую помощь с применением телемедицинских технологий по видам работ (услуг), указанным в лицензии на осуществление медицинской деятельности. Получается, что медицинский работник для легального осуществления медицинской помощи дистанционно должен быть в штате медицинской организации. Исходя из этого сотрудники медицинской организации, незаконно осуществляющие медицинскую деятельность, в том числе дистанционно без лицензии, если таковая для этого является обязательной, подлежат уголовной ответственности в соответствии со ст. 235 УК РФ.

Однако остается вопрос: как быть с лицами, осуществляющими частную медицинскую практику индивидуально? Про лицензирование медицинской деятельности такой категории лиц в рассматриваемом документе ничего не сказано. Исходя из указанного федерального закона телемедицина – это такая же медицинская деятельность, которая должна быть лицензирована. Вместе с тем лицензирование предусмотрено для медицинской организации, следовательно, и медицинскую помощь с использованием телемедицинских технологий могут оказывать только сотрудники медицинской организации, которая получила соответствующую лицензию на оказание медицинских услуг. Более того, согласно п. 10 Порядка оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, все медицинские организации должны быть внесены в федеральный регистр. В состав Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) входят такие системы, как Федеральный регистр медицинских работников и Федеральный реестр медицинских организаций. Более того, регистрация в ЕГИСЗ обязательна для всех медицинских организаций

независимо от формы собственности. Частичный ответ на указанный вопрос дало Министерство здравоохранения, пояснив, что телемедицинские технологии не отдельный вид работ, а составляющая медицинской деятельности, поэтому оказание таких услуг необходимо проводить в помещении, оборудованном для проведения офлайн-консультаций и при наличии лицензии. Причем лицензию необходимо получать на каждое направление услуг [5]. Получается, что телемедицинские услуги должны осуществляться только в лицензируемом помещении клиники и сотрудниками, входящими в штат этой организации. Исходя из этого частные лица, индивидуальные предприниматели, оказывающие медицинские услуги дистанционно с использованием телемедицинских технологий, подлежат уголовной ответственности по ст. 235 УК РФ.

Принимая во внимание полученный ранее вывод, появляется другой вопрос: а соответствуют ли положения ст. 235 УК РФ сегодняшним реалиям? В частности, лицо, незаконно оказывающее медицинские или фармацевтические услуги населению, более общественно опасно, нежели сотрудник медицинской организации, осуществляющий названный вид деятельности без обязательной лицензии. Так, специфика телемедицинских и интернет-технологий позволяет реализовывать незаконное медицинское консультирование лицами, в лучшем случае не имеющими к медицине никакого отношения. В результате лечения таких «медиков» возможно ухудшение состояния здоровья пациента. Более того, закон о телемедицине принят относительно недавно и среди широкой общественности не приводилось детальное разъяснение его сути, этапов и особенностей реализации. Так, согласно нормам данного закона консультированию дистанционно должен предшествовать очный прием. Вместе с тем в ходе опроса, проведенного нами (300 респондентов различного возраста и социального положения), только 9 % знали о такой норме. Подобные недоработки в разъяснении сущности закона о телемедицине способны привести к манипулированию населением и искажению отдельных норм указанного нормативно-правового акта, особенно среди старшего поколения.

Специфика Интернета позволяет лицам, осуществляющим незаконную медицинскую и фармацевтическую деятельность, расширить географию и охват своего дела. В результате чего вред может быть причи-

нен значительно большему числу людей по сравнению с деятельностью медиков, ведущих очный прием, но не имеющих обязательной лицензии. Этот и отмеченный ранее факты должен учитывать законодатель при дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 235 УК РФ. По нашему мнению, следует усилить уголовную ответственность лиц за незаконную медицинскую и фармацевтическую деятельность с использованием дистанционных технологий в случае, если в результате этих действий по неосторожности происходит причинение вреда здоровью человека или его смерть. Сложности при реализации данного предложения могут возникнуть при формулировке квалифицированного состава ст. 235 УК РФ. Дело в том, что, на наш взгляд, понятие «телемедицина» не соответствует характеру и сущности включаемых в него деяний. Да, это достаточно устоявшееся понятие в медицинском сообществе. Вместе с тем если обратиться к словарям и требованиям законодательной техники, то ситуация обстоит значительно сложнее.

Использование корня «теле» применительно к медицине позволяет говорить только об односторонней передаче информации и изображений и не отражает сущности дистанционной медицинской помощи, которая заключается в двустороннем и равноправном обмене информацией в режиме реального времени. Оказание же медицинской помощи дистанционно предполагает коммуникацию, то есть обмен сведениями между участниками. Частично это находит подтверждение в Меморандуме о сотрудничестве государств – участников СНГ в области создания совместимых национальных телемедицинских консультационно-диагностических систем, где телемедицинские услуги определены как «отсроченные консультации, консультации в реальном времени, дистанционный контроль за физиологическими параметрами организма пациента,

дистанционное проведение диагностических и лечебных манипуляций, медицинские видеоконференции, телеконсилиумы, телесеминары, телелекции и прочие медицинские услуги, оказываемые с использованием современных информационно-коммуникационных технологий» [1]. На наш взгляд, законодателю при конструировании указанного ранее квалифицированного состава преступления в рамках ст. 235 УК РФ следует это учитывать. Тем более что применительно к УК РФ у законодателя имеется положительная практика использования схожих дефиниций.

В частности, при описании диспозиции конкретных норм в УК РФ в последнее время все чаще используется словосочетание «Информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть “Интернет”», которое в кодексе встречается порядка 20 раз (например, ст. 110, 185.3, 228.1 и др.). Представляется, что указание на то, что медицинская помощь дистанционно оказывается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), является более удачным, поскольку точнее отражает сущность данного вида деятельности.

Подводя итог, необходимо отметить, что законодателю следует учитывать при дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 235 УК РФ повышенную степень общественной опасности преступлений, связанных с незаконной дистанционной медицинской и фармацевтической деятельностью, в результате чего причиняется по неосторожности вред здоровью человека или смерть. Для этого следует, используя квалифицированный состав преступления в рамках ст. 235 УК РФ, предусмотреть ужесточение наказания за оказание незаконной дистанционной медицинской и фармацевтической деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меморандум о сотрудничестве государств – участников СНГ в области создания совместимых национальных телемедицинских консультационно-диагностических систем (г. Кишинев, 14 ноября 2008 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья : федер. закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») : постановление Правительства Рос. Федерации от 16.04.2012 № 291 (ред. от 08.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ратков А. И., Чупрова А. Ю. Некоторые вопросы применения уголовного законодательства за нарушения в сфере телемедицины // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 4. С. 176–178.
5. Телемедицина с осложнениями. На новом рынке ужесточают правила игры. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3628107?from=four_business (дата обращения: 19.01.2019).

REFERENCES

1. Memorandum o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov SNG v oblasti sozdaniya sovmestimyh nacional'nyh telemeditsinskih konsul'tacionno-diagnosticheskikh system (g. Kishinev, 14 noyabrya 2008 g.) [Memorandum on cooperation of the CIS member states in the field of creation of compatible national telemedicine consultation and diagnostic systems (Chisinau, November 14, 2008)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
2. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam primeneniya informacionnyh tekhnologij v sfere ohrany zdorov'ya : feder. zakon ot 29.07.2017 № 242-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Application of Information Technologies in the Field of Health Protection : Federal Law from 29.07.2017 No. 242-FLJ]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
3. O licenzirovanii medicinskoj deyatel'nosti (za isklyucheniem ukazannoj deyatel'nosti, osushchestvlyаемoj medicinskimi organizacijami i drugimi organizacijami, vbodyashchimi v chastnuyu sistemu zdavoohraneniya, na territorii innovacionnogo centra «Skolkovo») : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16.04.2012 № 291 (red. ot 08.12.2016) [On licensing medical activities (with the exception of the specified activities carried out by medical organizations and other organizations within the private health care system on the territory of the Skolkovo innovation center) : Decree of the Government of the Russian Federation from 16.04. 2012 No. 291 (in red. on 08.12.2016)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
4. Nekotorye voprosy primeneniya ugolovnogo zakonodatel'stva za narusheniya v sfere telemeditsiny [Some Issues of the Application of Criminal Law for Violations in the Field of Telemedicine]. YUrid. nauka i praktika. Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii – Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. Iss. 4. P. 176–178. (In Russ.).
5. Telemedicina s oslozhneniyami. Na novom rynke uzhestochayut pravila igry [Telemedicine with complications. In the new market the rules of the game are being tightened]. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3628107?from=four_business (accessed 19.01.2019). (In Russ.).

УДК 343.829

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-67-72

Проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания

Л. А. ЛАТЫШЕВА – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Д. С. ЩЕРБАКОВА – курсант 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье проанализированы актуальные проблемы осуществления контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из важнейших направлений деятельности уголовно-исполнительной системы является создание необходимых условий для осуществления контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. С этой целью требуется обеспечить прозрачность деятельности уголовно-исполнительной системы на основе широкого привлечения институтов гражданского общества к процессу исполнения уголовных наказаний.

На необходимость общественного контроля указывают также международные нормативные акты в сфере обращения с заключенными, прежде всего Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и Европейские пенитенциарные правила.

При этом в настоящее время проблематика общественного контроля не достаточно разработана, в частности не очерчены пределы контролирующего воздействия на учреждения уголовно-исполнительной системы со стороны общественности, отсутствует конкретный перечень субъектов общественного контроля в данной сфере, не определены их полномочия.

На основе анализа международных нормативных правовых актов, российского законодательства, деятельности исправительных учреждений в сфере осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, авторами подготовлен ряд рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

В статье акцентируется внимание на необходимости проводить инспекции силами организаций, не зависящих от пенитенциарной системы. С этой целью предлагается привлекать различные общественные организации, в том числе неправительственные, а также уполномоченных по правам человека, по правам ребенка. Важно расширять сотрудничество со средствами массовой информации.

Результаты статьи могут быть использованы в учебном процессе при изучении правовых дисциплин, а также для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: общественное воздействие; общественный контроль; общественный совет; общественная наблюдательная комиссия; общественное объединение; уполномоченный по правам человека.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problems of implementation of public control over the activities of institutions and bodies executing criminal sentences

L. A. LATYSHEVA – Senior Lecturer of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

D. S. SHCHERBAKOVA – 5th Year Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article analyzes the current problems of monitoring the activities of institutions and bodies that execute criminal sentences.

In accordance with the Conception of the penal system of the Russian Federation development until 2020 one of the most important activities of the penal system is to create the necessary conditions for monitoring the activities of institutions and bodies that execute sentences. For this purpose it is required to ensure transparency in the activities of the penal system on the basis of wide involvement of civil society institutions in the process of execution of criminal sentences.

The need for public control is also indicated by international regulations on the treatment of prisoners, primarily the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners and the European Prison Rules.

At the same time at present the problems of public control are not sufficiently developed, in particular, the limits of the controlling influence on the penitentiary system by the public are not defined, there is no specific list of subjects of public control in this area, their powers are not defined.

Based on the analysis of international regulatory legal acts Russian legislation, the activities of correctional institutions in the field of public control over the activities of institutions and bodies that execute sentences, the authors have prepared a number of recommendations to improve the current legislation and practice of its application.

The article focuses on the need to carry out inspections by organizations that are not dependent on the prison system. For this purpose it is proposed to involve various public organizations, including non-governmental, as well as ombudsmen for human rights, for the rights of the child. It is important to expand cooperation with the media.

The results of the article can be used in the educational process in the study of legal disciplines as well as for further researches in this area.

Key words: social impact; social control; public council; public monitoring commission; public association; ombudsman.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В настоящее время пенитенциарная политика Российской Федерации взяла курс на гуманизацию исполнения уголовных наказаний. В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы акцент ставится на приведение действующего российского уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с междуна-

родными стандартами. В этой связи возрастает значимость общественного контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Так, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из основных направлений реформирования пенитенциарной

службы является совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества, в частности создание условий для осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Вместе с тем ряд исследователей, включая В. Е. Эминова, утверждают, что общественность не является субъектом уголовно-исполнительных правоотношений, это обуславливается отсутствием властных исполнительно-распорядительных полномочий у представителей общественности, которые правомочны вступать в правоотношения именно с администрацией органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, а не напрямую со спецконтингентом [10, с. 28].

На международном уровне общественный контроль за деятельностью пенитенциарных учреждений отражен в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г., Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. и других документах.

Так, согласно правилу 55 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными пенитенциарные учреждения и службы должны подвергаться регулярной инспекции со стороны квалифицированных и опытных инспекторов, назначаемых компетентными властями. Инспекторы должны, в частности, удостовериться в том, что места заключения управляются в соответствии с действующими законами и предписаниями, что их работа соответствует задачам, поставленным перед пенитенциарными и исправительными службами.

В свою очередь, правило 53 Европейских пенитенциарных правил закрепляет необходимость развития связей между пенитенциарными учреждениями и общественностью.

Тюрьма является закрытым учреждением, поэтому важно проводить регулярные инспекции силами не зависящих от тюремной системы инспекторов, компетентных в вопросах здравоохранения, образования, прав осужденных и т. д. [5, с. 114].

Отечественное правовое регулирование общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, включает в себя такие нормативные акты, как УИК РФ, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы», Приказ ФСИН России от 01.10.2013 № 542

«О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждению его состава» и др.

Согласно ч. 2 ст. 9 УИК РФ общественное воздействие является одним из средств исправления осужденных, посредством которого представители общественности оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказание, принимают участие в исправлении осужденных, а также могут осуществлять общественный контроль за деятельностью данных учреждений (ст. 23 УИК РФ). В ст. 12 УИК РФ осужденному предоставляется право на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в общественные объединения. В ст. 24 УИК РФ закреплено право на посещение органов и учреждений, реализующих исполнение наказаний, членами общественных наблюдательных комиссий. Правовые основы и гарантии участия общественности в исполнении уголовных наказаний определены в законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания». В частности в ст. 38 данного нормативного правового акта указано, что «общественные организации контролируют деятельность учреждений, исполняющих наказания, в пределах и порядке, установленных законодательством Российской Федерации» [2].

А. Н. Любарский отмечает, что привлечение общественности позволяет выявить причины недостатков в деятельности исправительных учреждений и принять меры по их устранению и повышению эффективности исполнения уголовного наказания [1, с. 23].

Так, в 2007 г. при Федеральной службе исполнения наказаний был создан Общественный совет по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы. В настоящее время при всех субъектах Российской Федерации при территориальных органах ФСИН России созданы общественные советы. Одна из основных целей их деятельности заключается в защите прав и законных интересов осужденных. В состав советов входят представители международных неправительственных организаций (объединений), религиозных конфессий, а также граждане Российской Федерации, оказывающие содействие в деятельности уголовно-исполнительной системы.

Анализ состава региональных общественных советов свидетельствует о том,

что значительное количество их членов являются представителями сферы культуры, искусства и религиозных организаций. Например, в состав Общественного совета при УФСИН России по Республике Бурятия входят 14 чел., 5 из которых являются деятелями культуры и искусства, 2 – представители религиозных конфессий [6]. В Общественный совет при УФСИН России по Республике Татарстан входят 25 чел., из которых 9 – деятели культуры, 4 – представители религиозной сферы [7].

Считаем целесообразным внести изменения в Указ Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» и закрепить примерный перечень профессий (специализаций) лиц, которым может быть предоставлена возможность участия в деятельности общественных советов, а также предусмотреть включение в состав общественных советов представителей различных сфер деятельности.

Как показывает практика, деятельность общественных советов сводится преимущественно к оказанию содействия учреждениям и органам, исполняющим наказания, в исправлении осужденных. Однако одной из основных функций также является и организация контроля со стороны общественности за исполнением уголовных наказаний.

Общественный совет осуществляет контроль в сфере обеспечения прав, свобод и законных интересов осужденных, социально-экономического обеспечения осужденных и их социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы, культурно-духовного развития осужденных, а также обеспечивает гласность, открытость в деятельности уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, общественный совет можно рассматривать как орган социального контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказание. Он не обладает властно-распорядительными полномочиями, но может привлекать внимание общественности и государственных органов, наделенных такими полномочиями, к проблемам деятельности пенитенциарных учреждений [8, с. 123].

Согласно ч. 2 ст. 23 УИК РФ общественные объединения могут осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. Правовой основой взаимодействия общественных объединений с исправительными учреждениями является федеральный закон № 82-ФЗ.

Формами общественного контроля являются: посещение учреждений мест содержания под стражей и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы; участие в проводимых в учреждении проверках; встречи по жалобам с лицами, содержащимися под стражей и отбывающими уголовное наказание; ведение приема совместно с представителями должностных лиц учреждения; знакомство с документами, касающимися вопросов условий содержания, применения мер поощрения и наказания; направление запросов, обращений, заявлений, ходатайств по вопросам общественного контроля в органы государственной власти и местного самоуправления, в надзорные органы по вопросам, находящимся в их компетенции; подготовка и направление в суд жалоб и исковых заявлений.

Таким образом, функционал общественных объединений в сфере осуществления контроля достаточно широк. При этом в действующем российском законодательстве не содержится примерного перечня общественных объединений.

Следующим серьезным шагом в сфере осуществления контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, следует назвать создание общественных наблюдательных комиссий по контролю за соблюдением прав человека в местах лишения свободы (ОНК). Они функционируют на постоянной основе в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. В соответствии с действующим законодательством данные комиссии имеют право посещать учреждения уголовно-исполнительной системы на соответствующей территории без специальных разрешений, проводить беседы с подозреваемыми и обвиняемыми, рассматривать их обращения.

В то же время в деятельности ОНК имеется ряд проблем организационного плана, например необходимость предварительного согласования посещения комиссией учреждений с территориальными органами. В результате обязательного уведомления комиссией о своем визите пропадает эффект

неожиданности и снижается результативность контроля.

Существующий порядок обязательно уведомления территориальных органов уголовно-исполнительной системы о визите ОНК можно дополнить правом внезапных внеплановых посещений учреждений, в которых были выявлены серьезные нарушения прав и свобод человека. Кроме того, следует решить вопрос о процедуре уведомления соответствующего территориального органа о планируемых посещениях мест принудительного содержания.

Наиболее часто члены наблюдательных комиссий обращают внимание на невысокую трудовую занятость осужденных, необходимость улучшения условий их содержания, повышения качества медицинского обслуживания, проведения ремонтных работ в жилых помещениях и т. д. Полезность и актуальность разнообразного участия общественности в деятельности исправительных учреждений не вызывает сомнений. Однако существует проблема со стороны членов ОНК, которые в ряде случаев распространяют недостоверную информацию, в частности о выдуманных голодовках, бунтах и т. п., для поднятия своей личной популярности. В этой связи необходимо более тщательно подходить к подбору кандидатов в наблюдательные комиссии.

Многие исправительные учреждения удалены от территориального органа, в этой связи возникают проблемы при проведении внеплановых проверок ОНК в отдаленных районах. Кроме этого, в деятельности комиссий возможны и другие трудности, связанные с недостаточным количественным составом комиссий, отсутствием материальной поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Важную роль в осуществлении контроля за деятельностью исправительных учреждений играет уполномоченный по правам человека. Он осуществляет контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, путем защиты прав и законных интересов лиц, попадающих в сферу деятельности уголовно-исполнительной системы – осужденных и их родственников.

Деятельность уполномоченного в этой сфере регламентирована федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», УИК РФ. В соответствии с данными нормативными актами уполномочен-

ный принимает и рассматривает жалобы на нарушения прав человека, в том числе от находящихся в местах принудительного содержания лиц.

Важной формой контроля уполномоченного является посещение исправительных учреждений и ознакомление на месте с условиями отбывания наказания осужденными. Эта форма контроля особенно действенна при массовых или грубых нарушениях прав человека при исполнении наказания либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, неспособных самостоятельно использовать правовые средства защиты.

Интересен в этом плане опыт Вологодской области. 1 ноября 2018 г. было подписано пятистороннее соглашение между прокуратурой области, региональным уполномоченным по правам человека, общественной наблюдательной комиссией, уполномоченными по защите прав детей и предпринимателей. Предметом соглашения стало взаимодействие сторон по вопросам совместной защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях области; выявления, устранения и предупреждения нарушений, в том числе в сфере незаконного применения в отношении спецконтингента физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Предполагается, что информация сторон соглашения будет тщательно расследоваться прокуратурой области [4].

Регулярно Уполномоченный по правам человека в Вологодской области посещает с визитом исправительные учреждения совместно с председателем общественной наблюдательной комиссии и членами областной комиссии по вопросам помилования. Основная цель посещения – общественный контроль за условиями содержания осужденных. С этой целью проводятся обходы режимных корпусов учреждений, помещения здравпункта, обращается особое внимание на условия содержания. Уполномоченный проводит прием осужденных по личным вопросам [9].

Таким образом, права и свободы лиц, отбывающих уголовные наказания, больше защищены, если соответствующие учреждения находятся под контролем общества. Необходимо активнее привлекать общественные организации, в том числе неправительственные, для контроля за соблюдением прав осужденных.

Следует предусмотреть соответствующий государственно-правовой механизм. Важно расширить перечень субъектов общественности, которые могут осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В УИК РФ отсутствует упоминание о це-

лом ряде субъектов общественности, осуществляющих закрепленные за ними иными законодательными актами специальные функции общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, а также подробная регламентация их прав и обязанностей [3, с. 18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любарский А. Ф. Общественное мнение и его влияние на правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы и деятельность исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 25 с.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 19.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532.
3. Павлов А. А. Участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 29 с.
4. Подписано соглашение о защите прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях области. URL: <http://up35.ru/?p=4102> (дата обращения: 28.12.2018).
5. Права человека и пенитенциарные учреждения : учеб. пособие по правам человека для персонала пенитенциарных учреждений. Женева, 2000. 205 с.
6. Состав Общественного совета при УФСИН России по Республике Бурятия. URL: <http://www.03.fsin.su/osovet/> (дата обращения: 28.12.2018).
7. Состав Общественного совета при УФСИН России по Республике Татарстан по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы. URL: <http://16.xn--h1akkl.xn--p1ai/obshchestvennye-organizatsii/obshchestvennyy-совет-ufsin-po-rt/sostav-obshchestvennogo-soveta-ufsin-rossii-po-respublike-tatarstan/> (дата обращения: 28.12.2018).
8. Территория партнерства : практ. пособие для членов обществ. советов при территор. органах ФСИН России / Е. О. Лукьянчук и др. Вологда, 2008. 144 с.
9. Уполномоченный посетил исправительную колонию № 5. URL: <http://up35.ru/?p=4102> (дата обращения: 15.01.2019).
10. Эминов В. Е. Уголовно-исполнительное право России. Общая и особенная части : в 2 т. М., 2014. Т. 1. 803 с.

REFERENCES

1. Lyubarskiy A. F. Obshchestvennoe mnenie i ego vliyaniye na pravovoe regulirovaniye ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i deyatel'nost' ispravitel'nyh uchrezhdenij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Public Opinion and its Impact on the Legal Regulation of the Enforcement of Sentences in the Form of Imprisonment and the Activities of Correctional Institutions : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1996. 25 p. (In Russ.).
2. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Ros. Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 (red. ot 19.07.2018) [On institutions and bodies that execute criminal penalties in the form imprisonment : law of the Russian Federation from 07.21.1993 No. 5473-1 (in red. on 19.07.2018)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. Iss. 30. Art. 4532. (In Russ.).
3. Pavlov A. A. Uchastie obshchestvennosti v deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom eh tape : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Public participation in the penal system at the present stage : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Tambov, 2009. 29 p. (In Russ.).
4. Podpisano soglasheniye o zashchite prav podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh, sodержashchihsva v penitentsiarnyh uchrezhdeniyah oblasti [An agreement on the protection of the rights of suspected, accused and convicted persons detained in penal institutions of the region was signed]. Available at: <http://up35.ru/?p=4102> (accessed 28.12.2018). (In Russ.).
5. Prava cheloveka i penitentsiarnye uchrezhdeniya : ucheb. posobie po pravam cheloveka dlya personala penitentsiarnyh uchrezhdenij [Human rights and penal institutions : human rights training manual for prison staff]. Geneva, 2000. 205 p. (In Russ.).
6. Sostav Obshchestvennogo soveta pri UFSIN Rossii po Respublike Buryatiya [The composition of the Public Council at the Office of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Buryatia] . Available at: <http://www.03.fsin.su/osovet/> (accessed 28.12.2018). (In Russ.).
7. Sostav Obshchestvennogo soveta pri UFSIN Rossii po Respublike Tatarstan po problemam deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [The composition of the Public Council at the Office of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Tatarstan on the problems of the penal system]. Available at: <http://16.xn--h1akkl.xn--p1ai/obshchestvennye-organizatsii/obshchestvennyy-совет-ufsin-po-rt/sostav-obshchestvennogo-soveta-ufsin-rossii-po-respublike-tatarstan/> (accessed 28.12.2018). (In Russ.).
8. Territoriya partnerstva : prakt. posobie dlya chlenov obshchestv. sovetov pri territor. organah FSIN Rossii / E. O. Luk'yanchuk i dr. [The territory of the partnership : a practical guide for members of public councils at the territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia / E. O. Lukyanchuk et al.]. Vologda, 2008. 144 p. (In Russ.).
9. Upolnomochennyj posetil ispravitel'nyuyu koloniyu № 5 [The Ombudsman visited correctional colony № 5]. Available at: <http://up35.ru/?p=4102> (accessed 15.01.2019). (In Russ.).
10. EHminov V. E. Ugovolno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti : v 2 t. [The Russian Federation Criminal Law. General and special parts : in 2 vol.]. Moscow, 2014. Vol. 1. 803 p. (In Russ.).

УДК 343.829

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-73-78

Попечительский совет как форма взаимодействия и общественного контроля в уголовно-исполнительной системе России (исторический и правовой аспекты)

А. А. ПАВЛОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Исследованию субъектов и форм участия общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы России в последнее время уделяется достаточно большое внимание. В статье проведено исследование становления и развития института попечительства как формы взаимодействия и контроля общественности за деятельностью пенитенциарных учреждений.

На протяжении двух веков с некоторыми перерывами попечительство не только присутствовало в системе исполнения уголовных наказаний, содействовало достижению поставленных государственных задач, но и осуществляло контрольные функции. Проведенное исследование позволяет оценить значимость и эффективность деятельности попечительских советов за все время своего существования. В настоящее время наблюдается значительное снижение уровня данного вида взаимодействия, а в некоторых учреждениях и его полное отсутствие. Современный уровень организации и полномочий не позволяет попечительству развиваться. Это подтверждается анализом нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность попечительских советов в учреждениях уголовно-исполнительной системы, данными опроса сотрудников учреждений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; общественный контроль; взаимодействие; попечительский совет.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Board of guardians as a form of interaction and public control in the Russian penal system (historical and legal aspects)

A. A. PAVLOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The research of subjects and forms of public participation in the activities of the penal system of Russia has recently received considerable attention. The article studies the formation and development of the institution of guardianship as a form of interaction and public control over the activities of penal institutions.

For two centuries with some interruptions guardianship was not only present in the system of execution of criminal sentences, contributed to the achievement of state objectives, but also exercised control functions. The study allows us to assess the significance and effectiveness of the activities of the boards of guardians over the entire period of its existence. Currently there is a significant decrease in the level of this type of interaction, and in some institutions its complete absence. The current level of organization and authority does not allow the the guardianship to develop. This is confirmed by the analysis of the regulatory legal acts regulating the activities of the boards of guardians in the institutions of the penal system, the data of the survey of employees in the institutions.

Key words: penal system; public control; interaction; board of guardians.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Достижение целей наказания и эффективность мер, применяемых к виновным лицам, всегда зависели от совместной деятельности государственных институтов в

лице органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, и гражданских институтов общества. Такое взаимодействие государства и общества осуществлялось в различных формах и преследовало цели, связанные не только с заботой о самих осужденных, но и с их исправлением.

Процессы создания новых государственно-правовых, общественно-экономических, рыночных отношений или их реформирования не только не способствуют развитию позитивных начал, но и в некоторых случаях ведут к разрушению сложившихся ранее положительных видов совместной деятельности и форм контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы. Данные тенденции в полной мере можно осознать на примере деятельности попечительских советов.

Свою историю институт попечительства в России ведет с начала XIX в. В развитых капиталистических странах к этому времени уже имели место различные организации, работавшие с осужденными (например, с 1776 г. в Филадельфии функционировало общество помощи осужденным) [12, с. 36].

В дореволюционный период российской истории процесс реализации общественного воздействия на исправление осужденных шел своеобразно. Общество стремилось к непосредственному участию в устройстве исправительных заведений, организации их деятельности. Многие специальные исправительные заведения, ремесленные и земледельческие колонии и приюты учреждались на средства меценатов и благотворительных организаций.

В период правления императора Александра I в 1816 г. в Петербурге учреждается «Человеколюбивое общество», члены которого имели право посещать заключенных и опекать их. Членам созданного общества рекомендовалось посещать тюрьмы не реже двух раз в неделю, чтобы лично следить за их внутренним устройством, поведением надзирателей, справляться о быте заключенных, снабжении одеждой, пищей, лекарствами, принимать жалобы от арестантов, касающиеся их содержания и обращения.

В 1819 г. в России было создано «Общество попечительное о тюрьмах». Император утвердил устав общества и лично стал его покровителем [9, с. 12]. Первое заседание состоялось 11 октября 1819 г., был учрежден состав руководства и определены принципы и задачи работы. Президентом общества стал министр внутренних дел князь Александр Николаевич Голицын. В качестве цели

работы было обозначено не только улучшение содержания заключенных, но и их нравственное исправление (п. 1 устава). Общество должно было содействовать решению таких задач в тюрьмах и местах заключения, как ближайший и постоянный надзор за осужденными, размещение их по роду обвинений или преступлений, наставление их в правилах «христианского благочестия и доброй нравственности на оном основанной», занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся из них или буйствующих в уединенное место [9, с. 13].

Стать членом «Общества попечительного о тюрьмах» мог любой, делающий ежегодные благотворительные взносы. Делающий единовременные пожертвования становился благотворителем. Члены общества имели право посещать тюрьмы и дома, где содержались заключенные «во всякое время и по своему пожеланию».

В течение 10–15 лет после указанного события почти во всех регионах России были созданы попечительства, работавшие более чем в 800 местах заключения [8, с. 86]. Деятельность обществ осуществлялась на основании принятых в 1819 г. правил для «Общества попечительного о тюрьмах», которыми предусматривалось создание комитетов общества мужских и женских мест заключения в столицах, губернских и портовых городах, а также соответствующих отделений в уездных городах. Комитеты и отделения состояли из лиц благородного, духовного и купеческого звания, однако позже в уездных отделениях имелись и крестьяне, видимо, из числа зажиточных. Комитеты должны были наблюдать за тем, чтобы со стороны тюремных смотрителей «соблюдаемы были установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами и правильному размещению их по званию, полу, возрасту и роду преступлений или обвинений» [11, с. 159–160].

С 1827 г. «Общество попечительское о тюрьмах» стало распоряжаться «кормовыми» деньгами арестантов, выделяемыми из казны, привлекая для этого и дополнительные средства. С 1830 г. начала использоваться единая одежда для заключенных [2, с. 39]. При содействии Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах была разработана единая для всех тюрем инструкция, определяющая правила внутреннего распорядка (утверждена 26 мая 1831 г. Комитетом министров). Она представляла собой первые правила внутреннего распорядка общеимперского зна-

чения, поскольку закрепляла «весь комплекс мер, связанный с исполнением наказания в виде лишения свободы», в том числе касающийся тюремных церквей [6, с. 21]. Вводились медицинское освидетельствование осужденных, раздельное содержание по условиям и порядок отправления религиозных обрядов [10, с. 56].

В принятом Государственным Советом в 1832 г. Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею и ссыльных Общество попечительное о тюрьмах было отнесено к органам управления тюремной системой.

С середины XIX в. происходит открытие уездных отделений попечительских обществ при деятельном участии православных иерархов и представителей духовенства, которые входили в состав попечительств. В конце века устав «Общества попечительного о тюрьмах» был включен в Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1890 г. (гл. 4). Отделение первой главы четвертой определяло цели создания общества, второе – закрепляло систему управления попечительствами, третье – регламентировало состав и порядок формирования комитетов и отделений общества. Впоследствии дополнением к ст. 92 Свода от 28 июня 1912 г. на попечительства были возложены дополнительные функции, например наблюдение за отоплением и освещением мест заключения. Финансирование деятельности общества осуществлялось из государственной казны.

Уездные отделения также состояли из директоров и возглавлялись председателем, избираемым из их числа. Устав о содержании под стражей гласил, что директора не должны находиться под судом, принадлежать сектам (ст. 78), обязаны делать ежегодные пожертвования (ст. 81). Размеры пожертвований, в зависимости от уровня попечительства, дифференцировались следующим образом: для членов столичных комитетов – не менее 15 руб. в год, губернских комитетов – не менее 10 руб. в год, а уездных отделений – не менее 5 руб. в год с каждого (ГАВО¹. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 10. Л. 103–103об.). Примечанием 5 устава из этого правила исключались духовенство и медицинские работники. Следует заметить, что многие свое участие в деятельности ограничивали лишь уплатой взносов, что понижало качество работы.

Примечательно, что представители православного духовенства оставались в дан-

ных органах и после Октябрьской революции, по крайней мере, до лета 1918 г.

На основе устава «Общества попечительного о тюрьмах» в 1900 г. создаются тюремные общественные комитеты, которые действуют в этот период почти при всех 884 тюрьмах России. Функции попечителей были очень разнообразными: они занимались сбором пожертвований для тюрем и контролировали тюремное начальство с целью выявления казнокрадства и лихоимства, оказывали помощь в обучении арестантов, привлечении их к ремеслам и кустарным промыслам. Важно отметить, что там, где они работали, следуя уставу, заключенные были опрятно одеты, своевременно получали медицинскую помощь, имели возможность не только работать, но и учиться, там же, где комитетов не было или их работа не была организована, имели место самые разнообразные злоупотребления [7, с. 438–442].

В 1918 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР упразднил губернские и уездные комитеты Попечительного о тюрьмах общества и попечительства над исправительными арестантскими отделениями. К концу 1918 г. эти общественные органы практически прекратили свое существование [1, с. 21].

В середине 1950-х гг. организуется работа попечительских советов, которые были организаторами шефства коллективов трудящихся и общественных организаций над учреждениями и органами, исполняющими наказания. Российскому обществу всегда были присущи традиции благотворительности по отношению к местам лишения свободы, почти во всех тюрьмах были организованы попечительские комитеты, занимающиеся сбором пожертвований для тюрем, оказанием помощи в обучении заключенных грамоте, профессиям и промыслам.

Восстановление деятельности представителей общественности было связано с постановлением Совета Министров РСФСР 1957 г., которым было утверждено Положение о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся. Однако меры по улучшению воспитательного воздействия были недостаточно эффективны. В числе негативных факторов указывается ориентация Главного управления в основном на хозяйственную деятельность, а политико-воспитательная и культурно-массовая работа находилась в запущенном состоянии.

¹ Государственный архив Вологодской области.

Важные правовые гарантии участия общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы были закреплены в законе Российской Федерации от 21.07.1993 [5]. В нем указано не только право общественных объединений на участие в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, но и возможность осуществления контрольных функций в рамках, установленных законодательством Российской Федерации. Возрождающиеся с середины 1990-х гг. попечительские советы традиционно имеют функции содействия в решении материально-технических проблем.

Юридическое закрепление попечительских советов как формы участия общественности произошло с принятием 20 апреля 2000 г. Минюстом России Концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. В п. 3 данного документа определены основные направления и задачи совершенствования воспитательной работы, среди которых существенное место занимает дальнейшее развитие и расширение общественных начал в деятельности уголовно-исполнительной системы, что предполагает привлечение к воспитательной работе представителей общественности (попечительских советов, общественных объединений и комитетов, различных религиозных конфессий и т. д.) [3, с. 3]. Основными направлениями деятельности большинства из указанных субъектов является содействие администрации учреждений в решении административно-хозяйственных проблем, в трудовом, правовом и физическом воспитании осужденных и их духовно-нравственном развитии. Указанные общественные организации в своей совокупности можно условно разделить на светские и религиозные.

В ст. 23 УИК РФ содержатся положения об участии общественности в деятельности пенитенциарных учреждений. Однако функции контроля определены только за общественными наблюдательными комиссиями. Общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях осуществляют общественные наблюдательные комиссии, образованные в субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся

в местах принудительного содержания», и их члены на основании и в порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации.

В настоящее время действует Приказ Минюста России от 19.03.2015 № 62 «Об утверждении порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» [4]. Совет является совещательным органом, образованным для содействия администрации исправительного учреждения в совершенствовании материально-технической базы, в решении вопросов социальной защиты осужденных, организации трудового и бытового устройства освобождающихся лиц, а также оказания помощи в организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях. В состав совета могут входить представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, учреждений и организаций любых организационно-правовых форм, общественных объединений, граждане.

Основными задачами совета являются: организация привлечения дополнительных финансовых и материальных ресурсов для обеспечения деятельности, развития учреждения; улучшение условий отбывания наказания и труда осужденных, в том числе путем содействия в создании для них новых рабочих мест; оказание содействия в поддержании и укреплении социально полезных связей между осужденными и их родственниками; содействие в совершенствовании материально-технической базы учреждения, благоустройстве его помещений и территории; оказание помощи администрации учреждения в вопросах организации, учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях; оказание содействия в помощи освободившимся осужденным в их трудовом и бытовом устройстве.

На основании п. 1 ч. 1 ст. 10 указанного выше приказа члены попечительского совета имеют право контроля лишь за использованием привлеченных ими дополнительных финансовых и материальных ресурсов. Иных полномочий контролирующего свойства, например за условиями содержания осужденных, качеством медицинского обеспечения, состоянием материально-технической базы учреждения, исполняющего уголовные наказания, не предусмотрено. Относительно юридического закрепления

организации работы можно сделать вывод об определенном формальном подходе. Состав совета может утверждаться на каждое собрание, руководитель совета может избираться неопределенное количество раз. Никаких ограничений не предусмотрено и по качественному составу членов совета. Это могут быть и лица, ранее отбывавшие наказания в местах лишения свободы, имеющие судимость.

Вызывает сомнение и вопрос о возможности формирования попечительского совета в удаленных от городской инфраструктуры учреждениях из-за отсутствия инициативы от общественности и обязанности адми-

нистрации создавать данный орган. В ряде учреждений попечительские советы после создания прекратили свое существование.

Таким образом, деятельность попечительских советов в системе взаимодействия с учреждениями уголовно-исполнительной системы нуждается в серьезном анализе. Современное состояние с точки зрения их деятельности можно признать формализованным. Контрольные функции сужены даже по сравнению с начальными стадиями организации деятельности рассматриваемой формы участия и предусматриваются только за привлеченными данным советом средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афоничкин С. Н. Организация сотрудничества исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы с общественными объединениями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 228 с.
2. Кашпур Л. Человеколюбие исправлять (попечительству тюрем – 180 лет) // Преступление и наказание. 1999. № 11. С. 39–42.
3. Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : утв. Минюстом России 20.04.2000 // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2000. № 3. С. 45–48.
4. Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета : приказ Минюста России от 19.03.2015 № 62 // Рос. газ. 2015. 8 апр.
5. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 05.02.2007) // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
6. Печников А. П. Тюремная система российского государства. М., 2004. 325 с.
7. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1995. Т. 2. 451 с.
8. Тищенко Е. Я. Воспитательная работа попечительского совета как средство реабилитации осужденных в пенитенциарном учреждении : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1997. 158 с.
9. Тищенко Е. Я. Воспитательная работа попечительского совета. М., 1997. 127 с.
10. Уголовно-исполнительное право России : учеб. пособие / под общ. ред. О. Г. Перминова. М., 2001. 240 с.
11. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 610 с.
12. Фумм А. Попечительство о тюрьмах // Преступление и наказание. 2003. № 8. С. 36–39.

REFERENCES

1. Afonichkin S. N. Organizaciya sotrudnichestva ispravitel'nyh uchrezhdenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy s obshchestvennymi ob»edineniyami : dis. ... kand. yurid. nauk [Organization of cooperation of correctional institutions of the penal system with public associations : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2004. 228 p. (In Russ.).
2. Kashpur L. Chelovekolubiem ispravlyat' (popечitel'stvu tyurem – 180 let [Man-Charity to Correct (Prison Trusteeship – 180 Years)]. Préstuplenie i nakazanie – Crime and Punishment. 1999. Iss. 11. P. 39–42. (In Russ.).
3. Konceptsiya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v usloviyah reformirovaniya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy : utv. Minyustom Rossii 20.04.2000 [The concept of educational work with convicts in the conditions of reforming the penal system : approved by the Ministry of Justice of Russia 20.04.2000]. Vedomosti ugovovno-ispolnit. sistemy – Journal of the penal system. 2000. Iss. 3. P. 45–48. (In Russ.).
4. Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya popechitel'skogo soveta pri ispravitel'nom uchrezhdenii, sroka polnomochij, kompetencii i poryadka deyatel'nosti ukazannogo popechitel'skogo soveta : prikaz Minyusta Rossii ot 19.03.2015 № 62 [On approval of the Procedure for the formation of the Board of Trustees at a correctional institution, the term of authority, competence and procedure for the activities of the said Board of Trustees : Order of the Ministry of Justice of Russia from 19.03.2015 No. 62]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2015. Apr. 8. (In Russ.).
5. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Ros. Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 (v red. ot 05.02.2007) [On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment : Law of the Russian Federation from 21.07.1993 No. 5473-1 (in red. on 05.02.2007)]. Vedomosti S»ezda narod. deputatov i Verhov. Soveta Ros. Federacii – Journal of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. Iss. 33. Art. 1316. (In Russ.).
6. Pechnikov A. P. Tyuremnaya sistema rossijskogo gosudarstva [The prison system of the Russian state]. Moscow, 2004. 325 p. (In Russ.).
7. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / pod obshch. red. O. I. Chistyakova [Russian legislation X–XX centuries : ed. by O. I. Chistyakov]. Moscow, 1995. Vol. 2. 451 p. (In Russ.).
8. Tishchenko E. YA. Vospitatel'naya rabota popechitel'skogo soveta kak sredstvo reabilitacii osuzhdennyh v penitenciarном uchrezhdenii : dis. ... kand. ped. nauk [Educational work of the board of trustees as a means of rehabilitating convicts in a penal institution : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Yekaterinburg, 1997. 158 p. (In Russ.).
9. Tishchenko E. YA. Vospitatel'naya rabota popechitel'skogo soveta [Educational work of the board of trustees]. Moscow, 1997. 127 p. (In Russ.).
10. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii : ucheb. posobie / pod obshch. red. O. G. Perminova [Penal law of Russia : tutorial : ed. by O. G. Perminov]. Moscow, 2001. 240 p. (In Russ.).

11. Uporov I. V. Penitenciarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitiya [The penal policy of Russia in the XVIII–XX centuries: historical and legal analysis of development trends]. St. Petersburg, 2004. 610 p. (In Russ.).
12. Fumm A. Popechitel'stvo o tyur'mah [Custody of Prisons]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment. 2003. Iss. 8. P. 36–39. (In Russ.).

УДК 343.81

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-78-84

Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения

С. П. СЕРЕДА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассматриваются вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения, проблемы в законодательном закреплении и практике применения порядка и оснований изменения вида исправительного учреждения, сравнение указанного института уголовно-исполнительного права с мерами поощрения и взыскания. Анализируются основные требования, которые должны лежать в основе изменения объема ограничений и лишений, составляющих содержание наказания в виде лишения свободы, при изменении вида исправительного учреждения и места отбывания наказания. Отмечается, что совершенство законодательного закрепления рассматриваемых правовых механизмов оказывает непосредственное влияние на достижение целей наказания. Система мест лишения свободы в России исторически развивалась в направлении усиления дифференциации наказания в отношении различных категорий осужденных, снижения доли судейского усмотрения. Эти тенденции нашли отражение и в УК РФ, и в УИК РФ. Виды исправительных учреждений являются конкретным выражением принудительной сущности наказания в виде лишения свободы, его содержания, которое в свою очередь выражается в различного рода ограничениях прав и свобод осужденного, в целом составляющих степень его изоляции от общества. Поэтому изменение вида исправительного учреждения должно означать изменение степени и характера принудительного воздействия на осужденного к лишению свободы, объема ограничения его прав и свобод. Однако при этом особое значение имеют вопросы определения степени исправления осужденных, что требует подробного и точного законодательного закрепления.

Ключевые слова: дифференциация и индивидуализация исполнения наказания; лишение свободы; изменение вида исправительного учреждения; степень исправления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Differentiation and individualization of execution imprisonment when changing the type of correctional institution

S. P. SEREDA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article deals with the issues of differentiation and individualization of the execution of punishment in the form of imprisonment when changing the type of correctional institution, problems in the legislative framework and practice of applying the procedure and grounds for changing the type of correctional institution, comparing the specified institution of the penal law with incentives and penalties. The main requirements are analyzed, which should underlie the change in the scope of restrictions and deprivations constituting the content of the sentence of imprisonment when changing the type of correctional institution and the place of serving the sentence. It is noted that the perfection of legislative consolidation of the legal mechanisms under consideration has a direct impact on the achievement of the goals of punishment. The system of places of imprisonment in Russia has historically developed in the direction of increasing the differentiation of punishment in relation to various categories of convicts, reducing the proportion of judicial discretion. These trends are reflected in both the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation. The types of correctional institutions are a concrete expression of the compulsory nature of punishment in the form of imprisonment, its content, which in turn is expressed in various kinds of restrictions on the rights and freedoms of the convicted person, which in general constitute the degree of his isolation from society. Therefore, a change in the type of correctional institution must mean a change in the degree and nature of the coercive influence on the person sentenced to imprisonment, the extent of restriction of his rights and freedoms. However the issues of determining the degree of correction of convicts are of particular importance, which requires detailed and precise legislative fixation.

Key words: differentiation and individualization of the execution of sentence; imprisonment; changing the type of correctional institution; degree of correction.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Российское законодательство предусматривает возможности для дальнейшей дифференциации и индивидуализации назначенного осужденному наказания в виде лишения свободы, одна из которых заключается в изменении вида исправительного учреждения в зависимости от поведения осужденного в дальнейшем в процессе отбывания лишения свободы (ст. 78, 140 УИК РФ, п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 9), на что справедливо обращают внимание специалисты [3, с. 387; 10].

Перевод в исправительное учреждение другого вида существенно изменяет тот объем ограничений прав и свобод, который был первоначально определен судом осужденному, то есть изменяет содержание назначенного судом наказания. Речь в данном случае идет о корректировке не только правового статуса осужденного, но и назначенного ранее судом наказания. Изменение же содержания уголовного наказания является предметом уголовно-правового регулирования. Поэтому при изменении вида исправительного учреждения в первую очередь изменяются уголовно-правовые отношения между осужденным и государством [4, с. 38]. В то же время изменение вида учреждения зависит от процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, а именно от поведения осужденного в процессе отбывания лишения свободы. В результате реализуются и изменяются уголов-

но-исполнительные отношения. Речь идет о дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Уголовный закон допускает и делегирует решение вопроса об изменении вида исправительного учреждения нормам уголовно-исполнительного законодательства, что нашло отражение в ч. 4 ст. 58 УК РФ. В связи с этим сложно согласиться с тем мнением, что норма, закрепленная в ч. 4 ст. 58 УК РФ, без какой-либо необходимости дублирует соответствующие нормы уголовно-исполнительного права [2, с. 90].

Изменение вида исправительного учреждения призвано стимулировать правоопослушное поведение осужденных, приводя либо к усилению, либо к уменьшению карательного содержания назначенного наказания. Предполагается, что при переводе из исправительного учреждения одного вида в другой существенно изменяются условия отбывания лишения свободы, степень изоляции осужденного от общества, в чем ярко проявляется индивидуализация наказания в процессе его исполнения [5, с. 32]. Тем не менее, по мнению некоторых ученых, такие переводы нарушают единство исправительного процесса, поскольку приходится заново изучать осужденного, налаживать с ним психологический контакт, а новая среда нередко оказывает на него отрицательное влияние [14, с. 142]. Однако, на наш взгляд, причиной таких трудностей является не сама система переводов.

Говоря о преимуществах данной системы, следует отметить, что, во-первых, перевод отрицательно характеризующего осужденного в исправительное учреждение с более строгим видом режима является одним из немногочисленных средств принудительного воздействия на него, на его поведение. Во-вторых, оставление осужденного с отрицательным поведением в прежних условиях создает угрозу повторного совершения с его стороны правонарушений. Изменение вида исправительного учреждения позволяет уменьшить негативное воздействие данного контингента лиц на положительно характеризующихся осужденных, на что указывал в свое время еще С. В. Познышев [11, с. 104]. В-третьих, во избежание ситуации, в которой положение положительно характеризующегося осужденного может ухудшиться, его перевод в исправительное учреждение с менее строгим видом режима должен быть предусмотрен в законе только с его согласия, что сегодня закреплено только применительно к переводу в колонию-поселение (п. «д» ч. 3 ст. 78 УИК РФ). В остальных случаях УИК РФ не предусматривает согласие осужденного на его перевод в исправительное учреждение другого вида, хотя чаще всего, когда речь идет о положительно характеризующихся осужденных, такое согласие подразумевается, поскольку инициатором является сам осужденный.

Изменение вида исправительного учреждения и условий отбывания направлены на достижение таких целей уголовного наказания, как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений [15, с. 28]. Такая система переводов не является способом собственно нравственного исправления осужденного, однако призвана стимулировать у него правоуполномоченное поведение, убедить его отказаться от совершения как во время нахождения в колонии, так и в дальнейшем преступлений и иных правонарушений. Однако многое здесь зависит от совершенства норм, определяющих возможности для изменения вида исправительного учреждения.

Система переводов в исправительные учреждения других видов основана на двух формах стимулирования осужденного к правоуполномоченному поведению, которые в равной мере должны иметь позитивные реакции [13, с. 8]: принуждении и поощрении.

В то же время перевод поощрением или взысканием в собственном смысле слова не является, а составляет отдельный институт [16, с. 95]. Правила об изменении вида ис-

правительного учреждения, хотя и имеют много общего с мерами поощрения и взыскания, однако образуют самостоятельную систему мер воздействия на осужденных, в которой все элементы должны быть взаимосвязаны и иметь общую логику развития. Кроме того, система переводов призвана учитывать не отдельные акты поведения осужденного, а его развитие как личности в целом. Отличие изменения вида исправительного учреждения от мер поощрения и взыскания было законодательно подчеркнуто федеральным законом от 05.04.2010 № 46-ФЗ [9], исключившим ч. 3 ст. 113 УИК РФ, указывавшую на возможность изменения вида исправительного учреждения положительно характеризующимся осужденным.

В то же время нормы, закрепляющие систему переводов в исправительные учреждения другого вида, и нормы УИК РФ о видах поощрений и взысканий недостаточно согласованы. Между ними на практике нередко возникает конкуренция, законодательно же закрепленный механизм их разрешения отсутствует. Предусмотренные ст. 78 УИК РФ основания перевода осужденного в исправительное учреждение другого вида режима отличаются от оснований применения мер взыскания и поощрения (ст. 113, 115 УИК РФ) в основном лишь по такому формальному признаку, как отбытие осужденным определенной части назначенного наказания. В результате в научной литературе [18, с. 22] и на практике перевод осужденного часто ставится в один ряд с закрепленными в УИК РФ видами взысканий и поощрений.

Иные формальные требования, помимо отбытого срока наказания, в УИК РФ предусматриваются только для случаев перевода осужденных в колонию-поселение, при этом учитывается существенное снижение уровня изоляции осужденных, содержащихся в данных учреждениях.

Изменение вида исправительного учреждения на более строгий режим отбывания наказания осуществляется вне зависимости от срока отбытия наказания. Главным основанием и условием изменения в этом случае является признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Особым случаем изменения вида исправительного учреждения на более строгий является изменение отбывания наказания в колонии-поселении на исправительную колонию общего режима осужденным, уклонившимся от получения предписания, пред-

усмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ, или не прибывшим к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок.

Между тем перевод в исправительное учреждение другого вида не должен быть ответом лишь на единичное поощрение или взыскание за одно конкретное деяние. Поскольку соблюдение установленного режима отбывания наказания, недопущение его нарушений, трудовая деятельность являются обязанностью осужденного, то перевод осужденного в учреждение с менее строгим видом режима не должен осуществляться и при отсутствии у осужденного положительных изменений в его личности, активном положительном поведении, отражением которых являются имеющиеся у него поощрения. Поскольку перечисленные в ст. 113 УИК РФ меры поощрений для осужденных к лишению свободы в меньшей степени улучшают правовое положение осужденных, чем перевод в исправительное учреждение с менее строгим видом режима, то первоначально именно они должны применяться к лицам, зарекомендовавшим себя с положительной стороны. Лишь после неоднократного поощрения осужденного в течение достаточно длительного времени за активное участие в общественной жизни, проводимых воспитательных мероприятиях, добросовестное отношение к труду можно говорить о положительных изменениях в его личности, снижении степени общественной опасности и возможности изменения режима отбывания наказания, что следует прямо предусмотреть в ст. 78 УИК РФ.

Таким же образом, по нашему мнению, должен решаться вопрос о переводе отрицательно характеризующегося осужденного в исправительные учреждения с более строгим видом режима. Такой перевод, в значительной степени усиливающий степень изоляции осужденного от общества, не должен следовать после единичного нарушения режима отбывания наказания, даже если оно и признается злостным в соответствии с ч. 1 ст. 116 УИК РФ. Одно нарушение не может дать полного представления об осужденном и свидетельствовать о невозможности его исправления в исправительном учреждении данного вида режима. Кроме того, перевод осужденного после первого же нарушения порядка отбывания наказания лишает возможности применения к нему целого перечня мер взысканий, закрепленных в ст. 115 УИК РФ, способных оказать на осужденного воспитательное воздействие. В результате администрация исправительного учрежде-

ния имеет возможность, не предпринимая каких-либо существенных усилий по исправлению отрицательно характеризующихся осужденных, переводить их в другое учреждение.

Однако следует отметить, что для недопущения имевшихся на практике ошибок при изменении вида исправительного учреждения осужденным, исключения поспешности и необоснованности в применении данной меры федеральным законом от 05.05.2014 № 104-ФЗ [8] ч. 1 ст. 78 УИК РФ была дополнена указанием на то, чтобы учитывать поведение и отношение осужденного к труду в течение всего периода отбывания наказания.

УИК РФ допускает резкое изменение степени изоляции осужденного, разрешая перевод в исправительное учреждение другого вида режима с любых условий отбывания наказания: обычных, облегченных, льготных или строгих, за исключением перевода из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение, который возможен только с облегченных условий содержания (п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ).

Перевод осужденного, в том числе и достигшего 18-летнего возраста (из воспитательной колонии в исправительную колонию в соответствии со ст. 140 УИК РФ), как правильно отмечают специалисты, является элементом прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний [17, с. 30; 14, с. 102], понимаемой как установленный законом порядок изменения условий исполнения уголовных наказаний, улучшающий или ухудшающий правовой статус осужденного в зависимости от его поведения, отношения к отбываемому наказанию, результатов исправительного воздействия [12, с. 42].

В свое время С. В. Познышев говорил о так называемых переходных тюрьмах, которые должны были, сближая арестанта с обществом, прививать ему привычку самому руководить своими действиями [11, с. 114]. В настоящее время роль таких учреждений выполняют колонии-поселения. Роль же учреждений, изолирующих отрицательно характеризующихся осужденных, о необходимости которых говорил в свое время Н. Ф. Лучинский [6, с. 40], играют сегодня в большинстве случаев тюрьмы, но не только они. Наличие только одного вида исправительного учреждения, предназначенного для этих целей, следует признать нецелесообразным, поскольку группа отрицательно характеризующихся осужденных не однородна.

Необходимо поэтапное изменение условий отбывания лишения свободы с учетом той последовательности, в которой располагаются виды исправительных учреждений в зависимости от степени изоляции в них осужденных, что, однако, не вполне обеспечивается даже на уровне правовых норм. Так, согласно п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ осужденные из исправительной колонии общего и строгого режима сразу же переводятся в тюрьму, что не учитывает различия в степени общественной опасности между осужденными, содержащимися в исправительных колониях общего и строгого режима. Это нарушает принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, а также связанный с ними принцип экономии уголовной репрессии [1]. Ведь осужденные в исправительных колониях строго и особого режима, а также в тюрьме отличаются от лиц, содержащихся в учреждениях общего режима, тяжестью совершенного преступления, сроками назначенного наказания, количеством судимостей, количеством лиц, имеющих опыт отбывания лишения свободы, количеством лиц, осужденных при рецидиве, наличием опасного или особо опасного рецидива.

УИК РФ позволяет резко менять условия содержания в результате перевода из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение, минуя исправительную колонию общего режима (п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ). В результате в условия полусвободы переводятся осужденные, имеющие несколько судимостей, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, что не окажет на них должного воспитательного воздействия и осложнит обстановку в колониях-поселениях.

Институт изменения вида исправительного учреждения должен работать в равной мере в направлении как усиления, так и ослабления изоляции осужденного от общества. Не должно быть и искажения данной системы в сторону переводов только в один вид исправительного учреждения или только лиц одного пола.

Однако центральное место в рассматриваемом институте уголовно-исполнительного права занимает личность осужденного, правильная оценка ее особенностей и учет этого воздействия на нее.

В ч. 1 ст. 78 УК РФ установлено общее правило, согласно которому изменение вида исправительного учреждения осуществляется в зависимости от поведения и отношения к труду в течение всего периода отбыва-

ния наказания. Как видно, речь идет только о двух критериях оценки личности осужденного, что не учитывает ее многогранность и не исключает возможность ошибки при оценке поведения. Поведение может отражать направленность личности, но не свидетельствовать об истинных устремлениях осужденного. То же самое можно сказать и об отношении к труду. Между тем при изменении вида исправительного учреждения следует учитывать отношение осужденного и к иным ценностям.

Применительно к конкретным правилам изменения вида исправительного учреждения в УИК РФ закреплены отдельные критерии. Так, обязательным условием перевода в учреждение с менее строгим видом режима является, согласно ч. 2 ст. 78 УИК РФ, положительная характеристика осужденного. Однако такая законодательная характеристика осужденного, хотя и позволяет оценивать его по различным направлениям, представляется неясной [3, с. 390].

С учетом неточности критериев оценки поведения осужденных, содержащихся в ст. 78 УИК РФ, п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 9 специально разъясняет, что вывод о том, что осужденный положительно характеризуется, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению представления или ходатайства.

Именно поведение осужденного дает представление о степени его общественной опасности. Положительно характеризующимся в первую очередь следует признавать осужденного, для которого свойственно активное правопослушное поведение. При этом оценка личности при решении вопроса об изменении вида исправительного учреждения должна быть комплексной и ориентированной на установление уровня исправления. Для этого следует руководствоваться содержанием понятия «исправление», закрепленным в ст. 9 УИК РФ. При этом речь также должна идти о прогнозировании поведения осужденного [7, с. 73].

Учитывая сходство института изменения вида исправительного учреждения с мерами поощрения и взыскания, заслуживают внимания критерии применения последних, закрепленные в ч. 1 ст. 113 УИК РФ: хорошее поведение осужденного, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях. Они

также могут быть использованы при решении вопроса о переводе осужденного в исправительное учреждение другого вида.

Таким образом, оценка степени исправления осужденного при изменении вида исправительного учреждения должна происходить по целому ряду признаков, в числе которых: соблюдение режима, в том числе выполнение осужденным возложенных на него обязанностей; участие в воспитательной работе; работа над повышением своего образовательного, культурного и профессионального уровня, отношение к обучению; активное участие в общественной работе; участие в трудовой деятельности; отношение осужденного к труду; отношение к условиям отбывания лишения свободы, коллективу и отдельным его членам; отношение к отбываемому наказанию и преступлению, за которое оно назначено; отношение к правопорядку в обществе в целом, к дальнейшей своей жизни после освобождения. Важную роль также при этом играет психологическое исследование осужденного, результаты которого должны приобщаться к материалам дела об изменении вида исправительного учреждения.

Таким образом, рассмотрение законодательного закрепления оснований и порядка изменения вида исправительного учреждения позволяет говорить о рассматриваемом правовом институте как о важнейшем инструменте изменения степени изоляции осужденного от общества в зависимости от изменения степени его общественной опасности, обеспечивающем реализацию принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и достижение целей исправления осужденных и предупреждения преступлений. Перевод в исправительное учреждение другого вида не должен рассматриваться как альтер-

натива мерам поощрения и взыскания, а следовать после неоднократного применения последних и максимально возможного изменения условий отбывания наказания в одном учреждении с учетом целостного представления о личности осужденного, изменения степени его общественной опасности. При этом основанием для перевода положительно характеризующегося осужденного в исправительное учреждение с менее строгим видом режима должно быть, помимо прочего, соблюдение режима отбывания наказания, активное положительное поведение, выраженное в участии в общественной жизни, проводимых воспитательных мероприятиях, в добросовестном отношении к труду, обучению, в признании вины и справедливости назначенного наказания, свидетельствующее о положительных изменениях в его личности, снижении степени общественной опасности. При этом изменения в ценностных ориентациях и нравственных установках осужденных должны устанавливаться в том числе в ходе психологических исследований, результаты которых должны обязательно приобщаться к материалам, направляемым в суд для решения вопроса об изменении вида исправительного учреждения. Изменение же вида учреждения должно осуществляться с учетом той последовательности, в которой возрастает или снижается степень изоляции от общества в различных видах исправительных учреждений, исключая резкое изменение карательного содержания наказания в отношении осужденных. Однако отмеченные необходимые и важнейшие, на наш взгляд, особенности и основания изменения вида исправительного учреждения в первую очередь должны быть подробно обозначены на законодательном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликиперов Х., Курбанов Г. Принципы уголовного права в доктринальном проекте нового УК Азербайджана // Уголовное право. 1999. № 3. С. 46–49.
2. Благов Е. В. Проблемы конструкции наказания // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 88–92.
3. Бриллиантов А. В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 439 с.
4. Киселев Н. В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. 200 с.
5. Личность преступника и применение наказания / под ред. Б. С. Волкова и В. П. Малкова. Казань, 1980. 216 с.
6. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. 180 с.
7. Михлин А. С. Общая характеристика начала осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М., 1991. 176 с.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 05.05.2014 № 104-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19. Ст. 2309.
9. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 22 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : федер. закон от 05.04.2010 № 46-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 15. Ст. 1742.
10. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29.05.2014 № 9 // Рос. газ. 2014. № 124.

11. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 300 с.
12. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 433 с.
13. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (проблемы теории и практики) : моногр. Рязань, 1994. 214 с.
14. Скаков А. Б. Изменение вида исправительного учреждения по законодательству Республики Казахстан // Уголов. право. 2004. № 1. С. 101–103.
15. Смирнов В. В., Хребтов А. В. Механизм реализации воспитательной работы с лицами, лишенными свободы. М., 1999. 109 с.
16. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. М., 1985. 256 с.
17. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения наказания в новом уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах России (к 75-летию Н. А. Стручкова) : материалы науч.-практ. конф. М., 1997. С. 28–30.
18. Федяев А. Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях : учеб. пособие. Барнаул, 2004. 123 с.

REFERENCES

1. Alikperov H., Kurbanov G. Principy ugovornogo prava v doktrinal'nom proekte novogo UK Azerbajdzhana [Principles of criminal law in the doctrinal project of the new Criminal Code of Azerbaijan]. Ugolov. pravo – Criminal law. 1999. Iss. 3. P. 46–49. (In Russ.).
2. Blagov E. V. Problemy konstrukcii nakazaniya // Mezhdunarodnoe i nacional'noe ugovornoe zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoy tekhniki : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Problems of the construction of punishment : International and national criminal legislation: problems of legal engineering: proceedings of the III International Scientific Practical Conference]. Moscow, 2004. P. 88–92. (In Russ.).
3. Brilliantov A. V. Differenciatsiya nakazaniya: ugovorno-pravovye i ugovorno-ispolnitel'nye problemy : dis. ... d-ra yurid. nauk [Differentiation of punishment: criminal law and criminal executive problems : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 1998. 439 p. (In Russ.).
4. Kiselev N. V. Dispozitivnye nachala pravovogo regulirovaniya ispolneniya ugovornogo nakazaniya v vide lisheniya svobody : dis. ... kand. yurid. nauk [Dispositive beginnings of the legal regulation of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment : the dis. ... Dsc. in Law]. Tomsk, 1998. 200 p. (In Russ.).
5. Lichnost' prestupnika i primeneniye nakazaniya / pod red. B. S. Volkova i V. P. Malkova. [The identity of the criminal and the application of punishment : ed. by B. S. Volkov and V. P. Malkov]. Kazan, 1980. 216 p. (In Russ.).
6. Luchinskij N. F. Osnovy tyuremnogo dela [Basics of prison business]. St. Petersburg, 1904. 180 p. (In Russ.).
7. Mihlin A. S. Obshchaya harakteristika osuzhdennykh (po materialam special'noj perepisi 1989 g.) [General characteristics of convicts (according to the materials of the special census of 1989)]. Moscow, 1991. 176 p. (In Russ.).
8. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 05.05.2014 № 104-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation : Federal Law from 05.05.2014 No. 104-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. Iss. 19. Art. 2309. (In Russ.).
9. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 22 Zakona Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovornye nakazaniya v vide lisheniya svobody» : feder. zakon ot 05.04.2010 № 46-FZ [On Amendments to the Penal Code of the Russian Federation and Article 22 of the Law of the Russian Federation «On institutions and bodies that carry out criminal sentences in the form of imprisonment» : Federal Law from 05.04.2010 No. 46-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 15. Art. 1742. (In Russ.).
10. O praktike naznacheniya i izmeneniya sudami vidov ispravitel'nykh uchrezhdenij : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 29.05.2014 № 9 [On the practice of appointment and change by the courts of the types of correctional institutions : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 29.05.2014 No. 9]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2014. Iss. 124. (In Russ.).
11. Poznyshhev S. V. Ocherki tyur'movedeniya [Prison Studies]. Moscow, 1915. 300 p. (In Russ.).
12. Rybak M. S. Resocializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra yurid. nauk [Resocialization of prisoners sentenced to imprisonment: problems of theory and practice : the dis. ... Dsc. in Law]. Saratov, 2001. 433 p. (In Russ.).
13. Sizy A. F. Pooshchritel'nye normy ugovorno-ispolnitel'nogo prava (problemy teorii i praktiki) : monogr. [Incentive norms of Penal law (problems of theory and practice) : monogr.]. Rязань, 1994. 214 p. (In Russ.).
14. Skakov A. B. Izmeneniye vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya po zakonodatel'stву Respubliki Kazahstan [Changes in the type of correctional institution under the laws of the Republic of Kazakhstan]. Ugolov. pravo – Criminal law. 2004. Iss. 1. P. 101–103. (In Russ.).
15. Smirnov V. V., Hrebtov A. V. Mekhanizm realizacii vospitatel'noj raboty s licami, lishennymi svobody [The mechanism for the implementation of educational work with persons deprived of their liberty]. Moscow, 1999. 109 p. (In Russ.).
16. Struchkov N. A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Osobennoj chasti [The course of correctional labor law. Problems of the Special part]. Moscow, 1985. 256 p. (In Russ.).
17. Tkahevskij YU. M. Progressivnaya sistema ispolneniya nakazaniya v novom ugovornom i ugovorno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [Progressive system for the execution of punishment in the new criminal and Penal legislation]. Problemy teorii nakazaniya i ego ispolneniya v novom Ugolovnom i Ugolovno-ispolnitel'nom kodeksah Rossii (k 75-letiyu N. A. Struchkova) : materialy nauch.-prakt. konf. – Problems of the theory of punishment and its execution in the new Criminal Code and the Penal Code of Russia (on the 75th anniversary of N. A. Struchkov) : materials of the scientific and practical conference. Moscow, 1997. P. 28–30. (In Russ.).
18. Fedyaev A. E. Mery vzyiskaniya, primenyaemye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah : ucheb. posobie [Penalties for use in correctional institutions : tutorial]. Barnaul, 2004. 123 p. (In Russ.).

УДК 343.54

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-85-90

Применение принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных: проблемы дифференциации и индивидуализации

А. Л. САНТАШОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Н. М. ЕФРЕМОВА – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Предметом исследования в статье стали теоретико-прикладные проблемы применения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных к лишению свободы. Авторы обращаются к правовым аспектам изучаемого явления, анализируют современные тенденции уголовной политики и зарубежный опыт. Установлено, что в большинстве стран принудительные меры медицинского характера рассматриваются как разновидность иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности).

Цель исследования – дать объективную характеристику соответствующих средств дифференциации и индивидуализации, выявить пробелы и недостатки в нормативном регулировании и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства в обозначенной сфере.

Результатами исследования стала научно обоснованная оценка работы ответственного законодателя по регламентации применения принудительных мер медицинского характера в УК РФ и УИК РФ.

Ключевые слова: осужденный; дифференциация; индивидуализация; уголовное наказание; принудительные меры медицинского характера.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The use of compulsory medical measures against convicts: problems of differentiation and individualization

A. L. SANTASHOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

N. M. EFREMOVA – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the of the Vologda Institute of Law and Economics the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The subject of research in the article was the theoretical and applied problems of the application of compulsory measures of a medical nature to those sentenced to imprisonment. The author addresses the legal aspects of the phenomenon under study, analyzes current trends in criminal policy and foreign experience. It has been established that in most countries compulsory medical measures are considered as a type of other criminal law measures (security measures).

The purpose of the study is to give an objective description of the relevant means of differentiation and individualization, to identify gaps and shortcomings in the regulatory framework and to formulate proposals for improving legislation in the designated area.

The results of the study was a scientifically based evaluation of the work of the domestic legislator on the regulation of the use of compulsory medical measures in the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation.

Key words: convict; differentiation; individualization; criminal penalty; medical coercive measures.

12.00.08 - Criminal law and criminology; penal law

Действующее уголовное законодательство предусматривает возможность применения принудительных мер медицинского характера, которые могут быть назначены судом одновременно с наказанием лицам, признанным вменяемыми: амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра и сексопатолога (ст. 99 УК РФ). Оно может быть назначено вменяемому лицу, которое по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в психиатрический стационар, при отбывании им наказаний, связанных или не связанных с лишением свободы. Выбор конкретной меры производится судом на основании сведений, содержащихся в заключении комплексной судебно-психиатрической и сексологической экспертизы. Лица данной категории, осужденные к различным срокам лишения свободы, получают соответствующее лечение в медицинской части исправительного учреждения по месту отбывания наказания или, при необходимости стационарного лечения, направляются в специализированные медицинские учреждения [11].

В соответствии с рекомендациями Верховного Суда Российской Федерации при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского характера следует строго соблюдать Конституцию Российской Федерации, нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. При решении отдельных вопросов, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, необходимо руководствоваться положениями Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1, Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», федеральных законов от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», от 07.05.2009 № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением», а также иных нормативных правовых актов, в том числе Постановления Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью», приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Феде-

рации от 17.10.2005 № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу».

Особый порядок применения принудительных мер медицинского характера предусмотрен в ч. 1 ст. 97 УК РФ, ч. 4 ст. 18 УИК РФ в отношении лиц, совершивших в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, и страдающих расстройством сексуальных предпочтений (педофилией), не исключающим вменяемости. Таким лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, администрация учреждения, исполняющего наказание, не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания, либо при получении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, либо до внесения представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания обязана предложить пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений и проведение соответствующего лечения. Основанием освидетельствования осужденного комиссией врачей-психиатров является добровольное обращение такого осужденного к администрации учреждения, исполняющего наказание, или согласие такого осужденного.

Установленная на законодательном уровне система организации исполнения принудительных мер медицинского характера и лечения осужденных к наказанию в виде лишения свободы, страдающих сексуальными расстройствами, требует значительного реформирования по направлениям, связанным как с совершенствованием законодательства, так и с организацией лечения данных лиц.

Как справедливо отмечает А. А. Бакин, сам «факт наличия сексуальной патологии у граждан в местах лишения свободы должен явиться прямым показанием для наблюдения и лечения данной категории осужденных. Лица, осужденные за различные сексуальные преступления, требуют к себе пристального внимания со стороны психиатров, психологов, сексопатологов. Индиви-

дуального подхода требуют все формы нетипичного сексуального поведения» [3].

При анализе соответствующего зарубежного опыта установлено, что в большинстве стран принудительные меры медицинского характера рассматриваются как разновидность иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности). В таком качестве они включены в законодательство Австрии, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирака, Исландии, Испании, Италии, Мексики, Польши, Португалии, Румынии, Швейцарии и др. Законодательство США предусматривает применение принудительных мер медицинского характера ко всем лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения, которое делает их склонными к совершению половых преступлений. В некоторых странах в отношении лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, может быть применена так называемая химическая кастрация – добровольное введение осужденным специального медицинского препарата, подавляющего половое влечение [6, с. 347].

Вопрос о введении химической кастрации виновных в совершении половых преступлений рассматривался и в Государственной Думе Российской Федерации, но был снят с рассмотрения [14]. Активную позицию в положительном решении данного вопроса занимает Следственный комитет Российской Федерации [5].

Несмотря на эффективность подобной меры в плане снижения рецидива совершаемых преступлений (от 58–84 % до кастрации до 2,2–4,1 % после), в настоящее время эта операция осуждается по этическим соображениям и широко не используется с целью снижения рецидива преступлений [13]. Для лечения сексуальных перверсий в Российской Федерации, как и в большинстве других государств, применяются иные методы репаративной терапии, соответствующие требованиям медицинской этики [1].

Для разрешения данной проблемы в УК РФ необходимо учесть некорректность законодательной формулировки п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ: «и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости». Эта формулировка предполагает однозначность понятий «расстройство сексуального предпочтения» и «педофилия». Необходимо учесть для уточнения в уголовном законе, что, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), понятие «расстройства сексуального предпочтения»

(раздел F65) является более широким и включает в себя наряду с другими расстройствами и педофилию [4]. Полагаем, что п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ следует изложить в редакции: «совершившим в возрасте старше 18 лет преступления против половой свободы и половой неприкосновенности и страдающим расстройством сексуального предпочтения, не исключающим вменяемости».

Требуется своего разрешения и вопрос о правомерности применения повторных принудительных мер медицинского характера к лицам данной категории, отбывающим наказание в виде лишения свободы. В соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ суд вправе назначить принудительную меру медицинского характера повторно лицу, страдающему заболеванием педофилии, в отношении которого ранее уже принималось решение о ее прекращении. Как справедливо отмечает А. А. Батанов, данное положение «противоречит доктрине российского уголовного права и судебной практике, согласно которым принудительное лечение после отмены принудительных мер медицинского характера применяется только в случаях совершения лицом нового общественно опасного деяния, когда по характеру содеянного и своему болезненному состоянию это лицо представляет опасность для общества» [4]. Полагаем, что данное положение подлежит исключению из текста ч. 2.1 ст. 102 УК РФ и ч. 4 ст. 18 УИК РФ. Вопрос об организации лечения осужденных, страдающих расстройством сексуальных предпочтений, должен быть разрешен иными мерами, не противоречащими законодательству и доктрине российского уголовного права.

В этом плане заслуживает внимания опыт Казахстана. В ч. 3 ст. 88 Уголовного кодекса Казахстана отмечается, что порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным кодексом и законодательством о здравоохранении данной республики [15], что само по себе является важным, принципиальным и соответствующим практике реализации.

В принятой Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 гг. указывается, что при помещении осужденного в учреждения, связанные с изоляцией от общества, при наличии решения суда о применении принудительных мер медицинско-

го характера разрабатывается соответствующая программа его лечения, в том числе и связанная с наличием у него сексуальных отклонений. Эта программа рассчитана на период его пребывания в учреждении и далее на период освобождения, когда уже под контролем службы пробации осуществляется механизм преемственности лечения больных, страдающих социально значимыми или иными тяжелыми заболеваниями и освобождающихся из учреждений уголовно-исполнительной системы [10].

Разрешение данной проблемы в нашей стране аналогичным образом является крайне актуальным, так как на начало 2018 г. около 200 заключенных из 1896 приговоренных к пожизненному лишению свободы получили право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении, а большинство таких лиц осуждено за совершение серии убийств по сексуальным мотивам [2].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в разделе «Медицинское обслуживание» также указана задача обеспечения преемственности в проведении медико-социальных мероприятий в отношении осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, освобождающихся из мест лишения свободы [8]. Но данное положение не обосновано достаточным образом соответствующими медицинскими программами, конкретизирующими виды лечения осужденных в местах их изоляции от общества с продолжением их после отбывания срока наказания и освобождения.

Порядок лечения осужденных в местах изоляции от общества регулируется приказом Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17.10.2005 [9], в соответствии с п. 58 которого в сложных случаях установления и дифференциации диагноза заболевания и выработки тактики лечения больные осматриваются комиссионно или направляются на консультацию к врачам-специалистам [1]. Но в содержание объема оказываемых услуг по лечению осужденных в этом приказе не включен вариант лечения сексуальных отклонений. Такое лечение осужденные должны оплачивать самостоятельно. Но реально ли это? Президент профессионального объединения врачей-сексологов Е. Кульгавчук отмечает, что вылечить подобную патологию сложно. Вызвать ремиссию можно, только прибегнув к комплексному лечению у сексолога – с психотерапией, коррекцией гормонального фона, применением психотропных

препаратов. «Как у наркоманов, ремиссия может быть и длиною в жизнь. Но стоит отметить, что процент рецидивов достаточно высок. В России принудительное лечение осуществляется по приговору суда после комплексной экспертизы, в которой принимает участие врач-сексолог. Комплексное лечение достаточно дорогостоящее, затратное по времени, не каждый может это себе обеспечить» [8]. В России наиболее эффективное лечение данных отклонений производится в лечебно-реабилитационном научном центре А. О. Бухановского «Феникс» в г. Ростове-на-Дону. Именно А. О. Бухановским разработаны основы организации лечения лиц с сексуальными отклонениями, в том числе совершающих по этим мотивам серийные убийства. По его мнению, лечение лиц с сексуальными отклонениями должно осуществляться непрерывно, систематически, и нет «ни одного серийного убийцы, который был бы совершенно здоров психически» [12].

Таким образом, в раздел «Медицинское обслуживание» указанной концепции необходимо включить такой вид деятельности, как разработка и реализация программ лечения осужденных с социально значимыми заболеваниями. В содержание приказа Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17.10.2005 необходимо внести изменения, включив вариант лечения лиц, имеющих сексуальные отклонения, а также уточнить содержание п. 3 ст. 97 УК РФ, изложив его в следующей редакции: «3. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, иными федеральными законами и законодательством о здравоохранении Российской Федерации».

Данные изменения в области законодательства, регулирующего порядок применения принудительных мер медицинского характера и организации лечения осужденных, будут наиболее значимыми для лиц, осужденных за совершение серийных сексуальных убийств. Как правило, все они приговариваются к пожизненному лишению свободы. В условиях самой строгой изоляции и длительного исключения общения с членами семьи нередкими являются половые эксцессы и половые преступления. Они выражаются: а) в сексуальных преступлениях (изнасилование и др.); б) половых извращениях (гомосексуализм мужской (мужеложство, педерастия) и женский (трибадия,

софизм, лесбийская любовь и др.)) и иных формах.

В этой связи необходимо внести уточнение в содержание ч. 1 ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденным к лишению свободы». В качестве административно наказуемых нарушений, связанных с половыми эксцессами, в данной статье предусмотрены лишь мужеложство и лесбиянство. Необходимо дополнить их указанием и на

«иные сексуальные извращения», что окажет существенное положительное воздействие на соблюдение осужденными режима в исправительных учреждениях [16; 17].

Предлагаемые изменения позволят в значительной степени улучшить систему организации лечения осужденных данного вида, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, и снизить уровень насильственной рецидивной преступности по сексуальным мотивам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейникова Т. Репаративная терапия: обзор научных представлений от конца 19 века до современности. URL: <http://www.defree.ru/publications/2013-04-19-rt/reparativnaya-terapiya.htm> (дата обращения: 07.08.2018).
2. Алексеева Н. Век воли не видать: выйдут ли на свободу в 2017 году осужденные на пожизненный срок? URL: <https://russian.rt.com/russia/article/367416> (дата обращения: 07.08.2018).
3. Бакин А. А. Особенности формирования девиантного сексуального поведения осужденных. URL: <http://www.advokat-777.ru/ur-consultation-detail1372.html> (дата обращения: 07.08.2018).
4. Батанов А. Н. Уголовно-правовые вопросы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией). URL: <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xnp1ai/article/23543> (дата обращения: 07.08.2018).
5. Выступление А. Бастрыкина на экстренном заседании комиссии Общественной палаты Российской Федерации по проблемам детства и молодежной политики. URL: <https://komitetzaprava.livejournal.com/186356.html> (дата обращения: 07.08.2018).
6. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С. П. Щербы. М., 2009. 448 с.
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
8. Кульгавчук Е. Знать в лицо: правительству предлагают создать единую базу осужденных за педофилию. URL: <https://pravdoryb.info/znat-v-litso-pravitelstvu-predlagayut-sozdat-edinuyu-bazu-osuzhdennykh-za-pedofiliyu-129118.html> (дата обращения: 07.08.2018).
9. О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу : приказ Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17.10.2005 (с изм. от 06.06.2014). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы : указ Президента Республики Казахстан от 08.12.2016 № 387. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal> (дата обращения: 07.08.2018).
11. Об утверждении перечней лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы для оказания медицинской помощи осужденным : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 16.08.2006 № 263. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902020271> (дата обращения: 07.08.2018).
12. Самоделова С. Интервью с профессором А. Бухановским // Мос. комсомолец, 2007. 10 мая.
13. Семенцова И. А. О необходимости пересмотра концептуальных основ обращения в сфере уголовной ответственности в отношении лиц, имеющих психическое расстройство, не исключающее вменяемости // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы : сб. материалов V Сиб. психол. форума (3–5 окт. 2013 г.). Томск, 2013. С. 68–88.
14. Степанов Б. С. Разработка уголовного законодательства по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних в РФ // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 528–531.
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы, 2017.
16. Шабанов В. Б., Санташов А. Л., Лукьянович А. Л. Правовой статус и обеспечение безопасности осужденных к лишению свободы, подлежащих передаче для отбывания наказания в государство гражданства // Вестн. Калининград. фил. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2017. № 1 (47). С. 40–42.
17. Шабанов В. Б., Санташов А. Л., Лукьянович А. Л. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 2 (27). С. 55–60.

REFERENCES

1. Alejnikova T. Reparativnaya terapiya: obzor nauchnyh predstavlenij ot konca 19 veka do sovremennosti [Reparative therapy: a review of scientific ideas from the end of the 19th century to the present]. Available at: <http://www.defree.ru/publications/2013-04-19-rt/reparativnaya-terapiya.htm> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
2. Alekseeva N. Vek voli ne vidat': vyjdut li na svobodu v 2017 godu osuzhdennye na pozhiznennyj srok? [A century of will not be seen: will life sentences be set free in 2017?]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/367416> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
3. Bakin A. A. Osobennosti formirovaniya deviantnogo seksual'nogo povedeniya osuzhdennykh [Features of the formation of deviant sexual behavior of convicts]. Available at: <http://www.advokat-777.ru/ur-consultation-detail1372.html> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
4. Batanov A. N. Ugolovno-pravovye voprosy primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera k licam, stradayushchim rasstrojstvom seksual'nogo predpochteniya (pedofilij) [Criminal law issues of applying compulsory medical measures to persons suffering from sexual preference disorder (pedophilia)]. URL: <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xnp1ai/article/23543> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
5. Vystuplenie A. Bastykina na ehkstretnom zasedanii komissii Obschestvennoj palaty Rossijskoj Federacii po problemam detstva i molodezhnoj politiki [Speech by A. Bastykin at an emergency meeting of the Commission of the Public Chamber

- of the Russian Federation on the problems of childhood and youth policy]. Available at: <https://komitetzaprava.livejournal.com/186356.html> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
6. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod obshch. red. S. P. SHCherby [Comparative Criminal Law. General part : ed. by S. P. Scherba]. Moscow, 2009. 448 p. (In Russ.).
7. Konceptsiya razvitiya ugovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r [The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-p]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 43. Art. 5544. (In Russ.).
8. Kul'gavchuk E. Znat' v lico: pravitel'stvu predlagayut sozdat' edinuyu bazu osuzhdennykh za pedofiliyu [Know by sight: the government is offered to create a single database of those convicted of pedophilia]. URL: <https://pravdoryb.info/znat-v-litsa-pravitel'stvu-predlagayut-sozdat-edinuyu-bazu-osuzhdennykh-za-pedofiliyu-129118.html> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
9. O poryadke organizacii medicinskoj pomoshchi licam, otbyvayushchim nakazanie v mestah lisheniya svobody i zaklyuchennym pod strazhu : prikaz Minzdravsocrazvitiya Rossii № 640, Minyusta Rossii № 190 ot 17.10.2005 (s izm. ot 06.06.2014) [On the organization of medical care for persons serving sentences in prison and detained : Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia No. 640, Ministry of Justice of Russia No. 190 from 17.10.2005 (as amended on 06.06.2014)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
10. Ob utverzhdenii Kompleksnoj strategii social'noj reabilitacii grazhdan, osvobodivshihsia iz mest lisheniya svobody i nahodyashchihsia na uchete sluzhby probacii, v Respublike Kazahstan na 2017–2019 gody : ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 08.12.2016 № 387. [On approval of the Comprehensive Social Rehabilitation Strategy for Citizens who have been released from prison and are registered with the probation service in the Republic of Kazakhstan for 2017–2019 : Decree of the President of the Republic of Kazakhstan from 08.12.2016 No. 387]. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
11. Ob utverzhdenii perechnoj lechebno-profilakticheskikh i lechebnykh ispravitel'nykh uchrezhdenij ugovno-ispolnitel'noj sistemy dlya okazaniya medicinskoj pomoshchi osuzhdennym : prikaz M-va yusticii Ros. Federacii ot 16.08.2006 № 263 [On the approval of the lists of treatment-and-prophylactic and medical correctional institutions of the penitentiary system for the provision of medical assistance to convicts : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 16.08.2006 No. 263]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902020271> (accessed 07.08.2018). (In Russ.).
12. Samodelova S. Interv'y u s professorom A. Buhanovskim [Interview with Professor A. Bukhanovsky]. Mos. komsomolec – Moscow's consomolets. 2007. May 10. (In Russ.).
13. Semencova I. A. O neobходимosti peresmotra konceptual'nykh osnov obrashcheniya v sfere ugovnoy otvetstvennosti v otnoshenii lic, imeyushchih psicheskoe rasstrojstvo, ne iskluchayushchee vmenyaemosti [On the need to revise the conceptual basis of treatment in the field of criminal liability in relation to persons with a mental disorder that does not exclude responsibility] Antropologicheskaya psichologiya v XXI veke: problemy i perspektivy : sb. materialov V Sib. psicholog. foruma (3–5 okt. 2013 g.) – Anthropological psychology in the XXI century: problems and prospects : collection of materials of the 5th Siberian Psychological Forum (October 3–5, 2013)]. Tomsk, 2013. P. 68–88. (In Russ.).
14. Stepanov B. S. Razrabotka ugovnogo zakonodatel'stva po bor'be s prestupleniyami protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih v RF [Development of criminal legislation to combat crimes against sexual inviolability of minors in the Russian Federation]. Molodoj uchenyj – Young scientist. 2016. Iss. 7. P. 528–531. (In Russ.).
15. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2017. (In Russ.).
16. SHabanov V. B., Santashov A. L., Luk'yanovich A. L. Pravovoj status i obespechenie bezopasnosti osuzhdennykh k lisheniyu svobody, podlezhashchih peredache dlya otbyvaniya nakazaniya v gosudarstvo grazhdanstva [Legal status and security of persons sentenced to deprivation of liberty to be transferred to serve the sentence to the State of citizenship]. Vestn. Kaliningrad. fil. S.-Peterb. un-ta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Iss. 1 (47). P. 40–42. (In Russ.).
17. SHabanov V. B., Santashov A. L., Luk'yanovich A. L. Faktory, obuslovliyayushchie obespechenie bezopasnosti osuzhdennykh v mestah lisheniya svobody [Factors contributing to the safety of convicts in places of detention]. Vestn. Sib. yurid. in-ta MVD Rossii – Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Iss. 2 (27). P. 55–60. (In Russ.).

УДК 343.326

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-90-96

Проблемы уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и пути их решения

Т. Н. УТОРОВА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье проведен анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации». Предметом исследования выступают проблемы уголовно-правовой

охраны государственной границы. Автором раскрыты вопросы квалификации действий по пересечению границы вне пунктов пропуска, обоснована необходимость криминализации таких действий. Дана оценка дифференциации наказания с использованием квалифицирующих признаков. Высказано предложение унифицированного использования однородных квалифицирующих обстоятельств – признаков квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, таких как «группа лиц по предварительному сговору – организованная группа»; «с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения насилия – с применением насилия, опасного для жизни и здоровья». Обоснована необходимость расширения круга лиц, не подлежащих уголовной ответственности, путем указания в примечании к ст. 322 УК РФ на лиц, ходатайствующих о предоставлении любого убежища, и вынужденных переселенцев. Предложено дополнить перечень уголовных наказаний выдворением, применяемым только к иностранным гражданам и лицам без гражданства.

В результате автором делается вывод о недостаточной защищенности порядка управления в сфере пересечения государственной границы, несоблюдении требований дифференциации ответственности. Предложены варианты преодоления сложившейся ситуации.

Ключевые слова: незаконная миграция; незаконное пересечение границы; незаконный въезд; беженец; выдворение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problems of criminal liability for illegal crossing of the State border of the Russian Federation and their solutions

T. N. UTOROVA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article analyzes the signs of a crime provided for by Art. 322 of the Criminal Code «Illegal crossing of the State border of the Russian Federation.» The subject of the research is the problems of criminal law protection of the state border. The author has uncovered the issues of qualifying actions to cross the border outside checkpoints, justifies the need to criminalize such actions. The evaluation of punishment differentiation with the use of qualifying signs is given. A proposal was made to unify the use of homogeneous qualifying circumstances — signs of qualified and specially qualified elements of crimes, such as «a group of persons by prior agreement is an organized group»; «with the use of violence not dangerous to life and health or with the threat of violence - with the use of violence dangerous to life and health.» The necessity of expanding the circle of persons who are not subject to criminal liability is substantiated by pointing out in the footnote to article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation on persons applying for any asylum and forced migrants. It was proposed to supplement the list of criminal penalties with expulsion applicable only to foreign citizens and stateless persons.

As a result the author concludes that the order of management in the area of crossing the state border is not sufficiently protected and that the requirements for differentiating responsibility are not complied with. There are offered options to overcome the current situation.

Key words: illegal migration; illegal border crossing; illegal entry; refugee; expulsion.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Трансграничная преступность, связанная с незаконной миграцией и контрабандой, попытки проникновения на российскую территорию членов международных террористических и экстремистских организаций, участников незаконных вооруженных формирований, лиц, въезд которым не разрешен, представляют серьезную угрозу

национальной безопасности России в пограничном пространстве [11]. Наша страна имеет самую протяженную государственную границу в мире, которую ежегодно пересекают более 150 млн российских и иностранных граждан. За 2017 г. в пассажиропотоке выявлено 40 тыс. иностранных граждан с недействительными документами на пра-

во пересечения границы [7], а увеличение количества решений о неразрешении въезда (2016 г. – 229 013, 2017 г. – 210 708) [17] позволяет прогнозировать дальнейший рост преступлений, связанных с пересечением государственной границы по поддельным и содержащим недостоверные сведения документам. Так, в 2017 г. только на российско-казахстанском участке границы выявлено около 1500 трудовых мигрантов, пытавшихся пересечь границу по документам с измененными установочными данными.

Вместе с тем за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации по ст. 322 УК РФ в год осуждается порядка двух тысяч человек [18], то есть уголовно-правовой механизм противодействия указанному преступлению должным образом не срабатывает. Причин тому несколько, в том числе и недостатки построения ст. 322 УК РФ.

Анализ научных работ и практики применения рассматриваемой статьи свидетельствует о необходимости уточнения законодательной конструкции исследуемого состава преступления. В первую очередь это касается объективных признаков.

Объективная сторона анализируемого состава преступления состоит из действий по пересечению Государственной границы Российской Федерации в любом направлении без действительных документов либо без надлежащего разрешения. Причем в судебной практике преобладает незаконное пересечение границы при въезде в страну (87,4 % изученных приговоров).

Пересечение государственной границы вне установленного пункта пропуска одни авторы относят к объективной стороне ст. 322 УК РФ [6, с. 31; 4, с. 73; 23, с. 115], другие, в том числе и судебная практика [13, 15, 16], квалифицируют как административное правонарушение, предусмотренное ст. 18.1 КоАП РФ (нарушение режима Государственной границы Российской Федерации) [21, с. 16; 1, с. 99; 20, с. 33].

Последняя точка зрения представляется наиболее убедительной, так как в диспозиции статьи такие действия не криминализованы, расширительный подход вряд ли соответствует принципу законности. Н. А. Лопашенко справедливо отмечает: «Отсутствие в конкретном деянии даже одного законодательно описанного признака является безусловным препятствием наступления уголовной ответственности. Восполнение пробелов – исключительная компетенция законодателя» [9, с. 174–175].

Подобная правовая неопределенность нивелирует статус Государственной границы Российской Федерации, допуская бесконтрольное перемещение любых лиц, в том числе криминально настроенных, без опасений быть привлеченными к уголовной ответственности. Такая ситуация создает благоприятные условия для контрабанды, незаконной добычи биологических ресурсов и иных преступлений. Указанные доводы, а также распространенность пересечения границы вне пунктов пропуска (39,2 % изученных приговоров) свидетельствуют о целесообразности внесения законодательных коррективов в диспозицию ст. 322 УК РФ, указывающих на пересечение границы вне пунктов пограничного контроля либо миную таковой.

Квалифицированный состав ст. 322 УК РФ включает действия по пересечению Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым не разрешен. Согласно ст. 15 и 28 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» возможно ограничение права на выезд из Российской Федерации российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства. Думается, что нарушение запрета на выезд представляет повышенную общественную опасность, равную нарушению запрета на въезд, так как в результате такого деяния страдают не только порядок пересечения границы, но и те отношения, для защиты которых принимается такое решение. В связи с этим необходимо по аналогии со ст. 223 Уголовного кодекса Узбекистана действия по пересечению границы при наличии запрета на выезд включить в ч. 2 ст. 322 УК РФ.

Конструкция части третьей исследуемой статьи включает описание способа совершения преступления – с применением насилия или с угрозой его применения, использование которого дополнительно нарушает такие объекты, как здоровье, психическую и телесную неприкосновенность лица. В связи с отсутствием в диспозиции статьи описания потерпевшего необходимо установить, идет ли речь о специальном потерпевшем либо ему присущи общие признаки. Большинство авторов в качестве потерпевшего указывают любое лицо [2, с. 142–143; 3, с. 101; 10, с. 143]. Р. И. Идаятов потерпевшими называет только «лиц, осуществляющих охрану границы, проверку въезжающих и

выезжающих лиц, осуществляющих различные виды контроля» [6, с. 47].

Следует отметить, что большинство статей гл. 32 УК РФ (ст. 317–318, ч. 2 ст. 321), включающих насильственный способ совершения деяния, предусматривают применение насилия в отношении сотрудников органов исполнительной власти, так как воздействие на субъекта управленческой деятельности влечет нарушение порядка управления. Применение насилия к военнослужащему, сотруднику органа внутренних дел или иному лицу при исполнении ими обязанностей по охране Государственной границы Российской Федерации регламентировалось ст. 191.4 УК РСФСР, при одновременном отсутствии такого признака в ст. 83 УК РСФСР «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации» [19]. По всей вероятности, при разработке УК РФ законодатель включил указанное деяние в квалифицированный состав незаконного пересечения государственной границы. В связи с изложенным считаем, что потерпевшими в ч. 3 ст. 322 УК РФ должны признаваться лица, выполняющие функции по охране Государственной границы Российской Федерации, осуществляющие пограничный, таможенный и иные виды контроля, что требует отражения в диспозиции ст. 322 УК РФ.

Кроме того, применение насилия, опасного для жизни и здоровья, представляет повышенную общественную опасность, поэтому требуется дифференциация ответственности в зависимости от характера насилия: 1) в ч. 3 ст. 322 УК РФ следует закрепить признак «с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения насилия»; 2) в ч. 4 – «с применением насилия, опасного для жизни и здоровья». Различная общественная опасность указанных отягчающих обстоятельств обоснована в доктрине уголовного права, разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, судебной практике, а также в конструкциях многих уголовно-правовых норм (ст. 166, 226, 229, 296, 309 УК РФ). Чем больше сфера дифференциации, тем меньше свободы правоприменителя действовать по своему усмотрению [8], меньше возможностей для коррупции.

Еще одним нелогичным решением стало объединение в ч. 3 ст. 322 УК РФ таких отягчающих обстоятельств, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Как видим, законодатель не придерживается

«блокового» принципа изложения квалифицирующих признаков [5, с. 285]. Общепринятым является использование признака «группа лиц по предварительному сговору» в квалифицированном составе, а «организованная группа» в особо квалифицированном составе. Объединение в одной части таких обстоятельств противоречит принципу справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ).

Сложность доказывания признаков организованности, устойчивости, управляемости по делам, связанным с организованной преступностью, обусловленная значительным числом оценочных категорий, приводит к оценке деяний организованной группы как совершенных группой лиц по предварительному сговору. Практические сотрудники не заинтересованы в доказывании более сложной формы соучастия, так как квалификация, а следовательно и показатели их деятельности, от этого не изменятся.

Также следует отметить, что при конструировании квалифицированных составов смежных преступлений (с одним групповым объектом) следовало бы использовать одни и те же отягчающие признаки. Однако в составе незаконного пересечения границы не использован квалифицирующий признак, содержащийся в ч. 2 ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», – в целях совершения преступления на территории Российской Федерации. Учитывая повышенную общественную опасность таких деяний, предлагаем дополнить указанным обстоятельством ст. 322 УК РФ. В настоящее время действия лиц, незаконно пересекающих границу, например с целью сбора грибов, поиска заблудившихся домашних животных либо посещения родственников, квалифицируются аналогично действиям наркокурьеров [14].

В примечании к ст. 322 УК РФ законодатель наделил иммунитетом от уголовного преследования только лиц, желающих воспользоваться правом политического убежища. Фактически круг ищущих убежище вынужденных мигрантов значительно шире. Такая конструкция примечания создает риск привлечения к уголовной ответственности иных категорий уязвимых мигрантов, что, на наш взгляд, противоречит принципу ра-

венства и международным обязательствам Российской Федерации.

Россия предоставляет убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства путем предоставления политического убежища, временного убежища, признания беженцем. Особый механизм защиты предусмотрен для вынужденных переселенцев. По этой причине предлагаем внести изменения в примечание к ст. 322 УК РФ, установив пределы его действия в отношении лиц, обратившихся за любым видом убежища, а не только политическим.

Проанализировав предусмотренные УК РФ наказания за незаконное пересечение границы и другие преступления в сфере миграции, следует отметить отсутствие их должной дифференциации [22]. В этой связи представляет интерес предусмотренное в уголовных кодексах Франции, Казахстана, Азербайджана и других стран наказание в виде выдворения из страны иностранного гражданина или лица без гражданства. Российское законодательство использует принудительную высылку исключительно как административную меру. В настоящее время осужденный иностранец не может покинуть территорию Российской Федерации до исполнения не связанного с лишением свободы наказания, при этом зачастую его пребывание является незаконным. Процедура удаления лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, достаточно сложная, включает принятие разными ведомствами решений о нежелательности пребывания, депортации, помещении иностранца в специальное учреждение, при этом занимает длительное время и зачастую к моменту освобождения решение уполномоченные органы не успевают при-

нять. Кроме того, решение о нежелательности пребывания выносится только в отношении осужденных к лишению свободы за умышленные преступления. Так, в 2017 г. в специальных учреждениях содержалось только 603 иностранца, подлежащего депортации, хотя число осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства стабильно из года в год не снижается с отметки 25 тыс. чел., половина из которых осуждается к лишению свободы [12]. Таким образом, большая часть иностранных граждан и лиц без гражданства после освобождения остается на территории Российской Федерации, представляя угрозу общественному порядку, правам и интересам других лиц.

Введение такого наказания позволит оперативно удалять с территории Российской Федерации лиц, имеющих судимости за умышленные преступления, осужденных не только к лишению свободы, но и к иным видам наказаний.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время назрела необходимость решения вопроса о криминализации действия по пересечению государственной границы вне пунктов пропуска, дифференциации ответственности путем добавления и систематизации квалифицирующих признаков, уточнения содержания примечания к ст. 322 УК РФ, а также расширения перечня уголовных наказаний путем включения выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства. Предложенные изменения уголовно-правовых норм будут способствовать не только противодействию незаконному пересечению Государственной границы Российской Федерации, но и в целом незаконной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипцев Н. И., Архипцев И. Н. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации: особенности преступности иностранных граждан и лиц без гражданства // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2010. № 2 (73). С. 95–103.
2. Асмандиярова Н. Р. Борьба с незаконной миграцией на региональном уровне: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Республики Башкортостан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 273 с.
3. Ахмедов М. Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 294 с.
4. Байбурина Э. Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 208 с.
5. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.
6. Идаятов Р. И. Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические проблемы: региональный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 244 с.
7. Кулишов В. На границе России в год пресекаем десятки тысяч нарушений. URL: <https://ria.ru/20180528/1521303827.html> (дата обращения: 27.03.2017).
8. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. 296 с.
9. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 339 с.
10. Магеррамов М. А. Нелегальная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие: по материалам России и Азербайджана : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с.

11. Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 25.04.2018 № 174 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 18. Ст. 2614.
12. Отчет № 10.1 о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2017 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 20.08.2018).
13. Постановление Печорского районного суда Псковской области № 5-187/2018 от 19.07.2018. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 12.12.2018).
14. Приговор Быковского районного суда Волгоградской области от 14.12.2012 в отношении Аминжони Абдурашид, осужденного по ч. 1 ст. 322, ч. 1 ст. 30, п. «Г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. URL: <https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-473760526/> (дата обращения: 20.08.2018).
15. Решение Верховного Суда Республики Карелия по делу № 21-88/2016 от 02.03.2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-514831609/> (дата обращения: 27.03.2016).
16. Решение Чертковского районного суда Ростовской области по делу № 12-10/2016 от 26.02.2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-514831609/> (дата обращения: 27.03.2016).
17. Сведения о состоянии миграционной ситуации в Российской Федерации за 2014 и 2017 гг. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/> (дата обращения: 05.02.2019).
18. Сводные статистические сведения Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.01.2019).
19. Уголовный кодекс РСФСР : утв. Верхов. Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
20. Урда М. Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное пересечение государственной границы // Уголов. юстиция. 2017. № 1 (9). С. 33.
21. Устинова Т. Незаконное пересечение Государственной границы РФ // Законность. 2006. № 4. С. 15–18.
22. Уторова Т. Н. Дифференциация наказаний за преступления в сфере миграции // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 56–60.
23. Шкилев А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 237 с.

REFERENCES

1. Arhipcev N. I., Arhipcev I. N. *Nezakonnoe pereesechenie Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii: osobennosti prestupnosti inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva* [Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation: Peculiarities of the Crime of Foreign Citizens and Stateless Persons]. Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta – Scientific statements of Belgorod State University. 2010. Iss. 2 (73). P. 95–103. (In Russ.).
2. Asmandiyarova N. R. *Bor'ba s nezakonnoj migraciej na regional'nom urovne: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: po materialam Respubliki Bashkortostan* : dis. ... kand. jurid. nauk [Combating illegal migration at the regional level: criminal law and criminological aspects: based on the materials of the Republic of Bashkortostan : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2008. 273 p. (In Russ.).
3. Ahmedov M. N. *Protivodejstvie nelegal'noj migracii: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty* : dis. ... kand. jurid. nauk [Counteraction of illegal migration: criminal law and criminological aspects : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2016. 294 p. (In Russ.).
4. Bajburina E.H.R. *Organizaciya nezakonnoj migracii: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* : dis. ... kand. jurid. nauk [Organization of illegal migration: criminal law and criminological aspects : the diss. ... PhD. in Law]. Chelyabinsk, 2010. 208 p. (In Russ.).
5. Ivanchin A. V. *Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya* : dis. ... d-ra jurid. nauk [Century Conceptual framework for the design of the crime : the diss. ... Dsc. in Law]. Yaroslavl, 2014. 462 p. (In Russ.).
6. Idayatov R. I. *Nezakonnoe pereesechenie gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy: regional'nyj aspekt* : dis. ... kand. jurid. nauk [Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation: Criminal Law and Criminological Problems: Regional Aspect : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2008. 244 p. (In Russ.).
7. Kulishov V. *Na granice Rossii v god presekaem desyatki tysyach narushenij* [On the border of Russia, we stop tens of thousands of violations a year]. Available at: <https://ria.ru/20180528/1521303827.html> (accessed 27.03.2017). (In Russ.).
8. Lesnievski-Kostareva T. A. *Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice]. Moscow, 1998. 296 p. (In Russ.).
9. Lopashenko N. A. *Osnovy ugovolno-pravovogo vozdejstviya: ugovolnoe pravo, ugovolno-pravovaya politika* [Basics of criminal law impact: criminal right, criminal law, criminal law policy]. St. Petersburg, 2004. 339 p. (In Russ.).
10. Magerramov M. A. *Nelegal'naya migraciya: ponyatie, obshchestvennaya opasnost', ugovolno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodejstvie: po materialam Rossii i Azerbajdzhana* : dis. ... kand. jurid. nauk [Illegal migration: concept, social danger, criminal law and criminological opposition: based on materials from Russia and Azerbaijan : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2008. 202 p. (In Russ.).
11. Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 25.04.2018 № 174 [On the approval of the Fundamentals of the State Border Policy of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation from 25.04.2017 No. 174]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018. Iss. 18. Art. 2614. (In Russ.).
12. Отчет № 10.1 о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2017 г. [Report No. 10.1 on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment for 12 months of 2017]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (accessed 20.08.2018). (In Russ.).
13. Postanovlenie Pechorskogo rajonnogo suda Pskovskoj oblasti № 5-187/2018 от 19.07.2018 [13. Resolution of the Pechora District Court of the Pskov Region from 19.07.2018 No. 5-187/2018]. Available at: URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/> (accessed 12.12.2018). (In Russ.).
14. Prigovor Bykovskogo rajonnogo suda Volgogradskoj oblasti от 14.12.2012 в отношении Аминжони Абдурашид, осужденного по ч. 1 ст. 322, ч. 1 ст. 30, п. «Г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ [The verdict of the Bykovsky District Court of the Volgograd Region from 14.12.2012 in respect of Aminjoni Abdurashid, convicted under Part 1 of Art. 322, Part 1 of Art. 30, p. «G» Part 3 Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Available at: URL: <https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-oblastnoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-473760526/> (accessed 20.08.2018). (In Russ.).
15. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Kareliya по делу № 21-88/2016 от 02.03.2016 [The decision of the Supreme Court of the Republic of Karelia on case No. 21-88/2016 from 02.03.2016]. Available at: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-514831609/> (accessed 27.03.2016). (In Russ.).

16. Reshenie Chertkovskogo rajonnogo suda Rostovskoj oblasti po delu № 12-10/2016 ot 26.02.2016 [The decision of the Chertkovsky District Court of the Rostov Region in case No. 12-10/2016 from 26.02.2016]. Available at: <https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-514831609/> (accessed 27.03.2016). (In Russ.).
17. Svedeniya o sostoyanii migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za 2014 i 2017 gg. [Information on the state of the migration situation in the Russian Federation for 2014 and 2017]. Available at: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/> (accessed 05.02.2016). (In Russ.).
18. Svodnye statisticheskie svedeniya Sudebnogo Departamenta Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii o sostoyanii sudimosti v Rossii [Summary statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation on the state of criminal record in Russia]. Available at: <http://www.cdep.ru> (accessed 12.01.2019). (In Russ.).
9. Ugolovnyj kodeks RSFSR : utv. Verhov. Sovetom RSFSR 27.10.1960 [Criminal Code of the RSFSR : approved by the Supreme Court of the RSFSR 27.10.1960]. Ведомости Верхов. Совета РСФСР – Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. Iss. 40. Art. 591. (In Russ.).
20. Urda M. N. Problemy primeneniya normy, ustanavlivayushchej otvetstvennost' za nezakonnoe peresechenie gosudarstvennoj granicy [Problems of application of the norm establishing liability for illegal crossing of the state border]. Ugolov. yusticiya – Criminal justice. 2017. Iss. 1 (9). P. 33. (In Russ.).
21. Ustinova T. Nezakonnoe peresechenie Gosudarstvennoj granicy RF [Illegal crossing of the state border of the Russian Federation]. Zakonnost' – Legality. 2006. Iss. 4. P. 15–18. (In Russ.).
22. Utorova T. N. Differenciaciya nakazaniy za prestupleniya v sfere migracii [Differentiation of penalties for crimes in the field of migration]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 4 (36). P. 56–60. (In Russ.).
23. SHkilev A. N. Migraciya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk [Migration: criminal law and criminological aspects : the diss. ... PhD. in Law]. Nizhny Novgorod, 2006. 237 p. (In Russ.).

УДК 340

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-96-102

Некоторые общетеоретические и технико-юридические аспекты правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства

В. В. КАРПУНИНА – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Предметом исследования в статье является правовая культура уголовно-исполнительного законодательства как ценностное социально-правовое явление. Автором выявляются особенности и недостатки правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства на основе общетеоретического и технико-юридического анализа.

Общетеоретическое исследование правовой культуры законодательства позволяет рассматривать ее в неразрывной связи с системой правовых ценностей и целей правового регулирования общественных отношений. Понятие «правовая культура уголовно-исполнительного законодательства» отражает ценностный срез функционирования соответствующей отрасли права.

Юридическая техника позволяет увидеть внутреннюю, глубинную сущность правовой культуры законодательства, определить существующие дефекты и наметить пути их исправления. Качественное состояние правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства зависит от технико-юридического уровня совершенства юридических норм и их способности достигать социальных целей.

Технико-юридический инструментарий уголовно-исполнительного законодательства обладает совокупностью качеств, которые обусловлены природой юридической техники как техники социально-правового регулирования.

Для повышения технико-юридического уровня правовой культуры требуется закрепление в уголовно-исполнительном кодексе последовательной системы правовых процедур исполнения уголовных наказаний, исключение отдельных норм, не соответствующих существующим социально-экономическим условиям и не способствующих достижению цели уголовно-исполнительного законодательства.

Сформулированные в статье выводы и сделанные обобщения могут быть использованы в процессе подготовки предложений, направленных на совершенствование существующей правовой политики в сфере исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: правовая культура; правовые ценности; юридическая техника; уголовно-исполнительное законодательство; качество юридических норм.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Some general theoretical, technical and legal aspects of the legal culture of the penal legislation

V. V. KARPUNINA – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The subject of the research in the article is the legal culture of the penal legislation as a value socio-legal phenomenon. The author identifies the features and shortcomings of the legal culture of the penal legislation on the basis of general theoretical and technical-legal analysis.

A general theoretical study of the legal culture of legislation makes it possible to consider it in close connection with the system of legal values and the objectives of the legal regulation of social relations. The concept of "legal culture of the penal legislation" reflects the value slice of the functioning of the relevant branch of law.

Legal technology allows you to see the inner, deep essence of the legal culture of legislation, identify existing defects and identify ways to correct them. The qualitative state of the legal culture of the penal legislation depends on the technical and legal level of perfection of legal norms and their ability to achieve social goals.

Technical and legal tools of the penal legislation have a set of qualities that are due to the nature of legal technology as a technique of social and legal regulation. To increase the technical and legal level of the legal culture it is necessary to fix a coherent system of legal procedures for the execution of criminal sentences in the penal code; exclusion of certain norms that do not correspond to the existing socio-economic conditions and do not contribute to the achievement of the goal of the penal legislation.

The conclusions and generalizations formulated in the article can be used in the process of preparing proposals aimed at improving the existing legal policy in the field of the execution of criminal sentences.

Key words: legal culture; legal values; legal technology; penal legislation; quality of legal norms.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Понятие «культура» образует одну из сложнейших проблем гуманитарной науки. В юриспруденции проблематика правовой культуры занимает свое достойное место. Анализ этого явления посвящено значительное количество научных работ. Многообразие сложившихся подходов обусловлено поликонтекстуальностью таких понятий, как право и культура [4, с. 14]. Анализу и типологии имеющихся теорий посвящены отдельные научные работы [7, с. 73], поэтому считаем нецелесообразным подробно останавливаться на критике существующих определений. Полагаем, что в целях достижения цели статьи методологически оправданным будет использование ценностного подхода, в рамках которого понятие правовой культуры рассматривается в связи с системой правовых ценностей. Так, по мнению Е. Б. Конищенко, правовая культура представляет собой совокупность ценностей, юридических институтов и процессов, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе [2, с. 32].

Важной составляющей правовой культуры общества является правовая культура

законодательства. Это понятие позволяет раскрыть социальную значимость и технико-юридический уровень юридических норм. К сожалению, на современном этапе в сфере правотворчества наблюдается ряд негативных тенденций, снижающих уровень законодательной культуры. Так, Н. А. Власенко и М. В. Залоило отмечают, что происходит увеличение законодательного массива без необходимости, количественный рост законодательства приводит к потере связи с реальными общественными процессами, снижается доверие населения к правовым институтам и закону как фактору устойчивости правовой системы [1, с. 83].

Таким образом, следует признать, что изучение правовой культуры российского законодательства является важной исследовательской задачей, имеющей как теоретическое, так и практическое значение.

Переходя к анализу правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства, можно выделить ряд юридических и социальных сторон, характеризующих как общие, так и особенные признаки этого понятия.

Правовой культуре законодательства вообще и уголовно-исполнительного в част-

ности присущи такие черты, как полнота регулируемых отношений, отсутствие коллизий, точность и однозначность правовых норм, их согласованность. Указанные признаки (а также ряд других) характеризуют технико-юридическое совершенство юридических норм и форм их выражения. В этой связи понятие правовой культуры законодательства невозможно рассмотреть без анализа его технико-юридической стороны.

Среди особенных признаков правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства необходимо выделить те, которые характеризуют социальные цели и средства их достижения. К примеру, достижение цели исправления осужденных на основе принципов гуманизма и уважения прав и свобод человека выступает фундаментальным аспектом социальной стороны правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства.

В качестве рабочего определения правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства можно предложить следующее: качественное состояние уголовно-исполнительного законодательства, отражающее уровень его технико-юридического совершенства и способность обеспечить достижение социальных целей.

Технико-юридическая сторона правовой культуры связывает в единое целое как юридические, так и социальные признаки. Центральная роль юридической техники обусловлена тем, что она напрямую способствует переводу потребностей общественного развития в систему общеобязательных правовых предписаний. В определенном смысле можно утверждать, что правовая культура законодательства есть технико-юридическая культура.

Понятие «технико-юридическая культура законодательства» позволяет увидеть формальную и содержательную сторону результатов правотворческого процесса. Формальная сторона характеризует систему норм с точки зрения таких правил, как полнота, ясность, непротиворечивость и т. д., содержательная отражает то, в какой мере социальные интересы и потребности получили нормативное закрепление и охрану в действующем праве.

Высказанные нами соображения являются общими и объективно требуют определенной аргументации и пояснения. Начать следует с анализа понятия «юридическая техника», рассматривая ее как технику социально-правового регулирования.

Понимание юридической техники в широком смысле как техники регулирования

общественных отношений уходит своими корнями в конец XIX – начало XX вв. и связано с трудами таких западноевропейских ученых, как Р. Штаммлер, Л. Дюги, Р. Иеринг, Ф. Жени, Р. Демог. В российской юридической науке этот подход стал востребованным лишь в начале XXI в. Ярким примером может служить представление В. В. Лазарева о способах правового регулирования как технико-юридических приемах. Анализируя запреты и дозволения, исследователь отмечает, что они в зависимости от целей могут формулироваться разными способами [3, с. 409].

Заслуживают внимания рассуждения В. М. Сырых о юридической технике социальной инженерии. Ученый рассматривает законотворческий процесс как вид социальной инженерии, требующий применения специфических методов, и указывает на то, что «законодатель творит законы своим особым методом, который охватывается понятием законодательной техники» [8, с. 51].

Рассмотрение юридической техники как техники регулирования применительно к уголовно-исполнительному законодательству позволяет выделить ряд его качественных особенностей, отражающих специфику технико-юридической природы. В частности, следует назвать такие технико-юридические качества, как телеологичность, процедурность, социально-правовая обусловленность, функциональная однородность. Раскроем их содержание.

Телеологичность означает ориентацию технико-юридического инструментария на достижение правовых целей. Исправление осужденных (ч. 1 ст. 1 УИК РФ) имеет системообразующее значение для уголовно-исполнительного законодательства. Достижение этой цели заставило законодателя использовать специфические технико-юридические средства и конструкции (к примеру, конструкции режима исправительного учреждения и условий отбывания наказания, понятия «положительно характеризующиеся осужденные», «злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания» и ряд других). Кроме того, ст. 8 УИК РФ закрепляет такой принцип, как соединение наказания с исправительным воздействием. Следует обратить внимание на органичное взаимодействие в нем социальной и юридической сторон. Часть 1 ст. 9 УИК РФ содержит законодательное определение понятия «исправление осужденных», в котором преобладают социальные признаки (формирование уважительного отношения), а ч. 2 этой же статьи включает в себя пере-

чень средств исправления, в числе которых есть как юридические (режим), так и неюридические (получение общего образования, профессиональное обучение).

Процедурность означает, что юридическая техника должна определять содержание правовых процедур. Следует учитывать, что уголовно-исполнительное право не есть процессуальная отрасль. В нем отсутствуют четкие стадии, характерные для уголовного либо гражданского процесса. Вместе с тем оно носит ярко выраженный процедурный характер. Процедурная сущность определяется исходной целью (исправлением осужденных), достижение которой связано с реализацией судебного решения о назначении уголовного наказания виновному лицу. Кроме того, содержание ч. 2 ст. 2 УИК РФ гласит, что уголовно-исполнительное законодательство должно нормативно определять процедуры таких порядков, как 1) порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; 2) порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; 3) порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; 4) порядок освобождения от наказания; 5) порядок оказания помощи освобождаемым лицам.

Однако, если обратиться к анализу уголовно-исполнительного кодекса, можно обнаружить, что в нем преобладают не процедурные, а материальные нормы. Использование юридической техники при конструировании УИК РФ носит компетентностный, а не процедурный характер. Иными словами, в кодексе закрепляются права и обязанности учреждений уголовно-исполнительной системы и осужденных, требования режима, условия содержания. При этом правовая процедура в смысле последовательности действий, совершаемых при наличии соответствующих юридических фактов, в УИК РФ отсутствует. Этот недостаток восполняется на подзаконном уровне, прежде всего в таком документе, как Правила внутреннего распорядка [6]. В них содержатся процедурные нормы, определяющие порядок приема осужденных в исправительное учреждение, привлечения к труду, личного приема, проверки наличия осужденных и их передвижения. Полагаем, что нормы, устанавливающие правовые процедуры исполнения уголовного наказания, имеют законодательную, а не подзаконную природу.

Социально-правовая обусловленность предполагает, что содержание действующих норм находится в зависимости от характера фактических общественных отношений. Соответственно, выражая правовую политику государства, нормы права обеспечивают развитие либо торможение этих отношений.

На современном этапе правовая политика российского государства в сфере развития уголовно-исполнительной системы ориентирована на последовательную гуманизацию. Вместе с тем до настоящего времени сохраняются нормы, которые носят либо дискриминационный, либо избыточный (с точки зрения сущности уголовного наказания в виде лишения свободы) характер. Приведем некоторые примеры. В соответствии со ст. 96 УИК РФ ВИЧ-инфицированные осужденные не имеют права на передвижение без конвоя или сопровождения; ст. 97 УИК РФ устанавливает запрет на выезды за пределы исправительного учреждения для этой категории. Подобного рода ограничения вполне допустимы в отношении таких категорий осужденных, как больные открытой формой туберкулеза, не прошедшие полного курса лечения от венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании, но применительно к ВИЧ-инфицированным осужденным они представляются избыточными. Положительный ВИЧ-статус не может передаваться воздушно-капельным путем либо в результате телесного контакта (к примеру, при рукопожатии). Очевидно, что ряд норм УИК РФ носят дискриминационный характер и фактически нарушают принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Существующие ограничения оправданы лишь в отношении тех лиц, которые осуждены по ст. 121 (заражение венерической болезнью) и 122 (заражение ВИЧ-инфекцией) УК РФ.

В УИК РФ существуют нормы, регламентирующие приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. В частности, ст. 88 УИК РФ устанавливает возможность приобретать их по безналичному расчету за счет средств, заработанных в период отбывания наказания, а также за счет получаемых пенсий, социальных пособий и переводов денежных средств. При этом в ч. 2 ст. 88 УИК РФ закреплено, что средства, заработанные осужденными в период отбывания наказания, получаемые ими пенсии и социальные пособия могут без ограничения расходоваться на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимо-

сти. Иные денежные средства (а именно полученные за счет переводов) тратятся лимитированно в зависимости от вида исправительного учреждения и условий содержания (ст. 121, 123, 125, 131, 135 УИК РФ).

На наш взгляд, существующие ограничения носят избыточный характер с точки зрения природы лишения свободы. Ограничения на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости противоречат принципу гуманизма и способствуют возникновению социально-психологической напряженности, но никак не служат цели исправления осужденных. В российском законодательстве существует институт прожиточного минимума. Представляется, что в УИК РФ должна содержаться отсылка к нормам именно этого института, при этом условия содержания осужденных не должны влиять на реализацию их естественных прав, направленных на поддержание физического здоровья и соблюдение норм гигиены.

Функциональная однородность – юридическая техника, используемая в уголовно-исполнительном законодательстве, обеспечивает качественную определенность предмета и метода правового регулирования. Уровень правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства позволяет с уверенностью говорить о самостоятельном характере отрасли права. Иными словами, фундаментальные категории предмета и метода правового регулирования обладают важными технико-юридическими особенностями, что обеспечивает специфическое воздействие на систему общественных отношений.

Предмет правового регулирования представляет собой определенное единство юридических норм и общественных отношений. Это единство обусловлено качественно однородным технико-юридическим инструментарием и, прежде всего, терминологией, принципами, юридическими конструкциями. Несмотря на признание самостоятельного статуса отрасли уголовно-исполнительного права, в настоящее время имеется ряд дискуссионных аспектов, характеризующих ее предмет.

В частности, существует технико-юридическая неопределенность в принадлежности отдельных институтов к отрасли уголовного либо уголовно-исполнительного права. Ярким примером может служить институт освобождения от уголовного наказания, который регламентируется как нормами УК РФ (ст. 79–83), так и нормами УИК РФ (ст. 172).

Следует заметить, что в УК РФ этот институт раскрывается в относительно узком смысле – как совокупность норм, регламентирующих досрочное освобождение. А УИК РФ рассматривает освобождение более широко, поскольку закрепляет такие основания, как отбытие срока наказания, назначенного по приговору суда, и отмена приговора суда с прекращением дела производством. Нельзя не обратить внимания и еще на одно технико-юридическое отличие: если в УК РФ используется прием закрытого перечня, то в УИК РФ перечень носит открытый характер.

На наш взгляд, институт освобождения от уголовного наказания нельзя рассматривать как межотраслевой. Отраслевая природа этого института обусловлена характером правоисполнительной деятельности, осуществляемой после постановления приговора суда. В связи с этим институт освобождения от уголовного наказания должен принадлежать предмету уголовно-исполнительного, а не уголовного права.

Несовершенство технико-юридического инструментария обуславливает частичное пересечение предметов близких отраслей права. Правовая культура законодательства должна исключать подобные явления, однако, к сожалению, они еще встречаются. Приведем несколько примеров. Так, ст. 27 УИК РФ устанавливает исчисление срока обязательных работ в часах (ч. 1), а также время работ в выходные и рабочие дни (ч. 2). Представляется, что данные материальные нормы носят уголовно-правовой характер, поэтому должны находиться в ст. 49 УК РФ. В этой связи ч. 1 ст. 39 УИК РФ, регламентируя вопросы назначения исправительных работ, фактически дублирует нормативные положения ч. 1 ст. 50 УК РФ и является информационно избыточной.

Заслуживает пристального внимания проблема законодательного закрепления понятия «законные интересы», которое активно используется в российском законодательстве, например в ст. 36 и 55 Конституции Российской Федерации, гл. 58 Трудового кодекса Российской Федерации. В ч. 2 ст. 1 УИК РФ устанавливается, что задачей уголовно-исполнительного законодательства является охрана прав и свобод осужденных, а также их законных интересов. Следует заметить, что законодательное определение последних отсутствует. В связи с введением в российское законодательство института антикоррупционной экспертизы понятие «законные интересы» приобретает коррупционный характер.

В наиболее общем виде законные интересы можно определить как предусмотренную законодательством возможность поведения субъектов, которая находится в зависимости от усмотрения должностных лиц. Ярким примером законных интересов в уголовно-исполнительном законодательстве могут служить следующие предписания. Так, положительно характеризующиеся осужденные, отбывшие определенную часть наказания, в соответствии со ст. 78 УИК РФ приобретают юридическую возможность изменить вид исправительного учреждения, реализация которой зависит от усмотрения суда. В соответствии со ст. 97 УИК РФ законным интересом осужденных являются выезды за пределы исправительных учреждений. При этом разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником исправительного учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного (ч. 6 ст. 97 УИК РФ).

Следует обратить внимание на то, что реализация юридической возможности всегда находится в тесной связи с усмотрением должностных лиц. Однако в соответствии с Методикой проведения антикоррупционной экспертизы [5] определение компетенции по формуле «вправе», то есть диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций, является коррупциогенным фактором.

В результате значительная часть нормативных правовых предписаний по формаль-

ным признакам должна быть исключена из российского законодательства. Вместе с тем следует учитывать, что существование специфических и отличающихся друг от друга конструкций субъективного права и законных интересов является четко выраженной позицией законодателя, имеющей конституционно-правовую природу. В этой связи в целях обеспечения согласованности норм российского законодательства крайне необходимы дефиниция законных интересов и нормативное разграничение (возможно посредством такого приема, как перечень) субъективных прав и законных интересов.

В заключение хочется отметить, что исследование правовой культуры имеет не только общетеоретическое, но и отраслевое значение. Общетеоретические категории позволяют увидеть фундаментальные связи и зависимости правовых явлений. Так, методологическое значение понятия «правовая культура уголовно-исполнительного законодательства» заключается в комплексном анализе качественной стороны функционирования юридических норм, а также в одновременном охвате как юридических, так и социальных (ценностных) сторон действия права.

Исследование правовой культуры в контексте юридической техники позволило выявить их взаимную обусловленность. При этом технико-юридическая природа правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства обусловлена специфическим инструментарием, использованным в правотворчестве, а также функциональной ролью отрасли уголовно-исполнительного права в отечественной системе права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юрид. техника. 2016. № 10. С. 78–89.
2. Конищенко Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 182 с.
3. Лазарев В. В. Запрет и дозволение как технико-юридические способы формулирования правовой нормы // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 402–414.
4. Медведев В. А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2004. 213 с.
5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства Рос. Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.
6. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 28.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.12.2016).
7. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журн. рос. права. 2004. № 3. С. 70–81.
8. Сырых В. М. Законотворчество как вид социального проектирования // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 45–53.

REFERENCES

1. Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. Sostoyanie zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noj kul'tury i standartizaciya zakonotvorchestva [State of legislation, level of legislative culture and standardization of lawmaking]. YUrid. tekhnika – Legal technology. 2016. Iss. 10. P. 78–89. (In Russ.).

2. Konichenko E. B. Pravovaya kul'tura sotrudnikov penitenciarnoj sistemy v sovremennom rossijskom obshchestve (obshcheppravovoj analiz) : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal culture of employees of the penitentiary system in modern Russian society (general legal analysis) : the diss. ... PhD. in Law]. Vladimir, 2005. 182 p. (In Russ.).
3. Lazarev V. V. Zapret i dozvolenie kak tekhniko-yuridicheskie sposoby formulirovaniya pravovoj normy [Prohibition and permission as a technical-legal means of formulating a legal norm]. Problemy juridicheskoy tekhniki : sb. st. / pod red. V. M. Baranova – Problems of legal technology : collection of articles : ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. P. 402–414. (In Russ.).
4. Medvedev V. A. Pravovaya kul'tura rossijskogo obshchestva: osobennosti i tendencii razvitiya : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal culture of the Russian society: features and development trends : the diss. ... PhD. in Law]. Cheboksary, 2004. 213 p. (In Russ.).
5. Ob antikorrupcionnoj ehkspertize normativnyh pravovyh aktov i proektov normativnyh pravovyh aktov : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 26.02.2010 № 96 (red. ot 10.07.2017) [On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts : Decree of the Government of the Russian Federation from 26.02.2010 No. 96 (in red. on 10.07.2017)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 10. Art. 1084. (In Russ.).
6. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij : prikaz Minyusta Rossii ot 16.12.2016 № 295 (red. ot 28.12.2017) [On approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions : Order of the Ministry of Justice of Russian Federation from 16.12.2016 No. 295 (in red. on 28.12.2017)]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 27.12.2017). (In Russ.).
7. Pevcova E. A. Sovremennye definitivnye podhody k pravovoj kul'ture i pravovomu soznaniyu [Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness]. Zhurn. ros. prava – Journal of Russian law. 2004. Iss. 3. P. 70–81. (In Russ.).
8. Syryh V. M. Zakonotvorchestvo kak vid social'nogo proektirovaniya [Lawmaking as a type of social design]. Problemy juridicheskoy tekhniki : sb. st. / pod red. V. M. Baranova – Problems of legal technology : collection of articles : ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. P. 45–53. (In Russ.).

УДК 343.8

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-102-110

Значение юридических фактов в механизме уголовно-исполнительного регулирования

Е. Е. НОВИКОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Статья посвящена исследованию роли юридических фактов в механизме уголовно-исполнительного регулирования.

В процессе анализа юридических фактов, содержащихся в уголовно-исполнительном законодательстве, были сформулированы следующие выводы, заслуживающие внимания:

- нормы уголовно-исполнительного права, будучи одним из основных элементов системы механизма уголовно-исполнительного регулирования, выводятся в сферу практического их применения юридическими фактами. Отсутствие юридического факта при наличии достаточных оснований применения предписания дает основания полагать, что закрепленное в законе правило будет являться «проблемным» или, в некоторых случаях, «мертвым»;

- механизм уголовно-исполнительного регулирования содержит две группы юридических фактов. Первая группа (основная) юридических фактов влияет на уголовно-исполнительные правоотношения, которые рассматриваемый механизм непосредственно регулирует. Вторая группа (специальная) юридических фактов образует общественные отношения, которые исследуемый механизм не регулирует, но оказывает правовое воздействие;

- существование и ликвидация механизма уголовно-исполнительного регулирования зависят только от двух видов юридических фактов: первый детерминирует запуск механизма уголовно-исполнительного регулирования, порождая общие уголовно-исполнительные правоотношения, а второй, освобождая осужденного от отбывания наказания, останавливает действие рассматриваемой системы юридических средств. Все остальные виды юридических фактов только изменяют, трансформируют механизм уголовно-исполнительного регулирования;

- момент порождения юридическим фактом общего правоотношения не всегда совпадает с моментом запуска механизма уголовно-исполнительного регулирования.

ния. Другими словами, уголовно-исполнительное правоотношение может быть создано, но механизм запускается позже;

– систему юридических средств, формирующих механизм уголовно-исполнительного регулирования, составляют юридические факты, не закрепленные в нормах пенитенциарного законодательства, но необходимые для достижения его целей. Речь идет об индивидуальных актах участников уголовно-исполнительных правоотношений.

Ключевые слова: механизм уголовно-исполнительного регулирования; юридические факты; уголовно-исполнительная норма; уголовно-исполнительные правоотношения; осужденный.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The value of legal facts in the mechanism of the penal regulation

E. E. NOVIKOV – Associate Professor of the Department of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article is devoted to the study of the role of legal facts in the mechanism of the penal regulation.

In the process of analyzing the legal facts contained in the penal legislation the following conclusions were formulated that deserve attention:

– the norms of the penal law being one of the main elements of the system of the mechanism of the penal regulation are brought into the sphere of their practical application by legal facts. The absence of a legal fact, if there are sufficient grounds for the application of the prescription, suggests that the rule laid down in the law will be “problematic” or in some cases “dead”;

– the mechanism of the penal regulation contains two groups of legal facts. The first group (main) of legal facts influences the penal law relations, which the mechanism in question directly regulates. The second group (special) of legal facts forms social relations, which the mechanism under study does not regulate, but has a legal effect;

– the existence and liquidation of the mechanism of the penal regulation depends only on two types of legal facts: the first determines the launch of the mechanism of the penal regulation, giving rise to general penal relations, and the second, freeing the convict from serving the sentence, stops the action of the system of legal means in question. All other types of legal facts only change, transform the mechanism of the penal regulation;

– the moment of generation by a legal fact of general legal relationship does not always coincide with the moment of launching the mechanism of the penal regulation. In other words a penal relationship can be created, but the mechanism starts later;

– the system of legal means that form the mechanism of the penal regulation consists of legal facts that are not fixed in the norms of the penal legislation, but are necessary to achieve its goals. We are talking about individual acts of the participants of the penal relations.

Key words: mechanism of the penal regulation; legal facts; penal rule; penal law relations; convicted.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Юридические факты являются одной из стержневых, доктринальных категорий юриспруденции. Без них, как и без норм права, немислимо правовое регулирование любых общественных отношений [4, с. 55], в том числе уголовно-исполнительных. Они, по мнению С. С. Алексеева, выступают в качестве «своеобразных рычагов, которые приводят в действие правовые нормы» [1, с. 152].

Следует согласиться с В. Б. Исаковым, который отмечал, что «теория юридических фактов не принадлежит к новым разделам юридической науки» [3, с. 3]. Проблемы юридических фактов старались решить как дореволюционные и советские правоведы, так ученые-юристы современной России.

Тем не менее юридические факты, оказывающие влияние на уголовно-исполнительные правоотношения, остались без научно-

го внимания, что не отвечает потребностям уголовно-исполнительной науки и практики применения. Лишь немногочисленные представители пенитенциарной науки в своих трудах рассматривали отдельные вопросы, касающиеся анализируемой правовой дефиниции [7–9], что свидетельствует о наличии «пустот» в блоке знаний, посвященных механизму уголовно-исполнительного регулирования.

Говоря о роли юридических фактов в механизме уголовно-исполнительного регулирования, в первую очередь следует отметить их влияние на нормы уголовно-исполнительного законодательства. Так, юридические факты связывают нормы, закрепленные в уголовно-исполнительном праве, с действительностью сферы исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер. Юридический факт дает норме возможность «реализовать себя», начать действовать.

Но если юридический факт, который должен вывести норму в плоскость ее применения, отсутствует, а основания (указанные в диспозиции) реализации предписания присутствуют, то закрепленное в законе правило будет являться «проблемным» или, в некоторых случаях, «мертвым». Это по общему правилу нарушает механизм уголовно-исполнительного регулирования, так как норма в праве закреплена, основания ее применения имеются, а юридический факт – нет.

К «проблемной» норме можно отнести ч. 3 ст. 121 УИК РФ, определяющую основание применения законного интереса осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях в исправительных колониях общего режима, в виде проживания за пределами исправительной колонии. Так, на 1 января 2018 г. количество лиц, которым было разрешено проживать за пределами колонии, составило 13 чел., что соответствует 0,078 % от общего количества осужденных, находящихся на облегченных условиях отбывания наказания в исправительных колониях общего режима (на 1 января 2018 г. – 16 541 чел.) [6, с. 281].

В качестве примера нереализуемой («мертвой») нормы можно привести предписание, содержащееся в ч. 13 ст. 16 УИК РФ, устанавливающей контроль уголовно-исполнительных инспекций за лицами, которым назначены принудительные меры медицинского характера на основании ч. 2.1 ст. 102 УК РФ.

Однако следует отметить, что отсутствие юридического факта, призванного вывести норму на уровень ее применения, не всегда

отрицательно влияет на механизм уголовно-исполнительного регулирования, так как предписание (или их группа) может «доказать» свою несостоятельность в процессе использования и/или быть не востребованным. В качестве примера можно привести нормы, регламентирующие исполнение и отбывание наказания в виде ареста, которые, по мнению В. А. Уткина, являются «мертворожденными» [10, с. 16].

По общему правилу юридическими фактами уголовно-исполнительного права выступают такие обстоятельства, которые имеют значение для общественных отношений, являющихся элементом механизма уголовно-исполнительного регулирования, что логично, так как любой юридический факт влияет на правоотношения той отрасли права, которой принадлежит. Данные юридические факты в механизме уголовно-исполнительного регулирования составляют подавляющее большинство.

Однако было бы неправильным не отметить, что механизм уголовно-исполнительного регулирования имеет незначительное количество юридических фактов, порождающих правоотношения, не являющиеся уголовно-исполнительными. Например, в ч. 1 ст. 173.1 УИК РФ определено, что суд устанавливает административный надзор за совершеннолетним лицом, освобожденным из мест лишения свободы, если оно отбывало наказание за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений. В приведенном случае юридически значимым будет являться факт установления надзора, но правоотношения, которые были порождены им, не являются предметом уголовно-исполнительного права и, соответственно, не находятся в сфере влияния механизма.

Приведем другой пример. Совокупность юридических фактов, определенных в уголовно-исполнительном законодательстве и иницирующих условно-досрочное освобождение осужденных, прекращает отношения в сфере исполнения и отбывания уголовного наказания и формирует правоотношения, касающиеся освобожденного лица и органа внутренних дел в лице участкового уполномоченного полиции.

Исходя из изложенного механизм уголовно-исполнительного регулирования содержит две группы юридических фактов. Первая группа (основная) влияет на уголовно-исполнительные правоотношения, которые рассматриваемый механизм непосредственно регулирует, вторая (специаль-

ная) – образует общественные отношения, которые исследуемый механизм не регулирует, но оказывает правовое воздействие.

Разные юридические факты оказывают неодинаковое влияние на механизм уголовно-исполнительного регулирования. Можно выделить следующие юридические факты: запускающие, изменяющие, приостанавливающие и ликвидирующие.

Прежде чем приступить к рассмотрению первого вида влияния юридических фактов, следует отметить, что однажды запущенный механизм уголовно-исполнительного регулирования функционирует на всем промежутке отбывания осужденным наказания или иной меры уголовно-правового характера.

В процессе функционирования рассматриваемый механизм может трансформироваться, подстраиваться под правоотношения, которые, в свою очередь, могут возникать, изменяться, прекращаться в процессе исполнения и отбывания уголовного наказания или меры. Другими словами, возникновение или прекращение правоотношения не всегда влечет за собой аналогичные последствия для механизма уголовно-исполнительного регулирования.

Механизм уголовно-исполнительного регулирования более стабилен, чем правоотношения, которые он призван обеспечивать. Только в двух случаях рассматриваемый механизм находится в абсолютной зависимости от юридического факта и порождает правоотношения. В первом случае запуск механизма уголовно-исполнительного регулирования неизбежен в связи с порождением юридическим фактом общего уголовно-исполнительного правоотношения. Во втором случае юридический факт, прекращая все правовые связи, освобождая осужденного от отбывания наказания, останавливает механизм уголовно-исполнительного регулирования.

Юридические факты, запускающие механизм уголовно-исполнительного регулирования, можно разделить на две группы. Первая группа фактов запускает механизм незамедлительно, то есть с момента влияния факта на правоотношение.

Например, факт вступления приговора суда в законную силу будет порождать правоотношения с одновременным запуском механизма уголовно-исполнительного регулирования в случае назначения наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ч. 1 ст. 61 УИК РФ).

Или факт вынесения судом обвинительного приговора запускает механизм уголовно-исполнительного регулирования, если в отношении военнослужащего, осужденного к аресту, ранее была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на гауптвахте. В данном случае военнослужащие направляются отбывать наказание «из зала суда под конвоем после вынесения судом приговора» [5, п. 14]. Указанная норма является спорной, так как, противореча предписаниям уголовно-процессуального законодательства, ликвидирует у осужденного право на апелляционное обжалование.

Вторая группа юридических фактов, порождая уголовно-исполнительные правоотношения, не всегда активизирует механизм уголовно-исполнительного регулирования. Другими словами, правовые связи могут быть сформированы и субъекты права наделены правовым положением, но механизм уголовно-исполнительного регулирования может находиться в статическом состоянии, функционировать не в полную силу. Аргументируем выдвинутое положение.

Факт вступления обвинительного приговора суда в законную силу образует общие уголовно-исполнительные правоотношения и наделяет осужденное лицо элементами правового положения. Но вопрос о реализации механизма уголовно-исполнительного регулирования вне зависимости от факта возникновения правоотношений остается открытым, так как субъект, обязанный привести приговор в исполнение, не начал осуществлять присущую ему деятельность. В данном случае рассматриваемый механизм может оказывать правовое воздействие, например на осужденного, но не регулировать сформированные правовые связи.

Механизм уголовно-исполнительного регулирования вступает в активную фазу с момента образования следующих юридических фактов:

- 1) получение уголовно-исполнительной инспекцией копии обвинительного приговора (определения, постановления) суда, вступившего в законную силу. Данное обстоятельство будет являться юридическим фактом, запускающим механизм уголовно-исполнительного регулирования исполнения и отбывания наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы. Указанный юридический факт будет иметь значение и для осуществления контроля за условно

осужденными лицами, наказание которых отсрочено, за исключением случаев, когда отсрочка предоставляется лицу, отбывающему наказание. В данном случае юридический факт не запускает, а изменяет уголовно-исполнительные правоотношения;

2) получение администрацией СИЗО извещения о вступлении приговора суда в законную силу. Это факт, запускающий механизм уголовно-исполнительного регулирования наказаний в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 75 УИК РФ);

3) для военнослужащих:

– получение командиром воинской части поступивших из суда копии приговора и распоряжения об исполнении (ч. 1 ст. 143 УИК РФ) наказания в виде ограничения по воинской службе;

– получение распоряжения суда начальником отдела военной полиции об исполнении приговора (если осужденный до вынесения обвинительного приговора суда не содержался под стражей: «Военнослужащие, осужденные к аресту с отбыванием наказания на гауптвахте, в отношении которых не избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, направляются под конвоем на гауптвахту в 10-дневный срок после получения распоряжения суда об исполнении приговора» [5, п. 14]);

– вынесение судом обвинительного приговора (если в отношении военнослужащего, осужденного к аресту, ранее была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на гауптвахте. В данном случае военнослужащие направляются отбывать наказание из зала суда под конвоем после вынесения судом приговора);

– получение военной полицией распоряжения суда об исполнении вступившего в законную силу приговора. Иницирует механизм уголовно-исполнительного регулирования наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части;

4) для осужденных к наказанию в виде смертной казни:

– вступивший в законную силу приговор суда;

– решение Президента Российской Федерации об отклонении ходатайства осужденного о помиловании или решение Президента Российской Федерации о неприменении помилования к осужденному, отказавшемуся от обращения с ходатайством о помиловании (ч. 4 ст. 184 УИК РФ).

Можно сделать вывод, что уголовно-исполнительное законодательство содержит различные основания, формирующие

общие уголовно-исполнительные правоотношения и запускающие механизм их регулирования. Но следует помнить, что факт возникновения только общих правоотношений детерминирует появление юридического факта, запускающего механизм уголовно-исполнительного регулирования. Специальные и индивидуальные правоотношения способны только изменить рассматриваемый механизм.

Механизм уголовно-исполнительного регулирования, находясь в пассивном состоянии, полностью не остается в стороне, воздействуя как на участников правоотношений (особенно на осужденного), так и на иных лиц. Другими словами, факт наложения взыскания, появления какой-либо обязанности и т. д. оказывает на субъект определенное давление, которому он, в конечном итоге, должен подчиниться.

Изменение механизма уголовно-исполнительного регулирования происходит в тот момент, когда юридический факт трансформирует общее или создает специальное уголовно-исполнительное правоотношение. Можно выделить три вида влияния: общее (концептуальное), родовое и непосредственное (рядовое).

Основными особенностями общего влияния юридических фактов, трансформирующего механизм уголовно-исполнительного регулирования, являются следующие:

– указанные юридические факты существенно изменяют уже запущенный и длительное время функционирующий механизм уголовно-исполнительного регулирования посредством замены одного вида уголовного наказания (меры) на другой;

– центральное место в создании указанных фактов занимает субъект, стоящий в стороне от процессов исполнения и отбывания уголовного наказания, – суд, который принимает окончательное решение, существенно влияющее на механизм уголовно-исполнительного регулирования;

– указанные факты-действия находятся в нормах уголовно-процессуального законодательства (ч. 2, 5, 7, 17, 17.2, 19 ст. 397 УПК РФ).

К данному виду относятся следующие юридические факты:

– все факты вынесения судом постановлений, направленных на замену наказаний в случае злостного уклонения от его отбывания;

– факты вынесения судом постановлений об отмене условного осуждения или всех видов отсрочки отбывания наказания;

– факт вынесения судом постановления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Указанные юридические факты, инициируя, например, замену наказания в виде ограничения свободы на лишение свободы, не ликвидируют связь между осужденным и государством. Субъект как был осужденным, так и остается им, но его правовое положение качественно модифицируется. Механизм уголовно-исполнительного регулирования, направленный, в первую очередь, на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, существенно изменяется, но не перестает действовать.

Родовое влияние юридических фактов на механизм уголовно-исполнительного регулирования заключается в следующем:

– воздействие фактов происходит в пределах исполнения конкретного вида уголовного наказания (например, механизм уголовно-исполнительного регулирования меняется только в границах отбывания наказания в виде лишения свободы);

– на рассматриваемый механизм могут влиять не только юридические факты-действия суда, но и активное поведение непосредственных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Это по общему правилу субъекты в лице администрации или начальника учреждения, исполняющего наказание;

– механизм уголовно-исполнительного регулирования значительно изменяется на длительный промежуток времени.

В качестве примеров можно привести юридические факты, оказывающие родовое влияние на механизм уголовно-исполнительного регулирования:

– факты вынесения судом постановлений, направленных на изменение вида исполнительного учреждения;

– факты принятия решений комиссий исправительных учреждений о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие;

– факты вынесения начальником исправительного учреждения или лицом, его замещающим, постановления о наложении мер взыскания в виде перевода осужденных в помещения камерного типа (одиночные камеры), единые помещения камерного типа;

– факт принятия начальником уголовно-исполнительной инспекции или лицом, его замещающим, решения о применении к осужденному к ограничению свободы технических средств надзора и контроля.

Полагаем, что юридические факты, оказывающие общее и родовое влияние, должны быть зафиксированы исключительно в нормах федерального законодательства, так как они детерминируют значительное изменение механизма уголовно-исполнительного регулирования. В данном контексте отметим, что указанное правило не всегда соблюдается законодателем.

Так, например, выделенный выше факт принятия начальником инспекции решения о применении к осужденному к ограничению свободы технических средств надзора и контроля зафиксирован не в УИК РФ, а в Приказе Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (п. 34). Основанием помещения указанной нормы в приказ № 258 послужила ч. 1 ст. 60 УИК РФ, в которой отмечено, что «порядок применения указанных технических средств определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Логично будет предположить, что принятие начальником соответствующего решения на длительное время задаст новый виток развития уголовно-исполнительных правоотношений и механизма, регулирующего их. Отсюда следует, что указанный юридический факт должен быть зафиксирован в соответствующих нормах федерального законодательства. Но это не означает, что указанное выше предписание должно быть ликвидировано. За федеральным органом исполнительной власти в лице Минюста России должно быть сохранено право определять содержание процессуальных норм уголовно-исполнительного права.

Исходя из вышеизложенного ч. 1 ст. 60 УИК РФ после слов «Правительством Российской Федерации» предлагаем дополнить нормами следующего содержания: «Начальник инспекции либо лицо, его замещающее, на основании сведений, характеризующих личность осужденного, а также исходя из технической возможности установки соответствующего оборудования может принять решение о применении к лицу технических средств надзора и контроля либо об отмене использования таковых. Порядок применения указанных технических средств определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной

политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Юридические факты, оказывающие непосредственное влияние на механизм уголовно-исполнительного регулирования, в первом случае могут порождать правоотношения на короткое время: факт принятия уголовно-исполнительной инспекцией решения о приводе осужденного к исправительным работам (ч. 3 ст. 39 УИК РФ) формирует правовую связь между инспекцией и осужденным или, например, постановление начальника исправительного учреждения о наложении взыскания в виде дисциплинарного штрафа определяет вектор развития правоотношения, связанного с наложением императивной нормы.

Во втором случае правоотношения могут быть созданы на длительный период, но их существование практически не изменяет механизм уголовно-исполнительного регулирования. Например, вынесение судом постановления о возложении на осужденного дополнительной обязанности в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ или решение суда о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного к принудительным работам в случае ухудшения его материального положения (ч. 4 ст. 60.10 УИК РФ).

В обоих случаях юридические факты поверхностно влияют на механизм уголовно-исполнительного регулирования. Он, функционируя в привычном режиме, «подстраивается» под возникшие правовые связи на время их существования.

В данном контексте отметим, что помимо суда или начальника исправительной колонии рассматриваемое воздействие может инициировать юридически значимое поведение «рядовых» субъектов, незначительно влияющих на уголовно-исполнительные правоотношения. Так, начальник отряда может оказать поверхностное влияние через применение меры поощрения в виде разрешения дополнительно расходовать деньги на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости (п. «б» ч. 2 ст. 116 УИК РФ), или, например, предварительное уведомление администрации организации, где работает осужденный к исправительным работам, о его переводе на другую должность или увольнение с работы также незначительно корректируют процесс исполнения и отбывания указанного выше наказания (ч. 1 ст. 43 УИК РФ) и т. д.

Юридические факты, в абсолютном большинстве ликвидирующие механизм уго-

ловно-исполнительного регулирования, представлены в пенитенциарном законодательстве в ограниченном количестве, а именно в следующих нормах ст. 172 УИК РФ: п. «а» – отбытие срока наказания, назначенного по приговору суда; п. «б» – отмена приговора суда с прекращением дела производством; п. «в» – условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; п. «д» – помилование или амнистия (при условии, что в отношении амнистированного лица приговор вступил в законную силу и обращен к исполнению). Именно эти юридические факты разрывают правовую связь между осужденным и государством.

Во всех остальных случаях, как уже было сказано выше, механизм уголовно-исполнительного регулирования изменяет свое содержание, но не прекращает действовать.

Отдельно следует отметить, что ряд юридических фактов может одновременно выполнять и другую функцию в механизме уголовно-исполнительного регулирования – «функцию индивидуального регламентатора» [2, с. 344] правоотношений. В данном случае речь идет о юридических фактах, содержащихся в индивидуальных актах участников уголовно-исполнительных правоотношений. Отличительной особенностью этих фактов является то, что они прямо не указаны в нормах пенитенциарного права, но их возникновение объективно необходимо.

В качестве примера можно привести приказ об определении осужденного на работу. Выделенный акт, во-первых, направлен на порождение индивидуальных правоотношений, возникающих в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, во-вторых, дополняет закрепленный в нормах уголовно-исполнительного законодательства механизм уголовно-исполнительного регулирования.

Таким образом, систему юридических средств, формирующих механизм уголовно-исполнительного регулирования, составляют элементы (в данном случае юридические факты), не закрепленные в нормах пенитенциарного законодательства, но необходимые для достижения его целей.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать следующие выводы:

1. Нормы уголовно-исполнительного права, будучи одним из основных элементов системы механизма уголовно-исполнительного регулирования, выводятся в сферу практического их применения юридическими фактами. Отсутствие юридического факта при наличии достаточных оснований

применения предписания дает основания полагать, что закрепленное в законе правило будет являться «проблемным» или, в некоторых случаях, «мертвым». По общему правилу это обстоятельство отрицательно сказывается на механизме уголовно-исполнительного регулирования, за исключением случаев, когда предписание доказало свою несостоятельность в процессе использования, в связи с чем является не востребовавшимся.

2. Механизм уголовно-исполнительного регулирования содержит две группы юридических фактов. Первая группа (основная) влияет на уголовно-исполнительные правоотношения, которые рассматриваемый механизм непосредственно регулирует, вторая (специальная) – образует общественные отношения, которые исследуемый механизм не регулирует, но оказывает правовое воздействие.

3. Существование и ликвидация механизма уголовно-исполнительного регулирования зависят только от двух видов юридических фактов. Первый детерминирует запуск механизма уголовно-исполнительного регулирования, порождая общие уголовно-исполнительные правоотношения, а второй, освобождая осужденного от отбывания наказания, останавливает действие рассматриваемой системы юридических средств. Все остальные виды юридических фактов только изменяют, трансформируют меха-

низм уголовно-исполнительного регулирования.

4. Момент порождения юридическим фактом общего правоотношения не всегда совпадает с моментом запуска механизма уголовно-исполнительного регулирования. Другими словами, уголовно-исполнительное правоотношение может быть создано, но механизм запускается позже.

5. Изменение механизма уголовно-исполнительного регулирования происходит в тот момент, когда юридический факт трансформирует общее или создает специальное уголовно-исполнительное правоотношение. Можно выделить три вида влияния юридических фактов, изменяющих механизм уголовно-исполнительного регулирования: общее (концептуальное), родовое и непосредственное (рядовое). Юридические факты, оказывающие общее и родовое влияние, должны быть зафиксированы исключительно в нормах федерального законодательства, так как они детерминируют значительное изменение механизма уголовно-исполнительного регулирования.

6. Систему юридических средств, формирующих механизм уголовно-исполнительного регулирования, составляют юридические факты, не закрепленные в нормах пенитенциарного законодательства, но необходимые для достижения его целей. Речь идет об индивидуальных актах участников уголовно-исполнительных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
3. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. 128 с.
4. Миннебаев Р. Х. К вопросу о понятии юридических фактов // Юрид. мир. 2011. № 3. С. 54–56.
5. Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими : приказ министра обороны Рос. Федерации от 20.10.2016 № 680. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 393 с.
7. Пинчук В. И. Исправительно-трудовые правоотношения : лекция. М., 1968. 43 с.
8. Полищук Н. И. Теоретическая модель взаимосвязи норм права, правоотношения и юридического факта : моногр. / под ред. С. А. Комарова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2008. 450 с.
9. Севрюгин А. С. Исправительно-трудовые правоотношения : учеб. пособие. Рязань, 1988. 37 с.
10. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, перспективы и проблемы. М., 2013. 66 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve [Mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, 1966. 187 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. Problemy teorii prava : kurs lekciy : v 2 t. [Problems of the theory of law: a course of lectures : in 2 vol.]. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russ.).
3. Isakov V. B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [The actual composition of the mechanism of legal regulation]. Saratov, 1980. 128 p. (In Russ.).
4. Minnebaev R. H. K voprosu o ponyatii yuridicheskikh faktov [To the question of the concept of legal facts]. YUrid. mir – Legal world. 2011. Iss. 3. P. 54–56. (In Russ.).
5. Ob utverzhdenii Pravil otbyvaniya ugovolnykh nakazaniy osuzhdennymi voennoslužhashchimi : prikaz ministra oborony Ros. Federacii ot 20.10.2016 № 680 [On approval of the Rules for serving criminal sentences by convicted servicemen: order of the Minister of Defense Ros. The Federation of 10/20/2016 No. 680]. Access from the reference legal system «Garant». (In Russ.).
6. Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar'–dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [Key performance indicators of the penal system (January–December 2017) : an information and analytical compendium]. Tver, 2018. 393 p. (In Russ.).

7. Pinchuk V. I. *Ispravitel'no-trudovye pravootnosheniya : lekciya* [Corrective Labor Relations : lecture]. Moscow, 1968. 43 p. (In Russ.).
8. Polishchuk N. I. *Teoreticheskaya model' vzaimosvyazi norm prava, pravootnosheniya i yuridicheskogo fakta : monogr. / pod red. S. A. Komarova. 2-e izd., dop. i pererab.* [The theoretical model of the relationship of the rule of law, legal relations and legal fact : monogr. : ed. by S. A. Komarov : 2nd ed., enl. and rev.]. St. Petersburg, 2008. 450 p. (In Russ.).
9. Sevryugin A. S. *Ispravitel'no-trudovye pravootnosheniya : ucheb. posobie* [Correctional labor relations : tutorial]. Ryazan', 1988. 37 p. (In Russ.).
10. Utkin V. A. *Al'ternativnye sankcii v Rossii: sostoyanie, perspektivy i problemy* [Alternative sanctions in Russia: state, prospects and problems]. Moscow, 2013. 66 p. (In Russ.).

УДК 316.754.4

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-110-115

Реализация иных убеждений несовершеннолетними осужденными: организационный и правовой аспекты

А. М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье автор актуализирует проблему узкого толкования реализации свободы совести и свободы вероисповедания. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», УИК РФ регламентируют реализацию исключительно религиозных убеждений. В то же время иные убеждения (политические, философские, идеологические), которые упоминаются в правовых актах, регулирующих разные сферы общественных отношений, без единого правового механизма остаются только декларируемыми.

Автор анализирует два направления реализации свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными: религиозный и нерелигиозный, обосновывает необходимость закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве расширенного трактования свободы совести и свободы вероисповедания, возможности их ограничения системой охранительных норм, а также политического информирования и идеологического просвещения несовершеннолетних осужденных.

В статье междисциплинарного изучения понятийного аппарата и правового тезауруса общественных отношений по реализации свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, определена сущность используемых правовых терминов, исследованы аспекты законодательной техники, международные стандарты обращения с осужденными, сформулированы предложения по совершенствованию правовых и организационных основ реализации свободы совести и вероисповедания несовершеннолетними осужденными.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; иные убеждения; несовершеннолетние осужденные; воспитательные колонии; логотерапия.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Realization of other convictions by convicted minors: organizational and legal aspects

A. M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

In the article the author actualizes the problem of narrow interpretation of the realization of the freedom of conscience and freedom of religion. The Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations", Penal Code of the RF regulates the implementation of exclusively religious beliefs. Other convictions (political, philosophical,

ideological) are mentioned in legal acts regulating various spheres of social relations, but without a single legal mechanism remain declarative. The author analyzes two directions of realization of freedom of conscience and freedom of religion by convicted minors: religious and non-religious and justifies the need to enshrine in the penal legislation an expanded interpretation of freedom of conscience and freedom of religion, the possibility of restricting them, providing for a system of protective norms; as well as political information and ideological education of minor convicts. As part of the study an interdisciplinary study of the conceptual apparatus and legal thesaurus of public relations on the implementation of freedom of conscience and freedom of religion by convicted minors serving a sentence of imprisonment was conducted, the essence of the legal terms used was investigated, aspects of the legislative technique, international standards for the treatment of convicts were investigated; there are formulated proposals to improve the legal and organizational framework for the implementation of freedom of conscience and religion of minor convicts.

Key words: freedom of conscience; freedom of religion; other convictions; minor convicts; educational colonies; logotherapy.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Основополагающим принципом уголовной политики является неотвратимость ответственности за совершенные преступления. Однако при решении профессионально-целевых задач по изобличению и наказанию лиц, совершивших преступления, не менее значимым является решение вопросов, касающихся соблюдения прав и свобод.

Реализация данной нормы рассмотрена на примере соблюдения правового статуса отбывающих наказания в воспитательных колониях несовершеннолетних осужденных, поскольку отклонения от нормы могут поставить под сомнение все усилия государства по исправлению данной категории лиц и их возвращению в общество. Под особым контролем государства должна находиться реализация несовершеннолетними осужденными свободы совести и вероисповедания.

Согласно Конституции Российской Федерации наша страна является светским государством, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Вместе с тем федеральное законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере реализации свободы совести и вероисповедания, сводит формирование убеждений к выбору религии либо отказу от ее исповедания, конституционный элемент «иные убеждения» отдельно не рассматривается и, соответственно, не регулируется. Статья же 14 УИК РФ сужает рассматриваемый институт до реализации религиозных убеждений,

исключая из статьи понятие «иные убеждения». Таким образом, столь значительный аспект исправления осужденных, как формирование социально приемлемых убеждений на основе уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, остается декларируемой нормой, не имеющей организационно-правового механизма реализации, несмотря на то, что научное исследование реализации свободы совести и вероисповедания несовершеннолетними осужденными в таком широком контексте имеет большое значение.

Во-первых, оно может повысить эффективность воспитательного воздействия, расширить арсенал воспитательных средств, применяемых к несовершеннолетним осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы. При этом следует учесть, что воспитательный эффект может проявляться как выборочно (в отношении несовершеннолетних, исповедующих ту или иную религию), так и в отношении всех несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, если речь идет о формировании не только религиозных, но и иных убеждений. Задача поиска и внедрения новых исправительных технологий работы с осужденными в местах лишения свободы, в том числе с несовершеннолетними, была поставлена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [4].

Во-вторых, разработка рассматриваемых проблем имеет большое внешнеполитическое значение.

Реализация несовершеннолетними осужденными свободы совести и вероисповедания в аспекте исповедования индивидуально или совместно с другими любой религии, свободного выбора, наличия и

распространения религиозных и иных убеждений и действий в соответствии с ними основывается не только на нормах Конституции Российской Федерации, УИК РФ и других федеральных законов, но и на положениях международных актов. Использование Российской Федерацией международных стандартов обращения с осужденными повышает авторитет нашего государства на международной арене, свидетельствует о приверженности курсу соблюдения основных прав человека.

В-третьих, анализ проблем реализации несовершеннолетними осужденными свободы совести и свободы вероисповедания в точном соответствии с законом имеет большое внутривнутриполитическое значение. Постсоветский период развития России характеризуется деидеологизацией, которую можно трактовать как отсутствие единого ориентира и направления развития страны, так и как отказ от централизованного обязательного религиозного, политического или идеологического воспитания, что заложило основу для будущих внутривнутриполитических конфликтов, социальных противоречий, в том числе и в местах лишения свободы.

Актуальность исследования также обусловливается пробелами в правовом регулировании этой сферы и недостатками в организации деятельности персонала воспитательных колоний, религиозных конфессий и других субъектов оказания исправительного воздействия на несовершеннолетних осужденных.

Так, в соответствии со ст. 14 УИК РФ формирование религиозных убеждений в воспитательной колонии осуществляется в форме духовного окормления, религиозно-нравственного воспитания и просвещения осужденных представителями религиозных конфессий. Представители религиозных организаций также активно участвуют в работе Общественного совета при ФСИН России по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы. Подобные общественные советы созданы во всех территориальных органах. За каждой колонией для реализации духовных потребностей несовершеннолетних закреплены священнослужители. Библиотеки пополняются духовной литературой, осужденные обеспечиваются предметами религиозных культов, а также гуманитарной помощью. Сотрудничество учреждений ФСИН России с религиозными организациями в целом положительно влияет на психологический климат в среде осужденных.

Тем не менее отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве норм, регламентирующих реализацию свободы совести в широком контексте (не только как свободу религиозного вероисповедания, но и возможность выбирать, иметь, распространять и действовать в соответствии с иными убеждениями), сводит результат религиозного воспитания к решению социальных вопросов обеспечения жизнедеятельности осужденных, организации их досуга в ущерб духовному развитию. Все это не позволяет запустить организационно-правовой механизм формирования у несовершеннолетних осужденных убеждений на основе положительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

Остановимся подробнее на понимании реализуемых несовершеннолетними осужденными свободы совести и свободы вероисповедания в более широком контексте, предусматривающем не только возможность выбирать, иметь, распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, но и аналогичные правомочия по отношению к иным убеждениям и действиям (морально-нравственным, политическим, мировоззренческим, идеологическим, философским и т. п.). Так, в федеральном законодательстве понятие «политические убеждения» упоминается в качестве самостоятельного правового института [6; 10]. В ряде федеральных и региональных законов отдельным видом указываются философские убеждения [6; 7]. В региональном законодательстве наравне с понятием «религия» в качестве основы для убеждений выступают политические интересы и идеология в целом [2].

Международное право рассматривает отдельно свободу совести и свободу религий и убеждений. Так, под свободой совести международное право понимает право на самореализацию, право иметь и свободно выражать свои убеждения, мнения и действовать в соответствии с ними [1]. Особенно важно, что реализация свободы совести предполагает предварительное воспитание и образование, проявление уважения к убеждениям других людей, формирование у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях [3]. В содержание свободы религий и убеждений международное право включает возможность искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи,

независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору [5].

Для российской правоприменительной практики международные правовые акты предлагают расширенный перечень субъектов влияния и обращают особое внимание в рассматриваемом аспекте на надзор за свободой слова, особенно за деятельностью средств массовой информации [8].

Относительно несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, международные стандарты обращения с осужденными трактуют реализацию свободы совести и свободы вероисповедания в широком контексте, рекомендуя государствам принимать меры по созданию гарантий для удовлетворения осужденными своих потребностей религиозного, духовного, морального и нравственного порядка. Имеются рекомендации о соблюдении беспристрастности в отношении не только религии, но и политических или иных убеждений. Для этого рекомендуется обеспечить присутствие осужденных на службах или собраниях в месте лишения свободы и наличие в их распоряжении необходимых книг и публикаций [9].

Таким образом, под содержанием свободы совести можем понимать возможность выбора форм деятельности в соответствии с личными убеждениями. При этом возникает необходимость в правовой регламентации понятия «убеждения». Под убеждениями предлагаем понимать результат предшествующей как осознанной, так и неосознанной реализации свободы вероисповедания. При этом, на наш взгляд, важно раскрыть вероисповедание не только с позиции религиозного самоопределения, а много шире: как восприятие (исповедание) информации, основанной на вере, доверии источнику информации.

Неосознанное же восприятие информации, формирующей убеждения, происходит при использовании различных средств и технологий формирования убеждений, что, по нашему мнению, является нарушением свободы вероисповедания.

Более того, расширенное толкование свободы вероисповедания повлияет на усвоение представленных категорий персоналом воспитательных колоний. Более половины опрошенных (55 %) сотрудников затруднились дать определение понятиям, составляющим политическое и идеологическое содержание убеждений. Вместе с тем опрос

показал, что существует проблема дальнейшей криминализации убеждений воспитанников, на это указывают 86 % сотрудников психологических лабораторий воспитательных колоний. При этом 65,5 % начальников отрядов отделов по воспитательной работе считают, что такая опасность имеется непосредственно в колонии, а 35,5 % – после освобождения.

Можно выделить следующие факторы, определяющие формирование криминальных убеждений у несовершеннолетнего: провоцирование к криминальному поведению со стороны взрослых, целенаправленное воздействие преступной среды на подростков (первичное нарушение свободы вероисповедания) и сформированные на ее основе личностные аспекты несовершеннолетнего преступника, его последующий выбор (последующие нарушения свободы вероисповедания), участие организованной преступности в формировании криминальных убеждений несовершеннолетних, создание ими криминальной субкультуры как социально-информационной среды, формирующей криминальные убеждения; влияние средств массовой информации на формирование криминальных убеждений несовершеннолетних. Причем последний фактор при опросе сотрудников психологических лабораторий воспитательных колоний получил преобладающее значение: 78,6 % видят причины деструктивного поведения подростков в искажении масс-медиа норм и правил жизни в обществе.

В местах лишения свободы сотрудники имеют дело с ошибками в формировании убеждений подростков, допущенными в процессе их первичной социализации. Вместе с тем во время нахождения несовершеннолетних в изоляторе временного содержания, в следственном изоляторе, карантине воспитательной колонии у них впервые происходит так называемая переоценка ценностей, которая выражается в разочаровании в прежде исповедуемой криминальной идеологии. Так, согласно нашему опросу 58 % несовершеннолетних осужденных признают свои криминальные убеждения неустойчивыми, то есть способными к изменению.

Можно выделить два направления реализации свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Первое направление – использование общественного потенциала: оказание несовершеннолетнему помощи со стороны

общественных и религиозных организаций в формировании социально приемлемых убеждений в процессе социализации в местах лишения свободы и ресоциализации после освобождения. Важно обратить внимание на то, что 97 % опрошенных сотрудников, 92 % преподавателей школ, 64,5 % начальников отрядов отделов воспитательной работы воспитательных колоний убеждены, что религиозное воздействие оказывает положительное влияние на дисциплину, обучение, труд осужденных. При этом 24 % начальников отрядов отделов воспитательной работы отмечают, что у воспитанников наблюдается потребительское отношение к религии, связанное с получением каких-либо льгот, желанием произвести положительное впечатление на сотрудников, получить возможность условно-досрочного освобождения и т. п.

Второе направление – использование внутреннего потенциала воспитательной колонии: изоляция от воздействия деструктивно социализирующей среды и формирование минимальных социально полезных убеждений, необходимых для правопослушного поведения (ст. 9 УИК РФ). Как установлено в ходе исследования, 87,1 % начальников отрядов отделов по воспитательной работе с осужденными, 92 % педагогов и 89,3 % сотрудников психологических лабораторий воспитательных колоний отмечают повышенный интерес несовершеннолетних к вопросам о смысле жизни, месте России в мире, роли средств массовой информации в жизни людей, манипулировании сознанием подростков производителями табака, алкоголя, наркотиков, вовлечении подростков в деструктивные культы (группировки), влиянии художественных фильмов и сериалов на мировоззрение людей, искажении исторических фактов и информационных войнах.

В настоящее время в деятельности воспитательных колоний организуется только первое направление – обеспечение взаимодействия с религиозными организациями.

В рамках изложенных направлений реализации свободы совести и свободы вероисповедания наряду с религиозными мероприятиями необходимо организовывать:

- политическую и идеологическую подготовку сотрудников, их религиозное и философское просвещение (на необходимость идеологического просвещения и политического информирования личного состава воспитательных колоний указали 74 % опрошенных сотрудников);

- политическое и идеологическое информирование и консультирование несовершеннолетних осужденных (72 % воспитанников положительно оценили данное направление). При этом важно отметить, что большинство (91 %) взаимодействующих с воспитательными колониями священнослужителей полагают, что такое информирование воспитанников необходимо. Вместе с тем следует учесть, что по уровню доверия воспитанников священнослужитель стоит на достаточно высоком втором месте (56 %), на первом – друзья (84 %), на третьем – учитель (48 %), на четвертом – родители и опекуны (21 %), почти каждый десятый (9 %) не верит никому;

- проведение сотрудниками психологических лабораторий логотерапии с несовершеннолетними осужденными в рамках реализации п. 6.1 ст. 12 УИК РФ (71,4 % сотрудников данных лабораторий заинтересованы в инструментальной логотерапии и экзистенциального анализа для психологического сопровождения реализации свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными).

Для осуществления предложенных мероприятий необходимо законодательно закрепить механизм правового регулирования описанных общественных отношений, а именно:

- включить в текст ч. 1 ст. 14 УИК РФ фразу «иные убеждения» и дополнить ч. 2 ст. 14 УИК РФ охранительной нормой из ч. 2 ст. 3 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства»;

- дополнить ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ правом на психологическое сопровождение реализации свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными. Также целесообразно дополнить ст. 141 УИК РФ ч. 4 следующего содержания: «Организация реализации несовершеннолетними осужденными свободы совести и свободы вероисповедания, формирование их убеждений осуществляются в форме идеологического и религиозного просвещения и политического информирования»;

- ввести в УИК РФ новую ст. 142-1, регламентирующую идеологическое просве-

щение и политическое информирование в воспитательных колониях, в следующей редакции: «Администрация воспитательной колонии обязана осуществлять идеологическое просвещение и политическое информирование несовершеннолетних осужденных, отражающее сложившееся в обществе политическое и идеологическое многообра-

ние, в том числе с участием приглашенных специалистов».

Важно отметить, что внесение указанных изменений в законодательство поддержали 54,8 % начальников отрядов отделов по воспитательной работе воспитательных колоний и 91 % священнослужителей, взаимодействующих с данными учреждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация принципов терпимости : резолюция Генер. конф. ЮНЕСКО от 16.11.1995 № 5.61. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 29.12.2018).
2. Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № 22/15-ВС // Ведомости Гос. Собр. – Курултая, Президента и Каб. Министров Респ. Башкортостан. 2003. № 1 (157). Ст. 3.
3. О защите национальных меньшинств : рамочная конвенция от 01.02.1995 № 157. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/157> (дата обращения: 29.12.2018).
4. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
5. О неlegalной деятельности сект : рекомендация Парламент. Ассамблеи Совета Европы от 1999 г. № 1412. URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc01/EDOC9220.htm> (дата обращения: 29.12.2018).
6. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
7. О правах пациента : закон Карачаево-Черкес. респ. от 15.04.2002 № 18-РЗ // День Республики. 2002. № 47 (16089).
8. Образование и религия : резолюция Парламент. Ассамблеи Совета Европы от 2005 г. № 1720. URL: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=240> (дата обращения: 29.12.2018).
9. Постановление о сектах в Европе : решение Европ. Парламента от 12.02.1996. URL: <https://rusoir.ru/06articles/06articles-zakon/06articles-zakon-ww/06articles-zakon-ww-2/06articles-zakon-ww-2-1/06articles-zakon-ww-2-1-4> (дата обращения: 29.12.2018).
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

REFERENCES

1. Deklaraciya principov terpmosti : rezolyuciya Gener. konf. YUNESKO ot 16.11.1995 № 5.61 [Declaration of Principles on Tolerance : Resolution of the General Conference of UNESCO from 16.11.1995 No. 5.61]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (accessed 29.12.2018). (In Russ.).
2. Konstituciya Respubliki Bashkortostan ot 24.12.1993 № 22/15-VS [Constitution of the Republic of Bashkortostan from 24.12.1993 No. 22/15-VS]. Vedomosti Gos. Sobr. – Kurultaya, Prezidenta i Kab. Ministrov Resp. Bashkortostan – Journal of the State Assembly – Kurultay, President and Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan. 2003. Iss. 1 (157). Art. 3. (In Russ.).
3. O zashchite nacional'nyh men'shinstv : ramochnaya konvenciya ot 01.02.1995 № 157 [On the Protection of National Minorities : Framework Convention from 01.02.1995 No. 157]. Available at: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/157> (accessed 29.12.2018). (In Russ.).
4. O Konceptcii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r [On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-p]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 43. Art. 5544. (In Russ.).
5. O nelegal'noj deyatel'nosti sekt : rekomendaciya Parlament. Assamblei Soveta Evropy ot 1999 g. № 1412 [On the illegal activities of sects : the recommendation of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe from 1999 No. 1412]. Available at: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc01/EDOC9220.htm> (accessed 29.12.2018). (In Russ.).
6. O personal'nyh dannyh : feder. zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ [About personal data : Federal Law from 27.07.2006 No. 152-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. Iss. 31 (part 1). Art. 3451. (In Russ.).
7. O pravah pacienta : zakon Karachaev-Cherkes. resp. ot 15.04.2002 № 18-RZ [On the rights of the patient : the law of the Karachay-Cherkess Republic from 15.04.2002 No. 18-RL]. Den' Respubliki – Republic Day. 2002. Iss. 47 (16089). (In Russ.).
8. Obrazovanie i religiya : rezolyuciya Parlament. Assamblei Soveta Evropy ot 2005 g. № 1720 [Education and Religion : Resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe from 2005 No. 1720]. Available at: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=240> (accessed 29.12.2018). (In Russ.).
9. Postanovlenie o sektah v Evrope : reshenie Evrop. Parlamenta ot 12.02.1996 [Decree on sects in Europe : the decision of the European Parliament from 12.02.1996]. Available at: <https://rusoir.ru/06articles/06articles-zakon/06articles-zakon-ww/06articles-zakon-ww-2/06articles-zakon-ww-2-1/06articles-zakon-ww-2-1-4> (accessed 29.12.2018). (In Russ.).
10. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ [Labor Code of the Russian Federation from 30.12.2001 No. 197-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. Iss. 1 (part 1). Art. 3. (In Russ.).

О некоторых направлениях совершенствования учебно-воспитательного процесса с осужденными в исправительных учреждениях

О. М. ПИСАРЕВ – начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

А. А. ЕФИМЕНКО – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук

Реферат

В настоящее время для многих отечественных предприятий стал актуален вопрос дефицита рабочих кадров. Представляется, что частично решить данную проблему могут трудоспособные граждане, находящиеся в местах лишения свободы. Отмечается, что большое количество осужденных не имеет среднего образования, а также профессии или специальности. В этой связи авторами проанализированы наиболее актуальные направления учебно-воспитательного процесса в исправительных учреждениях с целью выявления условий для профессионального самоопределения осужденных и их базовой подготовки к освоению рабочих профессий. В контексте рассматриваемой проблемы основным механизмом может выступать проводимая персоналом пенитенциарных учреждений воспитательная работа с осужденными, ориентированная на дифференцированный и комплексный подход. Индивидуальная работа позволит сформировать у осужденных нравственные, физические и трудовые качества для достижения материальных благ посредством образования и труда. Представляется важным, что для организации эффективной воспитательной работы с момента пребывания в карантинном отделении необходимо оказать осужденному психологическую поддержку и обрисовать перспективу в получении образования, выбора интересующей рабочей специальности. Акцентируется внимание на выстраивании необходимого взаимодействия со службой занятости с возможностью трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы. Проведен анализ нормативно-правовой литературы, регламентирующей порядок организации учебного процесса осужденных. Сформулирован вывод о том, что учебно-воспитательный процесс в исправительных учреждениях необходимо реализовывать с учетом дальнейшего совершенствования воспитательной и психологической работы посредством эффективного взаимодействия начальников отделов, психологов, учителей школ, мастеров профессиональных училищ.

Ключевые слова: учебно-воспитательный процесс; осужденный; профессиональное образование; трудовое воспитание; ресоциализация; пенитенциарное учреждение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On some directions of improving the educational process with convicts in penal institutions

O. M. PISAREV – Head of the Department for the Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Advanced Training Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD.in Psychology;

A. A. EFIMENKO – Senior Lecturer of the Department for the Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Advanced Training Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD.in Pedagogics

Abstract

Currently for many domestic facilities the issue of shortage of workers has become topical. It seems that this problem can be partially solved by able-bodied citizens who are in places of detention. It is noted that a large number of convicts do not have a secondary education as well as a profession or specialty. In this regard the authors analyzed the most relevant areas of the educational process in correctional institutions in order to identify the conditions for the professional self-determination of convicts and their basic preparation for the development of working professions. In the context of the problem under consideration the main mechanism can be educational work carried out by prison staff with convicts, focused on a differentiated and integrated approach. The individual form of work will allow the convicts to form moral, physical and labor qualities to achieve material benefits through their education and work. It is important that for effective educational work from the initial stage of being in the quarantine unit, the convicted person must be given psychological support and outlined his future perspective in getting an education, choosing the working specialty. Attention is focused on building the necessary interaction with the employment service with the ability to find a job after being released from prison. The analysis of the regulatory literature regulating the organization of the educational process of convicts was carried out. The conclusion was made that the educational process in correctional institutions should be implemented taking into account the further improvement of educational and psychological work through effective interaction between the heads of the units, psychologists, school teachers and masters of vocational schools.

Key words: educational process; convict; professional education; labor education; resocialization; penal institution.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Кадровая проблема является одной из важнейших для всех сфер российской промышленности. В настоящее время каждое второе отечественное предприятие сигнализирует о наличии кадрового дефицита, каждое десятое называет такой дефицит острым [11]. Сварщики, сантехники, стропальщики, электрики, каменщики, крановщики, плотники, водители и токари относятся к разряду тех рабочих профессий, которые наиболее востребованы на рынке труда. Отчасти решить сложившуюся проблему могут трудоспособные граждане, находящиеся в местах лишения свободы.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы, по данным на 1 марта 2019 г., содержится 58 771 чел., из них в исправительных колониях – 455 514 чел. Только 6 % осужденных имеют высшее профессиональное образование, 16 % – не имеют среднего (полного) общего образования, 40 % – без определенного рода занятий [4].

Получение образования и профессии осужденными становится одной из приоритетных задач воспитательных отделов пенитенциарных учреждений, так как количество осужденных, не имеющих среднего образования и специальности, постоянно увеличивается. Проведенное нами анкетирование в карантинных отделениях исправительных учреждений УФСИН России по Томской области показало, что порядка 60 % осужденных не имеют профессиональных и трудовых навыков либо утратили их. Все чаще в колониях встречаются лица с «образовательной

запущенностью» и ярко выраженной деформацией правового самосознания [8].

В соответствии с ч. 1 ст. 112 УИК РФ в исправительных учреждениях в целях исправления осужденных и дальнейшей подготовки их к самостоятельной жизни организуется единый учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, повышение образовательного и культурного уровня.

Большинство лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, отрицательно относятся к окружающей действительности и важным общечеловеческим и жизненным ценностям [9]. Отсюда возникает необходимость в проведении с ними последовательной и дифференцированной воспитательной работы, в том числе на начальном этапе отбывания наказания.

Перед сотрудниками воспитательных отделов пенитенциарных учреждений стоит серьезная задача по обеспечению учебно-воспитательного процесса, направленного на формирование у осужденных добросовестного отношения к труду и учебе, получение начального профессионального образования, повышение образовательного уровня [6].

Воспитательная работа с осужденными должна носить комплексный характер и формировать у осужденных нравственные качества и стремление достигать материальные блага своим образованием и трудом.

Можно выделить следующие направления работы с осужденными в карантинном отделении исправительного учреждения:

- оказание психологической поддержки в период адаптации;
- ознакомление с правилами внутреннего распорядка учреждения, взаимоотношений с администрацией и осужденными, изучение своих прав и обязанностей;
- формирование дальнейшей перспективы, получение образования, выбор необходимой рабочей специальности; взаимодействие со службой занятости для определения возможностей осужденного трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы.

Важная роль отводится психологу, который в рамках психодиагностической работы получает необходимую информацию о темпераменте, установках, ценностных ориентациях, возможных отклонениях в развитии и текущем психоэмоциональном состоянии осужденного. Совместно с учителями определяется уровень образовательной подготовки, оформляются запросы в учреждения и органы, где ранее обучался осужденный. Сотруднику психологической лаборатории важно донести до каждого подопечного, что время пребывания в исправительном учреждении можно провести с пользой для дальнейшей жизни после освобождения.

При распределении осужденного в тот или иной отряд администрация пенитенциарного учреждения должна учитывать его психофизиологическую совместимость с другими осужденными, отношение к обучению и труду, возможную криминогенную зараженность. При проведении ознакомительной беседы начальнику отряда целесообразно использовать педагогический прием активного слушания, дать понять осужденному, что судьба последнего ему безразлична [1].

Во время пребывания в отряде у осужденного происходит либо психологический, нравственный перелом в мировоззрении, способствующий формированию просоциальной направленности, либо продолжает развиваться в неблагоприятной среде мест лишения свободы отрицательный и криминальный опыт поведения.

Несомненно, основное содержание воспитательной работы сводится к нравственному, правовому и физическому воспитанию; включению осужденных в различные виды деятельности (трудовую, учебную, профессиональную); обеспечению получения осужденными необходимых знаний о культуре и искусстве.

Особое значение приобретает нравственное воспитание, которое включает:

- разъяснение основных понятий и требований морали;
- формирование нравственных привычек, веры в духовные идеалы;
- приобщение к духовным и культурным ценностям;
- воспитание культуры поведения и общения;
- приучение к самоконтролю и самодисциплине;
- закрепление имеющихся положительных качеств;
- формирование умения подавлять в себе проявления негативных черт и свойств характера, преодолевать аморальные влечения и привычки;
- формирование цельной личности в единстве ее сознания, моральных качеств, совести, общественно ценного поведения.

При решении рассматриваемых задач большую помощь могут оказать родители и близкие родственники осужденных, с которыми, как правило, налажено тесное взаимодействие. Естественно, такое взаимодействие возникает не сразу, а после ряда мероприятий, организованных в исправительных учреждениях («День колонии», «День матери» и пр.). В дальнейшем данная работа может использоваться для положительного влияния на осужденных.

Решая задачи нравственного воспитания, нельзя забывать и о роли религиозных организаций. Храмы, мечети и молельные комнаты функционируют практически в каждом исправительном учреждении. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях дополняет систему воспитания. Представители религии способствуют созданию благоприятных условий для утверждения в сознании осужденных идеалов добра и оздоровления морального климата. Религия оказывает огромное влияние на сознание и поведение осужденных и помогает минимизировать проявления девиантного поведения лиц, находящихся в пенитенциарном социуме [2].

Важной составляющей является организация правового воспитания, которое включает разъяснение уголовно-исполнительного законодательства, доведение правовой информации до осужденных, размещенной на стендах наглядной агитации и др.

Для осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, основной акцент в правовом воспитании следует делать на преодолении дефектов правосо-

знания, выработке негативного отношения к традициям преступного мира. Для этого необходимо приглашать квалифицированных лекторов, использовать телепередачи, материалы периодической печати и юридической литературы, учебно-тематические видеоматериалы. Представляется перспективным и такое направление, как проведение недели прав человека, тематических вечеров, юридических консультаций с представителями общественных наблюдательных комиссий и юристов исправительных учреждений разных типов.

Немаловажную роль в воспитательной работе с осужденными приобретает физическое воспитание, а именно:

- приучение к ежедневной оздоровительной физической зарядке;
- развитие интереса к спорту;
- формирование санитарно-гигиенических навыков.

Физическое воспитание и пропаганда здорового образа жизни приобретают особую важность, так как в исправительных учреждениях содержится большой процент осужденных, больных наркоманией, алкоголизмом, имеющих различного рода психические отклонения. В этой связи физическое воспитание должно осуществляться дифференцированно с учетом возрастных особенностей и состояния здоровья осужденных. Возможно привлечение спортсменов и тренеров для проведения показательных выступлений по различным видам спорта.

Важную роль в учебно-воспитательном процессе осужденных приобретает трудовое воспитание, регламентированное ст. 103, 106 УИК РФ, направленное:

- на формирование психологической готовности к трудовой деятельности;
- совершенствование трудовых навыков для получения рабочей профессии и повышения квалификации;
- воспитание материальной ответственности и бережного отношения к результатам труда;
- укрепление самодисциплины и оказание взаимопомощи в процессе трудовой деятельности.

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях имеются объективные сложности в организации полноценного трудового воспитания осужденных. Многие предприятия и производства в колониях прекратили свое существование. Однако выход из этой ситуации возможен. Это привлечение региональных органов власти, коммерческих структур, общественных организаций, с помощью которых возможно развивать раз-

личные виды производства по выполнению заказов (пошив одежды, изготовление тары и хозяйственного инвентаря, расфасовка различного рода товара).

В процессе трудового воспитания необходимо учитывать комплекс объективных и субъективных факторов: профессиональные интересы осужденных, их личностные характеристики, наличие возможностей в исправительном учреждении приобрести ту или иную рабочую профессию. Следует принимать во внимание ст. 108 УИК РФ, в которой говорится о том, что в исправительных учреждениях организуется и обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам квалифицированных рабочих, служащих, осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него [3].

Порядок получения образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, определен в совместном приказе Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 06.12.2016 [5]. Согласно данному нормативному акту право осужденных на получение образования гарантируется путем создания общеобразовательных организаций (школ, учебно-консультационных пунктов) на территории исправительных учреждений. Организация обучения осуществляется на основе договора между общеобразовательной организацией и учреждением уголовно-исполнительной системы. Под категорию обучаемых попадают осужденные, не достигшие 30 лет, для которых получение образования является обязательной мерой.

Рассматривая организацию учебного процесса в исправительных учреждениях, нельзя не остановиться на специфических моментах, которые в той или иной мере влияют на обучение.

Как правило, обучающиеся характеризуются низким уровнем обучаемости. Контингент отбывающих наказание весьма разнороден по возрасту, подготовленности, социальной зрелости, профессиональной направленности, обладает низким уровнем образования, незначительными коммуникативными навыками, у них стойкое отрицание учебного труда как такового. Учителям приходится учитывать психологию осужденных, находить подходы к каждому.

Психологические трудности связаны с беспокойством взрослых о своем авторитете, боязнью выглядеть некомпетентными в

глазах окружающих, несоответствием собственного образа с традиционно понимаемой ролью ученика [2]. Обучающиеся усваивают новые знания с разной скоростью и качеством, так как имеют различный уровень подготовки и жизненный опыт.

При организации учебного процесса с данной категорией обучающихся учителям необходимо опираться на их практический опыт, усиливать наглядность в преподавании, организовывать обучение на основе манипулирования реальными или виртуальными объектами, использовать групповую деятельность при решении учебных задач для организации коммуникации.

На этой основе возможно выявление условий их профессионального самоопределения и базовой подготовки к освоению рабочих профессий в профессиональном училище исправительного учреждения.

Таким образом, учебно-воспитательный процесс в исправительных учреждениях необходимо реализовывать с учетом дальнейшего совершенствования комплексной воспитательной и психологической работы с осужденными. В этой связи важным условием является эффективное взаимодействие сотрудников воспитательного отдела, психологов, учителей школ, мастеров профессиональных училищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биченова А. Р., Куминов Я. В. Проблема труда осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2017. № 1 (23). С. 12–15.
2. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб., 2010. 512 с.
3. Ефименко А. А., Румбешта Е. А. Профессиональная ориентация на рабочие профессии учащихся вечерней общеобразовательной школы // Вестн. Томского гос. педагог. ун-та. 2011. № 10 (112). С. 149–152.
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: фсин.рф (дата обращения: 30.11.2018).
5. Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях, тюрьмах, лечебно-профилактических учреждениях, лечебных исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 06.12.2016. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
6. Приоритетные направления работы начальников отрядов осужденных и трудности, возникающие в осуществлении их функциональных обязанностей (на основе опроса) / М. В. Киселев и др. // Вестн. Кузбас. ин-та. 2015. № 1 (22). С. 173–183.
7. Сибиль Ю. П. Основы организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2014. № 9. С. 33–38.
8. Сучкова Е. Л. Психология правосознания осужденных : моногр. Вологда, 2017. 183 с.
9. Чириков А. Г., Ивашко Н. Н. Эффективность педагогической деятельности начальников отрядов исправительных учреждений // Вестн. Кузбас. ин-та. 2016. № 2 (27). С. 184–189.

REFERENCES

1. Bichenova A. R., Kuminov YA. V. Problema truda osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v mestah lisheniya svobody [The problem of labor of convicts serving sentences in prisons]. Vestn. Samar. yurid. in-ta – Bulletin of the Samara Law Institute. 2017. Iss. 1 (23). P. 12–15. (In Russ.).
2. Eliseev O. P. Praktikum po psihologii lichnosti [Practical work on the psychology of personality]. St. Petersburg, 2010. 512 p. (In Russ.).
3. Efimenko A. A., Rumbeshta E. A. Professional'naya orientaciya na rabochie professii uchashchihhsya vechernej obshcheobrazovatel'noj shkoly [Vocational orientation to the working professions of pupils of the evening comprehensive school]. Vestn. Tomskogo gos. pedagog. un-ta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2011. Iss. 10 (112). P. 149–152. (In Russ.).
4. Kratkaya harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Brief characteristics of the penal system]. Available at: фсин.рф (accessed 30.11.2018). (In Russ.).
5. Ob utverzhdenii Poryadka organizacii polucheniya nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego i srednego obshchego obrazovaniya licami, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody v ispravitel'nyh koloniyah, tyur'mah, lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyah, lechebnyh ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i sledstvennyh izolatorah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy : prikaz Minyusta Rossii № 274, Minobrnauki Rossii № 1525 ot 06.12.2016 [On approval of the procedure for organizing the receipt of primary general, basic general and secondary general education by persons serving a sentence of imprisonment in correctional colonies, prisons, medical institutions, medical correctional institutions and remand prisons of the penal system : Order of the Ministry of Justice of Russia No. 274, The Ministry of Education and Science of Russia No. 1525 from 06.12.2016. Access from the reference legal system «Garant». (In Russ.).
6. Prioritetnye napravleniya raboty nachal'nikov otryadov osuzhdennyh i trudnosti, voznikayushchie v osushchestvlenii ih funktsional'nyh obyazannostej (na osnove oprosa) / M. V. Kiselev i dr. [Priority areas of work of the heads of detachments of convicts and the difficulties encountered in the implementation of their functional duties (based on the survey) / M. V. Kiselev et al.]. Vestn. Kuzbas. in-ta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. Iss. 1 (22). P. 173–183. (In Russ.).
7. Sibil' YU. P. Osnovy organizacii uchebno-vospitel'nogo processa v vospitel'nyh koloniyah [Fundamentals of the organization of the educational process in educational colonies]. Vedomosti ugovol.-ispolnit. sistemy – Journal of the penal system. 2014. Iss. 9. P. 33–38. (In Russ.).
8. Suchkova E. L. Psihologiya pravosoznaniya osuzhdennyh : monogr. [Psychology of legal consciousness of convicts : monogr.]. Vologda, 2017. 183 p. (In Russ.).
9. Chirikov A. G., Ivashko N. N. Effektivnost' pedagogicheskoy deyatel'nosti nachal'nikov otryadov ispravitel'nyh uchrezhdenij [The effectiveness of the pedagogical activity of the heads of the correctional unit]. Vestn. Kuzbas. in-ta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. Iss. 2 (27). P. 184–189. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.07:343.828:616:98

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-121-126

Изучение экзистенциальных ценностей ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Реферат

По статистике ФСИН России, ежегодно 80–85 % прибывающих в учреждения уголовно-исполнительной системы осужденных имеют хронические заболевания. Ежегодно растет количество ВИЧ-инфицированных лиц, содержащихся в тюрьмах и колониях. Коррекционно-воспитательная работа с данной категорией осужденных имеет свои особенности и требует принятия дополнительных организационных и иных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, формированию правопослушного поведения и социальной адаптации в условиях лишения свободы. При этом особое внимание уделяется экзистенциальным ценностям в связи с утратой многими осужденными смысла жизни, перспектив освобождения из мест лишения свободы.

В рамках экзистенциального подхода исправительный процесс предстает как гибкая, вариативная система, где осуществляется реальная дифференциация воспитываемых воздействий. Также содержание исправительного процесса целенаправленно формируется и обогащается нравственными ценностями, смыслами, традициями с целью личностной самореализации и повышения самооценки, помогает понять осужденному смысловую сферу своего поведения и поступков, справиться с отрицательными эмоциональными состояниями, развить рефлексивную позицию личности на основе выделения ценностно-смысловых ориентиров.

С целью изучения экзистенциальной сферы ВИЧ-инфицированных осужденных было проведено исследование на базе СИЗО-10 УФСИН России по Московской области, в котором приняли участие 30 ВИЧ-инфицированных мужчин в возрасте от 20 до 45 лет. Осужденным была предложена специально разработанная анкета и методика «События моей жизни» Г. С. Никифорова.

В результате данного исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что общее состояние осужденных с ВИЧ-инфекцией и социальная среда, в которой они находятся, оказывают существенное влияние на наличие и осознание смысла жизни. Эти осужденные не видят положительных перспектив в будущем. Для них на первый план выходят ценности, связанные с общением с близкими людьми, семьей, пониманием и состраданием к ним в сложившейся ситуации. Для осужденных с ВИЧ-инфекцией характерен низкий уровень общей осмысленности будущего и прошлого, который выражается в отсутствии целей и временных перспектив, неудовлетворенности самореализацией, низком уровне самоконтроля и управляемости.

В статье сформулирован ряд рекомендаций для пенитенциарных психологов по работе с данной категорией лиц. Дальнейший индивидуальный углубленный анализ полученных данных может стать перспективным исследованием по вопросу отношений ВИЧ-инфицированных осужденных к собственной жизни.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные; ВИЧ-инфицированные осужденные; экзистенциальные ценности; личностный смысл; система ценностей человека; деятельность пенитенциарного психолога.

19.00.06 – Юридическая психология

The study of existential values of HIV-infected prisoners sentenced to imprisonment

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education Sciences

Abstract

According to statistics from the Federal Penal Service of Russia annually 80–85% of convicts arriving at institutions of the penal system have chronic diseases. The number of people infected with HIV in prisons and colonies is growing every year. Correctional and educational work with this category of convicts has its own characteristics and requires the adoption of additional organizational and other measures to overcome their personal deformations, the formation of law-abiding behavior and social adaptation in terms of imprisonment. At the same time special attention is paid to existential values in connection with the loss by many convicts the meaning of life, the prospects of release from places of detention.

Within the framework of the existential approach the correctional process appears as a flexible, variable system, where the actual differentiation of upbringing influences takes place. Also the content of the correctional process is purposefully shaped and enriched with moral values, meanings, traditions for the purpose of personal self-realization and self-esteem, helps the convicted person to understand the semantic sphere of his behavior and actions, to cope with negative emotional states, to develop a meaningful reference point.

In order to study the existential sphere of HIV-infected convicts a study was conducted on the basis of the PKU SIZO-10 of the Federal Penal Service of Russia in the Moscow region, in which 30 HIV-infected men aged from 20 to 45 took part. A specially developed technique and questionnaire "Events of my life" of G.S. Nikiforova was offered for convicted.

As a result of this study data were obtained indicating that the general condition of convicts with HIV infection and the social environment in which it is located have a significant impact on the presence and awareness of the meaning of life. These convicts do not see positive prospects in the future. The values associated with communicating with loved ones, family, understanding and compassion for them in the current situation come for them to the fore. Convicts with HIV infection are characterized by a low level of general meaningfulness of the future life and the past, which is expressed in the absence of goals and temporal perspectives, dissatisfaction with self-realization, a low level of self-control and controllability.

The article makes a number of recommendations for penal psychologists to work with this category of persons. Further individual in-depth analysis of the data obtained may become a promising study on the relationship of HIV-infected convicts to their own lives.

Key words: places of detention; convicts; HIV-infected convicts; existential values; personal meaning; human value system; activities of the penal psychologist

19.00.06 – Legal psychology

Практически любое заболевание способно нарушить привычные контакты человека с окружающим миром, ограничить возможности трудовой деятельности или сделать в ряде случаев невозможным ее продолжение и требует переориентации. Обнаружение у обследуемого лица антител к вирусу иммунодефицита человека закономерно влечет за собой ряд серьезных последствий [4]. Уже в начале 1980-х гг. было установлено, что данное заболевание передается половым путем, а также посредством внутривенных инъекций.

В медицинскую практику и обыденную жизнь людей вошли два новых термина: ВИЧ

и СПИД. Попадая в организм, вирус на клеточном уровне разрушает иммунную систему человека. Организм теряет способность сопротивляться любым инфекциям и восстанавливаться после болезни [6].

Во всем мире проблема ВИЧ-инфекции в местах лишения свободы носит наиболее агрессивный характер. Уровень инфицирования отбывающих наказание в западных странах варьируется от 2 до 12 % от общего числа.

В российских исправительных учреждениях содержатся около 40 тыс. больных. По официальным данным, это примерно десятая часть от всех ВИЧ-инфицированных в

стране и до 4 % от всех лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Концентрация ВИЧ-положительных осужденных в колониях почти в 25 раз выше, чем в свободном обществе. За последние 10 лет количество осужденных с данным диагнозом в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы увеличилось в 5 тыс. раз [5].

По статистике ФСИН России, ежегодно 80–85 % прибывающих в учреждения уголовно-исполнительной системы осужденных имеют хронические заболевания. В 2017 г. 20 % поступивших в места лишения свободы имели ВИЧ-инфекцию [3]. Коррекционно-воспитательная работа с данной категорией осужденных имеет свои особенности и требует принятия дополнительных организационных и иных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, формированию правопослушного поведения и социальной адаптации в условиях лишения свободы. При этом особое внимание уделяется экзистенциальным ценностям в связи с утратой многими осужденными смысла жизни, перспектив освобождения из мест лишения свободы [6].

Понятие «смысл» разрабатывалось такими авторами, как А. Адлер, А. Бине, Э. Титченер, Ф. Бартлет, В. Франкл и др. Принципиально новый подход в понимании смысла был осуществлен Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым. Согласно А. Н. Леонтьеву, смысл появляется в результате отображения субъектом тех отношений, которые существуют между ним и тем, на что действия его направлены как на свой непосредственный итоговый результат (достижение цели) [2].

В отечественной психологии в последние годы достаточно интенсивно ведутся исследования смысла жизни как психологического феномена. Проблема смысло-жизненных ориентаций широко представлена в работах К. А. Абульхановой-Славской, Б. С. Братуся, Г. Л. Будинайте, Л. С. Выготского, Е. И. Исаева, Е. В. Корниловой, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, В. Ф. Сержантова, А. В. Серого, В. И. Слободчикова, М. С. Яницкого. При этом позиция отечественных психологов на проблему личностных смыслов и представлений о системе ценностей человека имеет много общего с идеями представителей экзистенциально-гуманистического подхода.

В рамках экзистенциального подхода исправительный процесс предстает как гибкая, вариативная система, где осуществляется реальная дифференциация воспитываемых воздействий по уровню нравственной воспитанности [8]. Также содержание исправи-

тельного процесса целенаправленно формируется и обогащается нравственными ценностями, смыслами, традициями с целью личностной самореализации и повышения самооценки, помогает понять осужденному смысловую сферу своего поведения и поступков, справляться с отрицательными эмоциональными состояниями, развивать рефлексивную позицию личности на основе выделения ценностно-смысловых ориентиров. Процесс исправления направлен на формирование системы представлений личности о высших ценностях, базирующихся на центральных экзистенциалах (жизнь, свобода, демократизм, достоинство, честь, ответственность, совесть, стыд, любовь, доброта, вера, воля, добродетель, творчество и др.) [1].

Значение смысловой сферы чаще всего проявляется в критических ситуациях. Отбывание уголовного наказания вообще связано с потерей или разрывом связей с близкими, ограничением личной свободы, ухудшением материального положения, а отбывание наказания у ВИЧ-инфицированного осужденного может быть связано с крушением всех надежд. При этом часто теряется смысл жизни, и человек решается на самоубийство. Следовательно, варианты выхода из сложной ситуации, возможность прогнозировать свою жизнь и реализовывать поставленные цели тесно связаны с уровнем развития и содержанием экзистенциальной сферы осужденного.

С целью изучения экзистенциальной сферы ВИЧ-инфицированных осужденных было проведено исследование на базе СИЗО-10 УФСИН России по Московской области, в котором приняли участие 30 ВИЧ-инфицированных мужчин в возрасте от 20 до 45 лет. Осужденным была предложена специально разработанная анкета и методика «События моей жизни» Г. С. Никифорова [7].

Представленная методика определяет временной аспект самосознания как критерий социальной зрелости и дает возможность проследить баланс между прошлым и будущим, позитивными и негативными событиями жизни. Целью такой диагностики является определение индивидуальных особенностей осознаваемых жизненных ценностей и целей прошлого, настоящего и будущего. При работе с методикой «События моей жизни» испытуемым предлагалось начертить горизонтальную линию («линию жизни») и отметить на ней момент настоящего времени и самые значимые события

своей прошлой и планируемой будущей жизни.

При этом анализируются следующие данные: общее количество событий, которое характеризует «событийную рефлексию» личности, что является собой основной признак когнитивной зрелости личности (чем больше общее количество событий, тем выше уровень социальной зрелости); баланс между прошлым и будущим, который свидетельствует об отношении к интенсивности прошлой и будущей жизни, указывает на преобладающую ориентацию «событийности жизни» (при том что значения, близкие к единице, характеризуют более зрелую личность); баланс между позитивными и негативными событиями жизни, характеризующий в общих чертах оптимистическое или пессимистическое отношение к жизни, а именно жизнеустойчивость (преобладание позитивных событий над негативными свидетельствует об определенном романтизме (что характерно для юношеского возраста), в крайних случаях об инфантилизме, негативных событий над позитивными – об эмоциональном неблагополучии, дискомфорте, низкой жизнестойкости).

В результате проведенного исследования были получены следующие данные. Так, на вопрос «Есть ли у Вас сейчас смысл в жизни?» положительный ответ дали только 24 % опрошенных. Больше половины осужденных лишились смысла жизни по причине своего заболевания, которое на данный момент времени считается неизлечимым. Это, скорее всего, те осужденные, которые узнали о своем статусе недавно и не успели принять свое настоящее и считают, что будущее для них уже потеряно. Респонденты, ответившие утвердительно на первый вопрос анкеты, пытаются этот смысл найти и находят его.

Второй вопрос анкеты предполагал изучение того, что вкладывают осужденные в понятие смысла жизни («В чем для Вас смысл жизни?»). Так, если условно разделить все показатели на две части: концентрация на себе, на получении выгоды от жизни (независимость, получение удовольствия от жизни, материальное благополучие, высокое положение и статус в обществе, профессиональная состоятельность) и ориентация на духовные ценности (создание семьи, верные друзья, уважение и признание в обществе), то видим, что у осужденных происходит изменение мировоззрения в сторону жизненных ценностей (показатель «крепкая и дружная семья» выбрали 53 % испытуе-

мых, «верные друзья» – 36,7 %, «уважение со стороны окружающих» – 90 %). К тому же 84 % испытуемых добавили свой вариант смысла жизни: правильный образ жизни, сохранение и укрепление здоровья. Такие данные свидетельствуют о том, что, несмотря на потерю смысла жизни в настоящем, у ВИЧ-инфицированных осужденных есть сожаление о неправильном образе жизни в прошлом, которое привело к такому состоянию здоровья и отсутствию цели в жизни в будущем.

Третий вопрос анкеты дает возможность узнать, что беспокоит осужденных, когда они начинают думать о своем будущем («Что Вас больше всего беспокоит, когда Вы думаете о будущем?»). Так, осужденных с ВИЧ-инфекцией более всего беспокоит их состояние здоровья в будущем (93 %), отношения с близкими людьми (63 %), сложности в создании или сохранении семьи после отбывания срока наказания (56 %) и ситуация одиночества, когда вследствие приобретенного статуса от осужденного отвернется ближайшее окружение (73 %).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что общее состояние человека и социальная среда, в которой он находится, оказывают существенное влияние на наличие и осознание смысла жизни. Так, большинство осужденных с ВИЧ-инфекцией считают, что лишены смысла жизни и не видят положительных перспектив в будущем. Для них на первый план выходят ценности, связанные с общением с близкими людьми, семьей, пониманием и состраданием к ним в сложившейся ситуации.

Далее была проведена диагностика с помощью методики Г. С. Никифорова «События моей жизни». Первичные данные приведены в таблице.

Данные, полученные с помощью методики «События моей жизни» Г. С. Никифорова

Шкалы	Ответы ВИЧ-инфицированных осужденных
К 1 – отношения событий прошлых к будущим	0,7
К 2 – общее количество событий	2,2
К 3 – баланс между позитивными и негативными событиями будущей жизни	0,3
К 4 – баланс между позитивными и негативными событиями прошлой жизни	0,3

Для удобства подсчета критерия статистической значимости изучаемые величины были обозначены следующим образом:

1. Критерий 1 (K_1) – отношения событий прошлых к будущим. Здесь определяется баланс событий прошлого и будущего, что указывает на ориентацию событий жизни личности ($K_1 = x/y$). Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют, что ВИЧ-инфицированные осужденные зациклены на событиях прошлого и не видят перспектив в будущей жизни в отличие от здоровых осужденных.

2. Критерий (K_2) – критерий «событийной рефлексии», то есть общее количество событий, один из показателей когнитивной зрелости. Чем больше общее количество событий, тем выше уровень социальной зрелости ($K_2 = ((x+) + (y+)) / ((x-) + (y-))$). В данном случае результаты говорят о среднем уровне событийных переживаний испытуемых с ВИЧ-инфекцией.

3. Критерий (K_3) – баланс между позитивными и негативными предполагаемыми событиями жизни, характеризующий в общих чертах оптимистическое или пессимистическое отношение к жизни, а именно жизнеустойчивость ($K_3 = (x+) / (x-)$). Полученные результаты по данному критерию свидетельствуют, что в группе осужденных жизнеустойчивость личности низкая и все возможные события будущего воспринимаются с негативной точки зрения.

4. Критерий (K_4) – баланс между позитивными и негативными событиями прошлой жизни, который отражает в общих чертах оптимистическое или пессимистическое отношение к жизни, а именно жизнеустойчивость ($K_4 = (y+) / (y-)$). Для данной группы испытуемых более характерен пессимистический взгляд на будущее.

Для осужденных с ВИЧ-инфекцией свойственен низкий уровень общей осмысленности будущей и прошлой жизни, который выражается в отсутствии целей и временных перспектив, неудовлетворенности самореализацией, слабом самоконтроле. Дальнейший индивидуальный углубленный анализ полученных данных может стать перспективным исследованием по вопросу отношений ВИЧ-инфицированных осужденных к собственной жизни.

В результате эмпирического исследования и анализа полученных данных можно сформулировать следующие рекомендации для психологов по работе с ВИЧ-инфицированными осужденными в учреждениях системы исполнения наказаний.

Так, важным направлением работы пениitenciарного психолога является формирование адекватного позитивного отношения сотрудников исправительного учреждения и его контингента к осужденным данной категории. В связи с этим необходимо правильное соблюдение принципа конфиденциальности: доступ ВИЧ-инфицированных осужденных наряду со здоровыми осужденными в мастерские и к работам на кухне, их участие во всех воспитательных мероприятиях, осуществляемых в исправительном учреждении. Включение данных направлений в деятельность служб исправительного учреждения даст возможность организовать процесс психологической адаптации ВИЧ-инфицированных осужденных более эффективно, позволит снизить частоту возникновения конфликтных ситуаций, вызванных психологической напряженностью осужденных и сотрудников исправительного учреждения, находящихся в контакте с ВИЧ-инфицированными. Создание и поддержание полноценного взаимодействия между ВИЧ-инфицированными и другими осужденными будет способствовать формированию у осужденных новых смысловых установок.

Также целесообразно проведение следующих мероприятий по психологическому сопровождению данной категории осужденных:

- формирование жизненных целей и подготовка к освобождению;
- проведение психокоррекционных занятий, направленных на развитие навыков самопознания и изменение Я-концепции;
- обучение приемам саморегуляции ВИЧ-инфицированных осужденных для снижения степени уровня эмоциональной напряженности;
- овладение навыками уверенного поведения;
- разрешение и профилактика конфликтов с участием ВИЧ-инфицированных осужденных;
- проведение профилактических и разъяснительных бесед среди контингента исправительного учреждения о путях передачи ВИЧ-инфекции и способах заражения;
- при подготовке к освобождению проводить просветительские лекции и беседы, организовывать с осужденными деловые игры и тренинги по профессиональному самоопределению.

Таким образом, зная жизненные смыслы, цели, перспективы ВИЧ-инфицированных осужденных, сотрудники смогут оказать

им соответствующую психолого-педагогическую помощь в критических ситуациях, прогнозировать их психологическую готовность к освобождению и адаптации в условиях свободы. Развитие экзистенциальной сферы осужденного будет тем эффективнее и гармоничнее, чем больше будет опора на

самоактуализацию внутренних сил самого ВИЧ-инфицированного, чем больше будет стимулироваться функционирование экзистенциальной сферы личности с тем, чтобы обеспечить все потенции человека и его стремление к самовоспитанию, самоизменению, самосовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание личности с позиции экзистенциального подхода // Экзистенциальный подход к воспитанию и социально-педагогическому сопровождению детей и молодежи : материалы заоч. науч.-практ. интернет-конф. Ярославль, 2013. С. 57–61.
2. Леонтьев А. Н. Философия психологии: из научного наследия / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М., 1994. 228 с.
3. Медико-санитарное обеспечение осужденных женщин и детей, находящихся в исправительных учреждениях УИС России. URL: <http://prisonlife.ru/> (дата обращения: 17.11.2017).
4. Методические рекомендации по работе с ВИЧ-инфицированными осужденными. Вологда, 2005. 37 с.
5. Наздрачева Л. Дважды приговоренные // Ежеднев. общерос. газ. 2007. 1 окт.
6. Оказание психологической помощи ВИЧ-инфицированным осужденным : программа спецкурса для слушателей (курсантов) психол. фак. образоват. учреждений ФСИН России, курсов переподготовки психологов уголовно-исполнит. системы. М., 2006. 72 с.
7. Практикум по психологии здоровья / ред. Г. С. Никифоров. СПб., 2005. 350 с.
8. Рожков М. И. Концепция экзистенциальной педагогики. URL: http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/kontsepsiya_ekzistentsionalnoy_pedagogiki.html (дата обращения: 26.10.2017).

REFERENCES

1. Zautorova E. V. Nравstvenno-ehsteticheskoe vospitanie lichnosti s pozicii ehkzistencial'nogo podhoda [Moral and aesthetic education of the personality from the standpoint of the existential approach]. Ehkzistencial'nyj podhod k vospitaniju i social'no-pedagogicheskomu soprovozhdeniju detej i molodezhi : materialy zaoch. nauch.-prakt. internet-konf. – Existential approach to the upbringing and socio-pedagogical support of children and youth : materials of the correspondence scientific-practical Internet conference. Yaroslavl, 2013. P. 57–61. (In Russ.).
2. Leont'ev A. N. Filosofiya psihologii: iz nauchnogo naslediya / pod red. A. A. Leont'eva, D. A. Leont'eva [Philosophy of psychology: from the scientific heritage : ed. A. A. Leontiev, D. A. Leontiev]. Moscow, 1994. 228 p. (In Russ.).
3. Mediko-sanitarnoe obespechenie osuzhdennyh zhenshchin i detej, nahodyashchihся v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah UIS Rossii [Medical care for convicted women and children in correctional institutions of the penal system of Russia]. Available at: <http://prisonlife.ru/> (accessed 17.11.2017). (In Russ.).
4. Metodicheskie rekomendacii po rabote s VICH-inficirovannymi osuzhdennymi [Guidelines for working with HIV-infected convicts]. Vologda, 2005. 37 p. (In Russ.).
5. Nazdracheva L. Dvazhdy prigovorenyye [Twice sentenced]. Ezhednev. obshcheros. gaz. – Daily all-Russian newspaper. 2007. Oct. 1. (In Russ.).
6. Okazanie psihologicheskoy pomoshchi VICH-inficirovannym osuzhdennym : programma speckursa dlya slushatelej (kursantov) psihol. fak. obrazovat. uchrezhdenij FSIN Rossii, kursov perepodgotovki psihologov ugolovno-ispolnit. sistemy [Providing psychological assistance to convicted prisoners with HIV infection : a special course program for students (cadets) of psychological faculties of educational institutions of the Federal Penal Service of Russia, retraining courses for psychologists of the penal system]. Moscow, 2006. 72 p. (In Russ.).
7. Praktikum po psihologii zdorov'ya / red. G. S. Nikiforov [Workshop on Health Psychology : ed. by G. S. Nikiforov]. St. Petersburg, 2005. 350 p. (In Russ.).
8. Rozhkov M. I. Konceptiya ehkzistencial'noj pedagogiki [The concept of existential pedagogy]. Available at: http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/kontsepsiya_ekzistentsionalnoy_pedagogiki.html (accessed 26.10.2017). (In Russ.).

УДК 159.9.01

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-126-135

Метопарадигма духовности в методологии юридической психологии

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры истории и философии ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

Статья посвящена анализу развития теоретико-методологического фундамента юридической психологии. Рассматривается своеобразие феноменологии юриди-ко-психологической реальности, обосновывается важность философского подхода к созданию новой общенаучной и специфической методологии на основе целостного учения о человеке. Прослеживаются последствия всеобщего кризиса культуры и пропаганды идей трансгуманизма в виде формирования нового типа преступника, обладающего особой формой безнравственности – деструктивной духовности. Показана значимость современной философии в развитии методологических основ юридической психологии для рассмотрения многоуровневой организации изучаемой действительности, структуры внутреннего мира субъекта и изучения человека в правонарушителе, свидетеле, потерпевшем. На основе осмысления существующей реальности и понимания нравственности современного человека обсуждаются задачи, стоящие перед гуманитарными науками, и обосновывается актуальность создания антропологической теории и практики становления собственно человеческого в человеке. Анализируется методологический потенциал постнеклассической философии и психологии, рассматриваются вопросы их взаимодействия на современном этапе развития науки. В рамках междисциплинарного подхода анализируются сущность и содержание дискурсов духовности и нравственности человека. Конституируется понятие «психологические метапарадигмы», предлагается авторский взгляд на значимость и приоритетность использования в методологии юридической психологии базовой парадигмы – метапарадигмы духовности. Раскрывается содержание разработанной парадигмы, предлагаются к рассмотрению определения духовности и нравственности, артикулируемые в теории нравственного богословия.

Ключевые слова: юридическая психология; методология юридической психологии; кризис культуры; преступность; духовная дефицитарность; деструктивная духовность; постнеклассическая наука; философия; психология; антропология; философская антропология; философские основания; онтология; междисциплинарные исследования; познаваемая реальность; метапсихологические теории; метапарадигмы; субъективная реальность; внутренний мир; сознание; духовность; принцип иерархичности; религия; нравственное богословие.

19.00.06 – Юридическая психология

Metaparadigma of spirituality in the methodology of legal psychology

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of History and Philosophy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article is devoted to the analysis of the development of the theoretical and methodological foundation of legal psychology. The originality of the phenomenology of the legal-psychological reality is considered, the importance of the philosophical approach to the creation of a new general scientific and specific methodology based on the holistic teaching about a person is substantiated. The consequences of the general crisis of culture and the propaganda of transhumanism ideas are traced in the form of the formation of a new type of criminal with a special form of immorality - destructive spirituality. The importance of modern philosophy in the development of the methodological foundations of legal psychology for considering the multi-level organization of the studied reality, the structure of the inner world of the subject and the study of the person in the offender, the witness, the victim. On the basis of comprehension of the existing reality and understanding of the morality of modern man, the tasks facing the humanities are discussed, and the relevance of creating an anthropological theory and practice of becoming human in a human being is substantiated. The methodological potential of post-non-classical

philosophy and psychology is analyzed, the issues of their interaction at the present stage of the development of science are considered. Within the framework of an interdisciplinary approach, the essence and content of discourses of spirituality and morality of a person are analyzed. The concept of "psychological metaparadigms" is constituted, the author's view is suggested on the significance and priority of using the basic paradigm in the methodology of legal psychology - the metaparadigm of spirituality. The content of the developed paradigm is revealed, the definitions of spirituality and morality, articulated in the theory of moral theology, are offered for consideration.

Key words: legal psychology; methodology of legal psychology; cultural crisis; crime; spiritual deficiency; destructive spirituality; post-classical science; philosophy; psychology; anthropology; philosophical anthropology; philosophical foundations; ontology; interdisciplinary research; cognizable reality; metapsychological theories; metaparadigms; subjective reality; inner world; consciousness; spirituality; hierarchy principle; religion; moral theology.

19.00.06 – Legal psychology

С позиции философского апофатизма методология любой области науки, в частности юридической психологии, не является особым разделом науки, философией, теорией, системой или сетевой структурой принципов, методом научного познания, правилами и практикой построения гипотез, способом регуляции взглядов на теоретические основы исследуемых явлений, инструментом организации и практикой юридико-психологической деятельности и т. д., но, обладая особым статусом науки, содержит в себе все перечисленное. Методология юридической психологии должна содержать совокупность научно-практических знаний, необходимых для раскрытия природы криминального поведения, решения широкого континуума проблем в области не только криминальной психологии, но и юриспруденции, а также обеспечения психологической безопасности государства. Являясь прикладной (соподчиненной) областью методологии общей психологии и философии, она определяет развитие наиболее перспективных научно-практических направлений юридической, криминальной и пенитенциарной психологии. Как указывает Д. В. Сочивко, методологический анализ в этом разделе психологии выходит за рамки компетенций специалистов, поскольку находится за предельной гранью понимания психики человека, где заканчивается морально-нравственное и начинается криминальное поведение в социуме [18].

Практика юридической психологии воплощает огромный опыт эмпирического и научного познания действительности и значительно шире имеющихся в академической науке теоретических представлений о внутреннем мире человека. Вместе с тем отставание в развитии теоретико-методологических основ и попытки построения теоретического фундамента в ракурсе за-

падно ориентированной психологии на базе идеологии либеральных ценностей существенно снижают ее научный потенциал, о чем свидетельствует низкая эффективность деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [14]. Учитывая своеобразие феноменологии юридико-психологической реальности, для решения ее стратегических задач необходимо дальнейшее развитие собственной общенаучной и специфической методологии (первого и второго уровней) на основе целостного учения о человеке. Это касается разработки и создания новых теоретических подходов к пониманию психологического своеобразие изучаемых юридических явлений, углубленного анализа личности как субъекта деятельности и, прежде всего, исследования человека в правонарушителе, свидетеле, потерпевшем.

Философское обеспечение становления теоретического фундамента юридической психологии открывает перспективы определения основной зоны ближайшего развития ее методологии, вписывания психического в научную картину мира, выработки определения и понимания внутреннего мира человека на основе традиционной культуры и конструирования соответствующего ей предметного пространства психологии, определения ориентиров и магистральных задач обеспечения интеграции различных потоков психологического знания на основе междисциплинарных исследований и т. д. Поскольку психология пошла преимущественно по пути дифференциации целого, анализа частей и их связей друг с другом, то философско-антропологический подход обосновывает использование в качестве важнейшего принципа системного анализа науки и его развития в постнеклассической психологии – принципа иерархичности. Это позволит глубже рассматривать

многоуровневую организацию изучаемой действительности, структуру внутреннего мира субъекта и предоставит возможность сосредоточить исследование на качественно определенном своеобразном явлении. Изучение человека в этом контексте противостоит основным ошибочным тенденциям – функционализму (упрощенному схематическому представлению о том, что психическая деятельность протекает как сумма отдельных, локальных психических актов), биологическому редукционизму и трансгуманизму (размыванию и элиминации истинных духовных ценностей человека). Актуальным становится системный пересмотр философско-психологических и других теоретических подходов, постулатов и идей, определяющих методологический аппарат юридической психологии, идущей по пути взаимодействия с философией, юриспруденцией, психологией и рядом других гуманитарных наук. При этом дальнейшее развитие методологии юридической психологии на основе соответствия ее базовой парадигмы традиционной антропологической модальности позволит не только установить психологические закономерности деятельности и личности человека в области правового регулирования и разработать практические рекомендации по повышению эффективности правоприменительной деятельности, но и выделить психологические феномены, а также внутренние предпосылки криминогенного поведения человека.

Несмотря на имеющиеся теории и гипотезы преступного поведения человека, до сих пор отсутствует согласованность в понимании сущности и причин данной социальной патологии, истинная ее природа остается не раскрытой. Теории преступного поведения отражают, как правило, научную идеологию и парадигмы, на основе которых они создавались. Так, социологические теории связывают феномен преступности с особенностями устройства социума, медико-биологические – с наследственностью, психическими расстройствами и аномалиями развития, социально-психологические – со стрессом, дефицитностью развития и образования и т. д. Развиваемые при этом подходы к исследованию природы криминального поведения человека основываются преимущественно на рациональном научном понимании человеческой природы. Сама же рациональность, как указывает В. А. Лекторский, представляется дискуссионной философской проблемой: один полюс при этом образует ее отрицание в целепо-

лаганиях человека вследствие его иррациональной природы, а другой – ее законное право в дальнейшем постмодернистском уничтожении личности при создании «нового» человека. Анализ проблем современной научной мысли указывает на наличие плавающей (скользящей) границы научного и ненаучного, когда отвергнутые ранее теории и положения вновь получают подтверждение и становятся источником развития [15].

Еще в древние времена была обнаружена тесная взаимосвязь врожденных качеств и характерологических особенностей преступника с духовностью и культурой формирующей его социальной среды. Всеобщий кризис культуры создает новый тип преступника, обладающего особой формой безнравственности в виде деструктивной духовности [20]. Об этом вслед за Ю. А. Алферовым пишет Е. В. Черносвитов, считая, что в целом ряде случаев имеет место не столько педагогическая и воспитательная запущенность, сколько наследственная форма появления преступной личности, которая отличается от личности преступника фатальной необратимостью психических и социальных форм патологии [23]. О явном неблагополучии внутреннего мира большинства осужденных подростков, совершивших тяжелые преступления, свидетельствует тот известный факт, что, сожалея о случившемся, они не испытывают чувства вины и не считают содеянное тяжким преступлением. Падению нравственности способствует усиление десакрализации, сопровождающейся утратой духовных ценностей, устоев и традиций культуры народов нашего государства. Системный характер разрушения нравственности ставит человечество на грань выживания, и первоочередной задачей, стоящей перед гуманитарными науками, является осмысление существующей реальности, понимание внутреннего мира современного человека и пространства его жизни [21]. Идеологический плюрализм превратился в хаос, а выдвижение западных ценностей в качестве общечеловеческого идеала дополняет картину нравственной деградации населения России и грозит потерей суверенитета, тем более что сам Запад переживает глубокий исторически обоснованный кризис. Коренной ошибкой западной культуры, следующей в фарватере американской политики, является принятие постулатов философии и мировоззрения прагматизма, беспредельно расширяющих права и сужающих обязанности человека [21].

Психологи, философы и другие исследователи (Ю. М. Антонян, Ф. К. Василюк, В. М. Поздняков, Д. В. Сочивко, Б. С. Братусь, В. И. Слободчиков, А. М. Чирков) считают, что процесс нравственного падения человека указывает на антропологический кризис, приобретающий решающую роль в глобальной динамике современного мира. В этой связи европейским трансгуманистским моделям человека современная психология должна противопоставить антропологическую теорию и практику становления собственно человеческого в человеке. Для выбора базовой, в первую очередь философской, парадигмы, методологии юридической психологии необходимы реализация междисциплинарного подхода с опорой на логику развития, поиск идейных предпосылок, их анализ в различных областях науки и оформление этих идей на постнеклассической основе. Прослеживание идейных связей между естественно-научными дисциплинами, философскими школами, психологией и другим гуманитарным знанием является основанием выбора базовой научной парадигмы, которая должна соответствовать истинной природе, ценностям и цели человека, исследуемым в контексте задач общей и юридической психологии. Решение этой актуальной проблемы позволит не только продвинуться в понимании природы преступного поведения, но и приблизиться к постижению бытия современного человека с позиций традиционной культуры наших народов. Методология юридической психологии должна при этом выступить флагманом достижения психологической безопасности нашего государства в сфере превенции падения нравственности, воспитания духовности подрастающего поколения и минимизации криминального поведения.

Исследование причин возникновения криминального поведения приобретало особую актуальность в периоды перелома формаций, кризисов и глубоких исторически значимых преобразований цивилизационной природы. Несмотря на тот факт, что повышение уровня преступности на этих этапах имеет многофакторную характеристику, оно открывает возможности для поиска путей выявления главной причины разрушения нравственности. Многогранный психологический опыт изучения макропсихологических изменений внутреннего мира делинквента указывает на духовную дефицитность последнего, что, в свою очередь, обосновывает важность раскрытия таких констант внутреннего мира человека,

как духовность, сознание, нравственность, совесть и т. д. [17; 13]. Многовековое исследование субъективного мира человека с позиций различных школ философии не смогло раскрыть их природу. Так, Ж. Деррида указывал, что в противоположность эпистемическому дискурсу структуральный мифологический дискурс сам должен быть мифоморфным, тем самым отрицая значимость и существование философской мысли. Преодоление кризиса философского анализа психики человека, по мнению В. С. Степина, становится возможным на постнеклассическом этапе развития науки. Открытие новой реальности и создание особого способа ее описания объединяет естественные науки и науки о Духе [19]. В постнеклассической науке произошел полный отказ от традиционных детерминистических представлений о мироустройстве, а центром сближения естественных и гуманитарных наук стал сам человек, его внутренний, духовный мир.

В постнеклассической философии впервые самостоятельную проблематику составили проблемы метафизики: бытие и реальность, сущность и существование, онтология сознания, религиозные основы научного познания, взаимоотношения трансцендентального и символического и т. д. В этой связи использование идей постнеклассической философии в юридической методологии позволит осуществить конструктивную критику научного знания с точки зрения традиционных ценностей религии и культуры, а также даст мировоззренческую интерпретацию результатов этой методологии. Становясь неотъемлемой частью мировоззрения психолога, методология постнеклассической философии не только определяет постановку исследовательских и практических задач, но и задает наиболее существенные мировоззренческие предпосылки для анализа внутреннего мира человека. Занимая центральное место в системе знания – треугольнике, образованном естественно-научными и гуманитарными дисциплинами, имея самый сложный объект исследования (где объект и субъект исследования совпадают, а все психические явления или феномены полидетерминированны), психология требует особого внимания к методологическим проблемам. Следует отметить, что философский подход к методологии психологии в целом на современном этапе развития науки остается во многом не разработанным, вследствие чего остаются нерешенными многие насущные проблемы. К таковым от-

носятся субъективизм получаемых знаний, недоступность внешнему наблюдению психических феноменов, состояний и их непрерывное изменение, связь получаемых и транслируемых психологом знаний с его личностными и моральными компонентами, отсутствие содержательного анализа и наличие разнородных и противоречивых теорий и концепций и т. д.

В постнеклассической науке преодолено негативистское отношение к научным достижениям прошлого, и психология ассимилирует религиозное знание и достижения духовных практик. Для отечественной постнеклассической философской психологии характерно также активное освоение философских идей, высказанных писателями, поэтами, художниками, то есть развитие своеобразной философской психологии в виде поэтической антропологии. Главной тенденцией постнеклассической психологии явилось создание глобальных парадигм (гносеологической, феноменологической, деятельностной, экзистенциальной и др.) как совокупностей методологических установок, возникающих на определенной философской основе, – метапарадигм. Каждая парадигма имеет свои преимущества, что не позволяет полностью отказаться от какой-либо из них [3]. Современная прикладная психология во многом опирается на собственную парадигму, которая определяется в литературе как инструментально-технологическая. Такие методологические инструменты анализа обычно используются в педагогических, социальных, психологических, медицинских и других видах практики. В определенных границах они могут быть весьма эффективными и, по мнению Л. И. Воробьевой, опираются на понятие нормы как некоего условного человеческого стандарта. Одной из относительно новых философско-психологических метапарадигм явилась парадигма сознания и духовности, постулирующая определяющую роль духовности человека в формировании нравственности, мировоззрения и устойчивости к стрессу [1]. С позиций этой парадигмы, построенной на метафилософском уровне с привлечением теорий сознания, постнеклассической психологии, психофизиологической теории функциональных систем П. К. Анохина, теории и практики нравственного богословия и достижений постнеклассической науки, предпринята попытка раскрытия природы психических личностных расстройств, девиантного и делинквентного поведения человека.

Дальнейшему развитию идеи духовности и ее рассмотрению в качестве базовой парадигмы постнеклассической науки служит философское осмысление единства объективного мира и мира человека. При этом основные положения философии постнеклассического типа рациональности связаны с поворотом эпистемологической парадигмы – антропологического и лингвистического мышления – в сторону междисциплинарного дискурса, а философская антропология на этой же основе приближается к пониманию природы духовности человека [12]. Но несмотря на все попытки ее исследования, она до сих пор не получила адекватного определения. И если в философской литературе преодолен грубый материализм в трактовке духовности как «функции высокоорганизованной материи, материальной, общественно-исторической практики людей» [8], то новая ее трактовка как «совокупности средств и свойств, позволяющих человеку полноценно существовать в мире культуры, религии, нравственности, искусства, философии» [2, с. 88] поверхностна и лишена внутреннего содержания. Определяющее для юридической психологии понятие нравственности в энциклопедическом философском словаре все еще представлено так: «система нормативных предписаний, стоящих на страже таких универсальных ценностей существования, как жизнь, свобода и достоинство каждого человека, независимо от его принадлежности к какой-либо из общностей или положения внутри системы социальной иерархии» [2, с. 157]. Данная дефиниция неудовлетворительна вследствие неопределенности и отвлеченности понятий «универсальные ценности», «жизнь», «свобода», «добро». В отличие от этого христианские мыслители всегда обращались к более глубокому рассмотрению основных категорий нравственности (морали): добра и зла, свободы и ответственности, совести, долга, вины, стыда и т. д. В их работах под духовностью понимается уникальное сочетание высших элементов сознания и души, устремление к обретению смысла жизни, нравственности и творчеству, поиску Истины, осознанию необходимости связи с трансцендентным началом [5; 9].

Многие авторы считают, что исследование духовности выходит за пределы человеческого опыта, и рассматривают ее в качестве высокоэнергетичной матрицы, находящейся в сфере трансцендентной сущности. В противовес этому А. Я. Канапацкий утверждает, что уникальность человеческой духовности

может быть осмыслена с философской точки зрения и сложность ее познания связана с отсутствием философского осмысления образа человека и отрывом духовности от ее онтологических сущностных оснований. Он отмечает, что Дух, обнаруживаясь только в феноменологии внутренней жизни индивида и созерцании сверхчувственного, самых неисповедимых глубинах человеческой души, находится за пределами научной рациональности, и это требует для его постижения соответствующих познавательных средств [7]. Так, способом философского постижения духовности явилась метатеория, созданная М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским при исследовании сознания [11]. Ее методологические принципы относят к классу универсальных, постулирующих положение, согласно которому сознание и другие феномены внутреннего мира могут быть лишь метаобъектами (квазиобъектами). Позиция исследователя по отношению к ним не позволяет их эксплицировать и рассматривать как проблему, а дает возможность только описывать и интерпретировать как нечто, что может быть понятым как сознательный или духовный опыт. Философия М. К. Мамардашвили представляет собой сложную целостность, включающую в себя экзистенциальную сотериологию и, что особенно важно для юридической психологии, философскую танатологию. Понятие смерти у М. К. Мамардашвили основывается на фундаментальном отсутствии, которое понимается как состояние неосознавания себя, следствием чего является духовная и философская смерть субъекта в мире отсутствия мысли о бытии.

Выстраивая философию отсутствующего сознания, М. К. Мамардашвили утверждает, что сознание есть у человека как психофизический феномен биологического существа, но оно мертво без мысли, как мертв субъект, то есть такая смерть участвует в самой жизни, а не наступает после нее [10]. Философская танатология М. К. Мамардашвили преобразует экзистенциальный подход к человеку, сообщая «смерти предельный символический смысл, тот, который предполагается в религиозном понятии “вечной гибели”, и... выдвигает этот символ смерти в описании самой длящейся земной жизни» [16, с. 185]. Люди могут умирать уже при жизни, и смерть прежде смерти – это самое страшное, что может произойти с человеком, по мнению М. К. Мамардашвили. Под смертью при жизни он понимал выморочное состояние, в котором

человек может пребывать десятилетиями и которое сопровождается приступами агониального жизнеощущения. При этом М. К. Мамардашвили подчеркивал, что за смерть при жизни, наступающую по нашей собственной вине, приходится расплачиваться недостижимостью смерти как итога человеческого земного бытия. Он отмечал, что философия личного спасения основана на предположении, что жизнь, в которой мы рождаемся, построена так, что приходится спасаться, проделывать специальный путь, делать что-то с собой, чтобы вырваться из обыденного кругооборота, который сам по себе абсурден, случаен [10]. В русле этого подхода исследования сознания и других психических квазиобъектов осуществлял В. П. Зинченко, указывавший на иерархичность развития сознания и наличие его высшего уровня – духовного слоя [4].

Главной чертой актуальных философских метатеорий духовности является рефлексия, но не над результатами духовной и материальной деятельности человека, а над научным и философским пониманием реального и идеального, которые в современной философии начинают сближаться. В постнеклассической философии подходы к исследованию духовности в целом сохраняют традиции ее анализа, конституируя онтологические, гносеологические, аксиологические и другие основания как ипостаси сущности человека и его бытия. Этическое толкование понятий Духа и духовности при этом уступает место философско-антропологическим и нравственно-богословским трактовкам. Сходную с представителями философской науки позицию в осмыслении духовности занимают и целый ряд отечественных психологов: Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, И. М. Ильичева, В. И. Слободчиков, Д. В. Сочивко, Л. Ф. Шеховская, Ю. М. Зенько и др. Они считают, что ядро личности связано с ее высшим психическим качеством – духовностью, которая есть проявление сущности человека, его внутренняя приверженность нравственному долгу, сфера взаимоотношений человека с трансцендентным, подчиненность высшему смыслу его бытия и т. д. [6]. Следовательно, в философии и психологии духовность сегодня рассматривается как фундаментальное, основополагающее качество человека, стремление личности к высшему началу, как выход за пределы замкнутого феноменального мира, как неотъемлемое имманентное богатство и многомерность бытия человека. Это соответствует взглядам хри-

стианских мыслителей России, таких как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, А. И. Введенский, В. Н. Лосский и др., указывающих на универсальность духовности, ее регулируемую по отношению к нравственности, совести и поведению роль. И. А. Ильин усматривал разрушающие и катастрофические последствия бездуховности в социальной деградации, катастрофах и братоубийственных войнах [5].

Философская антропология свидетельствует о важности обращения к такому фундаментальному компоненту внутреннего мира человека, как духовное бытие, на основе анализа и обогащения его содержания и смысла в контексте нравственного богословия. Необходимо отметить, что нравственное богословие в отечественной богословской литературе во многом определяется пониманием взаимосвязи догматики и нравственности, иерархичности соотношения догматических и нравственных истин. В исторической ретроспективе принято выделять четыре точки зрения на предмет нравственного богословия с позиции систематизации нравственно-богословских знаний. Так, первая рассматривает христианскую нравственность с позиций учения о добродетели и ее противоположности – грехе, вторая отражает понимание примата идеи Царства Божия, третья связывает ее с учением о спасении, а четвертая опосредуется требованиями нравственного закона Божия. Становлению православного нравственного богословия в конце XVII и XIX вв. противостоял так называемый морализм с характерными для него сведением христианской нравственности к «естественной морали», обмирщением аскетике и возведении догматов к нравственному опыту. Развитие морализма, происходившее на основе протестантской этики и католической моральной теологии, подпитывалось модной в XIX в. идеей универсальности нравственности, ее «взаимной психологической и логической связи» с христианским догматом спасения. Западная ориентация как догматического, так и нравственного богословия стала в этой связи инструментом переоценки классического святоотеческого соотношения нравственности и догматики, что привело к превращению богословия в нравственный монизм [22].

Православное нравственное богословие, как и вся философия русских христианских мыслителей, свидетельствует о том, что постижение сущности внутреннего мира тре-

бует персональных усилий и затрат энергии посредством особой ментальной практики и выхода на трансцендентный уровень бытия. Мифический опыт философии в этих условиях продвигает познание духовности к горизонту инобытия, приближаясь к смыслу духовного дискурса в богословии. Нравственное богословие выступает при этом как обоснование пути к спасению, оправдание подвижнической жизни, ведущей к снисканию благодати. Стяжание духовной жизни и опыт переживания таинств являются главными принципами построения науки нравственного богословия и практики совершенствования нравственной жизни человека. С точки зрения православной церкви, центральным смыслом понятия «духовность» является действие в человеке благодати Святого Духа. Православная духовность – это опыт жизни во Христе, атмосфера нового человека, возрожденного благодатью Божией. Речь идет не об абстрактном эмоциональном и психологическом состоянии, но о единении человека с Богом, то есть духовность – это Богоподобие, а образцом и примером совершенной духовно-нравственной жизни в православии является Иисус Христос.

Основой нравственности, с богословской точки зрения, является то, что выше отвлеченных общих ценностей и добра, а именно личное общение человека с живым личным Богом, Отцом небесным, жизнь по воле Божией и для славы Божией. Христианская нравственность – это жизнь во Христе, жизнь по закону Божию, глубоко сознательное, деятельное и свободное осуществление человеком в своей жизни великих заповедей Христа Спасителя. Христианская нравственность рассматривается в православной церкви как исполнение и завершение естественной нравственности, которая присуща опыту каждого человека и требует своего развития. Учение о совершенствовании христианской нравственности опирается на неповторимость Божественного Откровения, но учитывает также и ценность философского знания. Содержание понятия нравственности в богословии базируется на Священном Писании, и основные связанные с ней положения изложены в 5–7 главах Евангелия от Матфея и Посланиях святого апостола Павла.

В центре любой этической системы стоит человек, и его моральное поведение предполагает выбор между добром и злом. Православное учение о человеке – это достаточно основательно разработанная система

догматического и нравственного (морального) богословия, которое есть не что иное, как толкование и философское осмысление Священного Писания Отцами Церкви. Совершенство и глубина христианского верования открывается человеку по мере его духовного роста, по мере исполнения им евангельских заповедей, а познание Божественной истины освобождает человека от власти греха. При этом даже самая высокая мораль сама по себе не дает сил для исполнения ее требований, и только при содействии благодати Божией человек может стать поистине нравственным. Человек открыт для проявления в нем таинственных действий Святого Духа, которыми озаряется и преобразуется инертная стихия человеческого естества.

Таким образом, духовность может рассматриваться как системообразующее начало, определяющее организацию и развитие внутреннего мира человека, его интенциональность, и одновременно как главный фактор системы ресурсов совладающего поведения в обеспечении жиз-

нестойкости. Она представляет высший и сложный комплекс неразделяемых духовно-психологических новообразований, которые и есть живой духовный метаобъект – надпсихический феномен, имеющий свою структуру, определяющий качество направленности всех соподчиненных субсистем и различных психических функций (от смыслообразования, выбора ценностей, целеполаганий, установок, веры, доверия, любви, способностей к мифологизации, символизации до самотрансценденции и т. д.). Его организующим истоком и этосом признается Дух как субстанциальное и сущностное начало, определяющее целостность духовного мира человека. Дефицит же духовности порождает множество психических отклонений – от общего девиантного синдрома адаптации до делинквентного поведения [1; 12; 24]. В этой связи в качестве базовой научной парадигмы методологии юридической и пенициарной психологии постулируется метапарадигма духовности, отвечающая принципам постнеклассической философии, психологии и науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабури́н С. В., Оботурова Н. С., Чирков А. М. Методология психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 55–66.
2. Бачанин В. А. Философия : энциклопед. словарь. СПб., 2005. С. 88.
3. Воробьева Л. И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ : дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 26 с.
4. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2006. 668 с.
6. Ильичева И. М. Введение в психологию духовности. М., 2006. 349 с.
7. Канапацкий А. Я. Онтологическая истинность духовности: феномен и сущность. Уфа, 2003. 200 с.
8. Кондрашов В. А., Чекалов Д. А., Копорулина В. Н. Новейший философский словарь. 2-е изд. Ростов н/Д, 2006. С. 218.
9. Лосский В. Н. Боговидение. Минск, 2007. 495 с.
10. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). М., 1995. 547 с.
11. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания // Пятигорский А. М. Избр. тр. М., 1996. 590 с.
12. Оботурова Н. С., Чирков А. М. Актуальные проблемы методологии психотерапии осужденных // Приклад. юрид. психология. 2018. № 3. С. 28–36.
13. Оботурова Н. С., Чирков А. М. Философско-антропологические основания психотерапии осужденных // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 97–105.
14. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2017 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
15. Рациональность и ее границы : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А. А. Гусейнова, В. А. Лекторского. М., 2012. 233 с.
16. Соловьев Э. Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М., 2009. 438 с.
17. Сочивко Д. В. Духовно ориентированный подход в рамках гештальт-терапии: формирование понятийного аппарата // Консультатив. психология и психотерапия. 2008. № 3. С. 19–35.
18. Сочивко Д. В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Приклад. юрид. психология. 2011. № 2. С. 8–18.
19. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
20. Тонконогов А. В. Обеспечение духовной безопасности в современной России : моногр. М., 2011. 211 с.
21. Фельдштейн Д. И. Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. М. ; Воронеж, 2008. 15 с.
22. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. 848 с.
23. Черновитов Е. В. Специальная социальная медицина : учеб. пособие для вузов. М., 2004. 704 с.
24. Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2018. № 1 (72). С. 40–46.

REFERENCES

1. Baburin S. V., Oboturova N. S., Chirkov A. M. Metodologiya psihologicheskogo stressa u sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij i osuzhdennyh [Methodology of psychological stress among correctional officers and convicts]. Vestn. in-ta:

- prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. Iss. 4 (28). P. 55–66. (In Russ.).
2. Bachanin V. A. *Filosofiya : ehncikloped. slovar'* [Philosophy : Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 2005. P. 88. (In Russ.).
 3. Vorob'eva L. I. *Psihoterapiya v istorii psihologii: kul'turno-istoricheskij analiz : dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychotherapy in the history of psychology: a cultural-historical analysis : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.).
 4. Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
 5. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of religious experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
 6. Il'icheva I. M. *Vvedenie v psihologiyu duhovnosti* [Introduction to the psychology of spirituality]. Moscow, 2006. 349 p. (In Russ.).
 7. Kanapackij A. YA. *Ontologicheskaya istinnost' duhovnosti: fenomen i sushchnost'* [Ontological truth of spirituality: phenomenon and essence]. Ufa, 2003. 200 p. (In Russ.).
 8. Kondrashov V. A., CHekalov D. A., Koporulina V. N. *Novejsnij filosofskij slovar'* [The newest philosophical dictionary. 2nd ed.]. Rostov-on-Don, 2006. P. 218. (In Russ.).
 9. Losskij V. N. *Bogovidenie* [Godvision]. Minsk, 2007. 495 p. (In Russ.).
 10. Mamardashvili M. K. *Lekcii o Pruste (Psihologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Proust (Psychological topology of the way)]. Moscow, 1995. 547 p. (In Russ.).
 11. Mamardashvili M. K., Pyatigorskij A. M. *Tri besedy o metateorii soznaniya* [Three Conversations on the Metatheory of Consciousness]. Pyatigorskij A. M. Izbr. tr. [Selected Works]. Moscow, 1996. 590 p. (In Russ.).
 12. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Aktual'nye problemy metodologii psihoterapii osuzhdennykh* [Actual problems of the methodology of psychotherapy of convicts]. *Priklad. yurid. psihologiya – Applied legal psychology*. 2018. Iss. 3. P. 28–36. (In Russ.).
 13. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya psihoterapii osuzhdennykh* [Philosophical-anthropological foundations of psychotherapy of convicts]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2008. Iss. 2 (42). P. 97–105. (In Russ.).
 14. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy za yanvar'–dekabr' 2017 g. : inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system for January–December 2017 : information and analytical compendium]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
 15. *Racional'nost' i ee granicy : materialy mezhdunar. nauch. konf. / pod red. A. A. Gusejnova, V. A. Lektorskogo* [Rationality and its boundaries : materials of the Intern. scientific conf. : ed. by A. A. Guseinov, V. A. Lektorsky]. Moscow, 2012. 233 p. (In Russ.).
 16. Solov'ev E. H. YU. *Ehkzistencial'naya soteriologiya Meraba Mamardashvili* [Existential Soteriology by Merab Mamardashvili]. Merab Konstantinovich Mamardashvili / pod red. N. V. Motroshilovoj [Merab Konstantinovich Mamardashvili : ed. by N. V. Motroshilova]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
 17. Sochivko D. V. *Duhovno orientirovannyj podhod v ramkah geshtal't-terapii: formirovanie ponyatijnogo apparata* [A Spiritually Oriented Approach in the Framework of Gestalt Therapy: the Formation of a Conceptual Apparatus]. *Konsul'tativ. psihologiya i psihoterapiya – Consultative psychology and psychotherapy*. 2008. Iss. 3. P. 19–35. (In Russ.).
 18. Sochivko D. V. *Problema metodologii prikladnoj (yuridicheskoy) psihologii* [The problem of the methodology of applied (legal) psychology]. *Priklad. yurid. psihologiya – Applied legal psychology*. 2011. Iss. 2. P. 8–18. (In Russ.).
 19. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, 2000. 744 p. (In Russ.).
 20. Tonkonogov A. V. *Obespechenie duhovnoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii : monogr.* [Ensuring Spiritual Security in Modern Russia : monogr.]. Moscow, 2011. 211 p. (In Russ.).
 21. Fel'dshtejn D. I. *CHelovek v sovremennom mire: tendencii i potencial'nye vozmozhnosti razvitiya* [Man in the modern world: trends and potential development]. Moscow ; Voronezh, 2008. 15 p. (In Russ.).
 22. Florovskij G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Moscow, 2009. 848 p. (In Russ.).
 23. CHernosvitov E. V. *Special'naya social'naya medicina : ucheb. posobie dlya vuzov* [Special Social Medicine : tutorial for universities]. Moscow, 2004. 704 p. (In Russ.).
 24. CHirkov A. M. *Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennykh* [System genesis of stress adaptation of convicts]. *Psihopedagogika v pravoohranit. organah – Psychopedagogy in law enforcement*. 2018. Iss. 1 (72). P. 40–46. (In Russ.).

УДК 364.4

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-135-141

Прогностическая способность сотрудника уголовно-исполнительной системы как предпосылка реализации опережающей поддержки воспитанника

Ф. И. КЕВЛЯ – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор

Реферат

В статье раскрываются требования к сотруднику уголовно-исполнительной системы, призванному осуществлять опережающую поддержку воспитанника. Наряду со специальными психолого-педагогическими знаниями, концептуальным мышлением и проективными умениями ему необходимо освоить сущность и структуру

весьма сложного и недостаточно разработанного в науке общего понятия «прогностическая способность». Научная новизна данного исследования в том, что анализ большого количества философско-психологического и педагогического материала позволил обобщить, разъяснить и структурировать это понятие для практических работников сферы образования и уголовно-исполнительной системы, а прежде всего для тех, кто стремится осуществлять опережающую поддержку воспитанника.

Ключевые слова: прогнозирование; прогностическая способность; сознание; антиципация; опережающая поддержка; надситуативная активность.

19.00.06 – Юридическая психология

Predictive ability of the penal system employee as a prerequisite for the implementation of advance support pupil

F. I. KEVLYA – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor

Abstract

The article describes the requirements for the penal system employee, aimed to provide advanced support to the pupil. Along with special psychological and pedagogical knowledge, conceptual thinking and projective skills, he needs to master the essence and structure of a very complex and insufficiently developed in science general concept of "prognostic ability". The scientific novelty of this study is that the analysis of a large number of philosophical-psychological and pedagogical material allowed generalizing, explaining and structuring this concept for practitioners in the educational sphere and the penal system and above all for those who seek to carry out advanced support for a pupil.

Key words: forecasting; predictive ability; consciousness; anticipation; advance support; suprasituative activity.

19.00.06 – Legal psychology

Личностному развитию воспитанника может оказать опережающую поддержку тот сотрудник уголовно-исполнительной системы, который прежде всего сам является и осознает себя личностью, обладает концептуальным мышлением, прогностической способностью, имеет необходимые знания-компетенции и проективные умения. Понятие «проекция» (от лат. *projectio* – выбрасывание вперед) уже давно и широко используется в науке. Данный феномен послужил ключом для категории «проективная психология», которая разрабатывает теоретическое обоснование применения проективных методик.

С целью диагностики и прогнозирования личностного развития воспитанника, как правило, используется комплекс проективных методик, что актуализирует развитие и формирование прогностической способности сотрудника уголовно-исполнительной системы. Прежде чем определить специфику прогностической способности специалиста, рассмотрим, что представляет эта способность сама по себе, как она связана с прогностической деятельностью и сознанием человека.

Анализ специальной литературы свидетельствует, что прогностическая деятельность – это вид познавательной деятельности по разработке прогноза, который может представлять опережающее знание, совокупность информации, полученной в результате использования способности человека к предчувствию, предвидению, предсказанию. Прогноз осуществляется на основе научного и интуитивного осмысления закономерностей, распространяющихся на события и явления как в прошедшем, настоящем, так и в будущем времени.

Тысячелетиями идея проникновения в «будущее» волновала ум человека, так как его знание, объяснение и понимание характеризуют уровень развития свободы человека, позволяют ему из нескольких имеющихся способов (вариантов) своего действия в настоящем выбрать наилучший. Способность человеческого ума к предвидению развивалась постепенно.

Философ А. Г. Никитина в книге «Предвидение как человеческая способность», анализируя данную проблему, характеризует онтологические, гносеологические и генетические основы предвидения [9]. Именно

благодаря тому, что в настоящем содержатся «зачатки» будущего, возможно предвидение. Значимость осознания актуальности настоящего в психологии определяют принципом «здесь и сейчас».

Другой онтологической основой предвидения является законосообразность объективного мира. Между явлениями и процессами, прошлым, настоящим и будущим существуют диалектически обусловленные связи. Законы обладают определенными свойствами, к ним относятся: необходимость, всеобщность, повторяемость, устойчивость. Именно потому, что закон имеет силу не только для существовавших в прошлом, наблюдаемых в настоящем времени объектов, но и для будущих, существующих, но ненаблюдаемых событий и явлений, закон и составляет онтологическую основу предвидения.

Для характеристики гносеологического компонента предвидения важна взаимосвязь между уровнями знания. Эмпирическое знание составляет исходный материал для теоретического, а прогноз во многих случаях остается гипотезой, пока не будет подтверждения в эксперименте или наблюдении. Прогноз получается посредством более или менее длинной цепи различных исследовательских актов, которые можно назвать основаниями предвидения. В ходе этого процесса из одних знаний (основания предвидения или диагноз) получают другие знания (прогноз). Все выстраивается в цепочку (диагноз → прогноз → управление), которую мастер высокого уровня реализует как методику опережающей педагогической поддержки воспитанника.

В гносеологии к вненаучному знанию относят обыденное (по народным приметам), религиозное (мантическое или мистическое – в виде прорицаний, пророчеств, гаданий), интуитивное (бездоказательное, чувственное постижение истины) и утопическое (мечтания, проекты о преобразовании общества) предвидение. Генезис предвидения как специфически человеческой способности сознания связывают с процессом становления человеческого общества (филогенез) на базе трудовой деятельности и ее существенного элемента – целеполагания.

А. А. Ухтомский в учении о доминанте (читай: о мотиве) как главном принципе работы нервных центров и организации поведения человека указывал, что мозг – это орган «предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды» [12]. В истории философии и психологии целесо-

образность (телеология) сознания долгое время рассматривалась как самоочевидная способность человека поступать сообразно цели, предваряющей телесные и умственные акты. Впервые эта способность была объяснена с позиций детерминизма в философии марксизма.

Трудовая деятельность, будучи изначально социальной и орудийной, обусловила развитие речи и мышления, сформировала особую систему общения, причем иную систему более высокого порядка, чем заданная биологической адаптацией. Труд, предполагающий внутренний план действий, их проектируемый результат в виде знаемой цели и средств ее достижения, способствовал развитию сознания. Построенный субъектом план становился причиной объективных событий. Идеальное творило материальное.

Целеполагание и предвидение имеют общую предысторию, общие биологические предпосылки – способность животных к предвосхищению.

Предвидение имеет несколько форм (ступеней) конкретизации: предчувствие (простое предвосхищение); предугадывание (сложное предвосхищение – размышление о будущем на основе жизненного опыта – вид интеллектуальной и интуитивной деятельности); прогнозирование (вывод из законов развития природы и общества, открытых наукой).

Из вышесказанного следует, что способность предвидения является одной из основных функций сознания. Сознание человека изучается рядом наук: философией, социологией, антропологией, нейрофизиологией, этнографией, логикой, лингвистикой, психологией и др. У каждой науки свой аспект и свои методы исследования. Философия и психология разрабатывают положение о том, что человеку как общественно-историческому существу присуще сознание, которое характеризует высший уровень психического отражения и саморегуляции.

Немецкие философы (А. Бауэр, В. Эйхгорн, Г. Кребер) утверждают, что в человеческой практике сознание не только является отражением окружающего мира, оно одновременно поднимается до предвидения будущего [2]. Чтобы естественно и разумно относиться к окружающему миру, человеку нужно описать, понять и объяснить существенные взаимосвязи этого мира. Ему необходимо теоретически, хотя бы в известных границах, спрогнозировать точные или возможные результаты своих действий и их

последствий, представить концепцию, которая затем может стать руководящей идеей и законом практической деятельности.

Важно учесть, что человеческое поведение постоянно детерминировано не только окружающим миром, его изменением, но и антиципацией, ее развитием, совершенствованием. Антиципирующая роль сознания характеризует уровень развития свободы человека, ибо свобода – это сознательное господство (преимущество) человека над естественной и общественной средой и над самим собой, основанное на понимании взаимосвязей мира.

Лаконичный вывод философов позволяет сосредоточиться на главном: антиципации служат развитию продуктивных потенциальных возможностей индивидов, повышению уровня сознания и свободы выбора ими варианта деятельности.

Психология, изучая происхождение, структуру и функционирование сознания индивида, установила, что сознание характеризуется константностью и динамичностью, активностью; интенцией (направленностью) на предмет; способностью к рефлексии, самонаблюдению (осознанию самого себя); мотивационно-ценностным характером; различной степенью (уровнями) ясности.

Место и структуру сознания в психике человека В. А. Ганзен изобразил в радиально-круговой системе координат (рис. 1), где сознание является ведущим (базисным) понятием, объединяющей категорией (базисом) для воли, мышления, аффекта и перцепции [5].

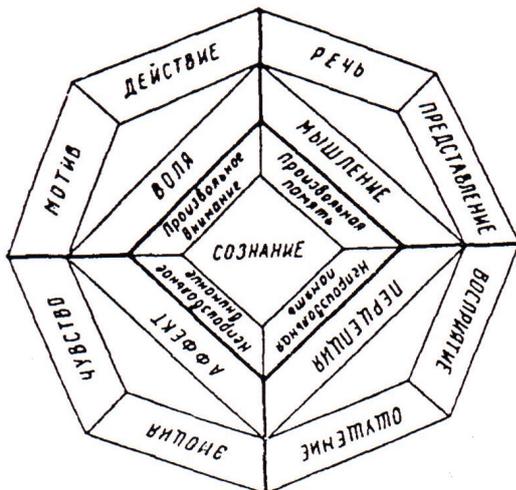


Рис. 1. Функциональная структура психики (в психологических категориях), представленная в радиально-круговой системе координат по В. А. Ганзену

Используя идею пентабазиса, состоящего из четырех рядоположенных понятий

(пространство, время, информация, энергия) и одного объединяющего (субстрат), В. А. Ганзен построил функциональную структуру психики (в психологических категориях), указывая на сознание как на высший интегратор психической жизни. Причем компоненты сознания выполняют функции отражения и регулирования, но доля их участия в этих процессах различна. Память, перцепция, мышление преимущественно осуществляют функцию отражения; внимание, аффект, воля – регулирования. Рассмотрение психических явлений с точки зрения выполняемых ими функций интеграции и дифференциации, отражения и регулирования в большой мере помогает созданию целостного научного представления о сознании и психике человека.

Эмпирически сознание выступает как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно предстающих перед субъектом в его «внутреннем опыте» и предвосхищающих его практическую деятельность. Канадско-французский психолог Ж. Годфруа называет сознание «мозаикой состояний», где уравнивается внешнее экстравертированное и внутреннее глубинное «свое» [6].

С одной стороны, человек должен быть частью объективного мира, в котором его Я вынуждено приспособляться к внешней реальности, с другой стороны, он погружается в субъективный мир измененных состояний сознания, из которого исключена всякая связь с внешней действительностью и временем. Понять эти состояния помогает синергетика. В сознании человека порядок и хаос не исключают друг друга, сосуществуют, способствуют развитию и самоорганизации – основной вывод синергетической онтологии. В таком случае необходимо сказать, что человек – одновременно открытая и закрытая саморегулирующаяся система.

В психологии способность системы в той или иной форме предвидеть развитие событий, явлений, результатов действий называется антиципацией.

Различают два аспекта этого понятия: а) способность организма человека или животного подготовиться к реакции на какое-либо событие до его наступления («опережающее отражение»); б) способность человека представить возможный результат действия до его осуществления (может быть, в некотором смысле способность к сверхчувствительному восприятию, к ясновидению, которой, как оказывается, в разной степени наделены все люди), а также возможность его мышления представить способ решения

проблемы до того, как она реально будет решена (иногда может быть интуитивное «целостное охватывание» условий проблемной ситуации).

Иными словами, предсказание представляет собой такой аспект антиципирующей (прогностической) деятельности человека, когда сознание исследует в форме идеальной модели положения, которые недоступны опыту и проверке. Антиципирующая деятельность сознания тесно связана с поведением человека, с целесообразной деятельностью по преобразованию мира в соответствии с потребностями и интересами людей, которые развиваются в процессе практического овладения миром.

Кроме того, психология стремится понять механизмы антиципации. Б. Г. Ананьев, исследуя сенсорную организацию человека, выявил, что антиципация выступает в роли «связующего звена», обеспечивающего переходы от ощущения к восприятию, от восприятия к представлению и от представления к мышлению [1].

Б. Ф. Ломов и Н. Е. Сурков утверждают, что вероятностное прогнозирование как одна из форм антиципации является существенным компонентом непреднамеренного запоминания. Ими выявлено, что процесс предсказания образует своеобразную систему координат (систему опорных точек), относительно которых оценивается временное отражение событий, – это «канва» для запоминания действительных событий. Предвидению, антиципации принадлежит важная роль также в процессах воспроизведения запомненного материала. Именно будущее, например цель или установка, как бы направляют процессы селекции и организации сохранения информации [8].

Более отчетливо роль антиципации обнаруживается в процессах мышления. Можно даже сказать, что мышление – это прежде всего предвидение. Антиципация, базирующаяся на «забегающей» вперед работе мозга, представляет собой проявление познавательной активности субъекта, позволяющей в ответ на стимулы, действующие только в настоящем, предугадывать или предвосхищать еще не наступившие события, используя накопленный в прошлом опыт, и быть готовым к встрече с ними.

Особая роль отводится цели деятельности, которая, по существу, является моделью вероятного будущего. Но в ходе временной развертки она уточняется и конкретизируется, обретая черты определенности. Являясь феноменом антиципации и детерминантой

(причиной) деятельности, цель демонстрирует способность человека быть относительно независимым от непосредственного внешнего воздействия, памятуя при этом, что внешние причины всегда действуют через внутренние условия (С. Л. Рубинштейн).

Для понимания механизма опережающей поддержки важны размышления Б. Ф. Ломова и Н. Е. Суркова о структуре человеческой деятельности, представляющей собой сложный, интегративный процесс. В каждом конкретном случае в нем объединяется комплекс гностических, исполнительных, настроенных, «следящих» аппаратов соматических и вегетативных компонентов [8].

Системный характер психики при сохранении целого обеспечивает возможность выделения частей из структуры целого. Антиципация на субсенсорном и сенсомоторном уровне – упреждение, на перцептивном – предвидение, на представленном – предвосхищение, на речемыслительном – предсказание.

Качественные особенности отражения на этих уровнях познавательной деятельности, по-видимому, характеризуют «ядро» способности прогнозирования. Принцип единства сознания и деятельности в приложении к психологическим аспектам прогнозирования предполагает, что любая человеческая деятельность обязательно включает прогнозирование как способность, которая зарождается, проявляется и формируется в деятельности.

Как любая другая, прогностическая способность, формируясь в деятельности, вместе с тем определяет и ее успешность. Так, А. А. Бодалев называет знатоками тех людей, у кого с наблюдательностью тесно связана особая форма интуиции, заключающаяся в способности данного человека на основе быстрой оценки характеристик наружности, оформления внешности и манеры поведения людей определить их внутреннюю суть, направленность личности, будущие действия [3].

П. Я. Гальперин в своей системе поэтапного формирования умственных действий (от постепенного освоения каждой операции сначала «на пальцах» – в материальном плане, и только потом через ряд ступеней – в уме, в идеальном плане) рассматривал психические процессы как особый вид «ориентированной» деятельности [4].

В. А. Петровский, исследуя «надситуативную активность» субъекта, описал механизм рождения побуждения (повтор наяву своего мысленного действия). Чтобы освоить и осу-

ществить любое действие по требованию, мы обязательно его сначала мысленно «проигрываем». Когда сложился навык, предварительное моделирование ситуации в уме сворачивается, происходит мгновенно, человек действует как бы автоматически. Меняется ситуация, необходимо освоить еще какое-то действие, и мы снова начинаем ту же работу, «прикидывая наперед» все предстоящие операции. И в этой «репетиции» участвуют все психические «службы» организма [10].

Обобщая вышесказанное, отметим, что в ходе общественно-исторического развития изменялись человек, его сознание, способность и методы прогнозирования. В повседневной жизни людей первобытно-общинного, феодального и раннего капиталистического общества было распространено прогнозирование по аналогии, на основе цикличности, повторяемости. Этот опыт прогнозирования нашел отражение в народной педагогике, пословицах и поговорах.

Изменялись сознание и возможности познавательной деятельности человека. Нельзя не согласиться с Б. Т. Лихачевым, который указывал на то, что познание объективной действительности, в сущность которой человек не может проникнуть одновременно и исчерпывающе, требует от него развитого мышления и богатого творческого воображения: выдвижения гипотез, разработки представлений о спонтанных сущностных процессах и методик их изучения, создание моделей, схем технологических процессов, форм воплощения продуктов труда и организации производства [7, с. 34]. Данные требования, по существу, раскрывают содержание прогностической способности человека.

Л. А. Регуш исследовала проблему развития способности прогнозирования в познавательной деятельности человека в период «дошкольник – юноша». Она установила, что прогностическая способность является интегрирующей, объединяющей в себе познавательные процессы, эмоционально-мотивационные свойства, когнитивную и регулятивную функции отражения [11]. Многообразие качеств продуктивного мышления (беглость, гибкость, глубина, оригинальность) обеспечивает возможности прогнозирования, устанавливает необходимость выявления причинно-следственной

зависимости, реконструкции и преобразования представлений, выдвижения и анализа гипотез, разработки планирования.

Анализ сущности прогноза, антиципирующей способности и прогностической деятельности в научной литературе позволил нам выделить особенности ключевого понятия, необходимого для исследования проблемы опережающей поддержки личного развития воспитанника в образовательном процессе.

Разъясняя курсантам, аспирантам, психологам и сотрудникам уголовно-исполнительной системы основы опережающей педагогической поддержки, необходимо убедить их в том, что прогностическая способность – это индивидуально-психологическая особенность личности, выступающая предпосылкой успешного выполнения любой деятельности, одна из основных функций человеческого сознания. В генезисе она развивалась из биологической способности к предвосхищению в процессе взаимодополнения и взаимопроникновения орудийной и социальной деятельностей. Базируется на интуиции и антиципации, «забегающих» вперед процессах работы мозга.

Прогностическая способность, с одной стороны, выступает как познавательная, надситуативная активность субъекта, позволяющая в ответ на стимулы настоящего, используя опыт прошлого, проектировать, предугадывать или предвосхищать еще не наступившие события будущего, формулируя цель деятельности, которая и есть «модель потребного будущего».

С другой стороны, она объединяет в себе познавательные процессы, эмоционально-мотивационные свойства, когнитивную и регулятивную функции отражения. Она изменяется и развивается в процессе исторического развития человеческого общества, жизни отдельного индивида, связана с возрастными новообразованиями, усложняется от сенсорно-моторного и перцептивного уровня к речемыслительному, является показателем и результатом профессионального мастерства. И в-третьих, прогнозирование как высшая ступень предвидения представляет собой познавательный процесс целенаправленного осознания будущего, теоретическое обоснование прогноза, то есть соединяет в себе прогностическую способность и деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания // Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр. : в 2 т. / под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. М., 1980. Т. 1. С. 16–179.

2. Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер Г. Философия и прогностика: мировоззренческие и методологические проблемы общественного прогнозирования. М., 1971. 424 с.
3. Бодалев А. А. Психология общения. М. ; Воронеж, 1996. 256 с.
4. Гальперин П. Я. Введение в психологию : учеб. пособие для вузов. М., 1999. 332 с.
5. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984. 176 с.
6. Годфруа Ж. Что такое психология : в 2 т. М., 1992. Т. 1. 496 с.
7. Лихачев Б. Т. Педагогика : курс лекций. М., 1992. 528 с.
8. Ломов Б. Ф., Сурков Н. Е. Антиципации в структуре деятельности. М., 1980. 279 с.
9. Никитина А. Г. Предвидение как человеческая способность. М., 1975. 151 с.
10. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996. 512 с.
11. Регуш Л. А. Развитие способностей прогнозирования в познавательной деятельности : учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1983. 84 с.
12. Ухтомский А. А. Избр. тр. Л., 1978. 358 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of cognition]. Anan'ev B. G. Izbr. psihol. tr. : v 2 t. / pod red. A. A. Bodaleva, B. F. Lomova [Selected psychological works : in 2 vol. : ed. by A. A. Bodalev, B. F. Lomov]. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 16–179. (In Russ.).
2. Bauehr A., Eijhgorrn V., Kreber G. Filosofiya i prognostika: mirovozzrencheskie i metodologicheskie problemy obshchestvennogo prognozirovaniya [Philosophy and prediction: worldview and methodological problems of social forecasting]. Moscow, 1971. 424 p. (In Russ.).
3. Bodalev A. A. Psihologiya obshcheniya [Communication psychology]. Moscow ; Voronezh, 1996. 256 p. (In Russ.).
4. Gal'perin P. YA. Vvedenie v psihologiyu : ucheb. posobie dlya vuzov [Introduction to psychology : tutorial for universities]. Moscow, 1999. 332 p. (In Russ.).
5. Ganzen V. A. Sistemnye opisaniya v psihologii [System descriptions in psychology]. Leningrad, 1984. 176 p. (In Russ.).
6. Godfrua ZH. CHto takoe psihologiya : v 2 t. [What is psychology : in 2 vol.]. Moscow, 1992. Vol. 1. 496 p. (In Russ.).
7. Lihachev B. T. Pedagogika : kurs lekciy [Pedagogy : a course of lectures]. Moscow, 1992. 528 p. (In Russ.).
8. Lomov B. F., Surkov N. E. Anticipacii v strukture deyatel'nosti [Anticipation in the structure of activity]. Moscow, 1980. 279 p. (In Russ.).
9. Nikitina A. G. Predvidenie kak chelovecheskaya sposobnost' [Foresight as a human ability]. Moscow, 1975. 151 p. (In Russ.).
10. Petrovskij V. A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub»ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don, 1996. 512 p. (In Russ.).
11. Regush L. A. Razvitie sposobnostej prognozirovaniya v poznatel'noj deyatel'nosti : ucheb. posobie k speckursu [Development of forecasting skills in cognitive activity : a manual for the special course]. Leningrad, 1983. 84 p. (In Russ.).
12. Uhtomskij A. A. Izbr. tr. [Selected Works]. Leningrad, 1978. 358 p. (In Russ.).

УДК 159.9.075

DOI 10.46741/2076-4162-2019-13-1-141-146

Особенности самоотношения у курсантов с разным уровнем склонности к манипулированию

Т. А. БАСИНА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье рассматриваются результаты исследования уровня сформированности склонности к манипулированию другими людьми на примере курсантов ведомственного учреждения с целью установления различий в особенностях их отношения к себе. Исследование проводилось на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России. В нем приняли участие 65 курсантов 2 и 3 курсов психологического факультета. Использовались методика В. В. Знакова «Опросник на макиавеллизм» и методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева. В результате анализа данных с использованием методов математической статистики были установлены отрицательные корреляционные взаимосвязи между склонностью к манипулированию и закрытостью, саморуководством, представлением о способности вызвать у других уважение и симпатию, самоценностью и самопривязанностью курсантов. Также были установлены различия по уровню закрытости, восприятию отношения других людей к себе, самопривязанности у курсантов с разной склонностью к манипулированию и значимые различия по шкалам «внутренняя конфликтность» и «саморуководство» между курсантами с низкой и средней склонностью к манипулятивному поведению. Полученные данные свидетельствуют о том, что высокая склонность к манипулированию сочетается с неуверенностью в себе, низким самоуважением, неудовлетворенностью собой, восприятием себя как недостойного уважения

и симпатии окружающих. Результаты исследования подчеркивают необходимость коррекции склонности к манипулятивному поведению для изменения отношения человека к себе и другим людям. Полученные данные могут быть использованы в деятельности практических психологов.

Ключевые слова: самоотношение; манипуляция в общении; склонность к манипулированию; макиавеллизм; курсанты ведомственного учреждения.

19.00.06 – Юридическая психология

Features of self-attitude among cadets with different levels of propensity to manipulate

T. A. BASINA – Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The article discusses the results of a study of the level of development of the propensity to manipulate other people on the example of cadets of a departmental institution in order to establish differences in the characteristics of their relationship to themselves. The study was conducted on the basis of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. It was attended by 65 cadets of the 2nd and 3rd courses of the Faculty of Psychology. The methods used by V. V. Znakov "Questionnaire for Machiavellianism" and the method of studying self-replication by S. R. Pantileev were used. As a result of data analysis using mathematical statistics methods negative correlation relationships were established between the tendency to manipulation and closeness, self-management, the idea of the ability to arouse respect and sympathy in others, self-worth and self-reliance of cadets. Differences in the level of closeness, perception of other people's attitudes towards themselves, self-attachment among students with different propensities for manipulation and significant differences on the "internal conflict" and "self-management" scales between students with low and medium propensity for manipulative behavior were also established. The findings suggest that a high propensity to manipulate is combined with self-doubt, low self-esteem, dissatisfaction with oneself, and perception of oneself as not worthy of the respect and sympathy of others. The results of the study emphasize the need to correct the propensity for manipulative behavior in order to change a person's attitude to himself and other people. The data obtained can be used in the activities of practical psychologists.

Key words: self-attitude; manipulation of communication; propensity to manipulate; Machiavellianism; cadets of departmental institutions.

19.00.06 – Legal psychology

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предъявляет повышенные требования к личности сотрудников, что должно отражаться на подготовке курсантов. Как известно, длительное нахождение человека в закрытом учреждении непосредственно сказывается на формировании его личностных качеств. Ведомственный вуз можно отнести к числу закрытых учреждений с собственными требованиями и правилами, закрепленными в нормативных документах. Длительное нахождение в подобных условиях не может проходить бесследно для личности в юношеском возрасте. Следовательно, обучение в таком вузе и проживание в казарменных условиях может

способствовать развитию склонности к манипулированию как одного из свойств личности.

Манипуляция в общении – это преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей [3, с. 74]. Исходя из этого определения, практически любое скрытое действие или высказывание человека можно считать манипуляцией.

Американские психологи Р. Кристи и Ф. Гейз для обозначения склонности человека к манипулированию предложили понятие «макиавеллизм». В дальнейшем

данное понятие на разных выборках изучалось в работах Ф. Хантера, В. В. Луцкиной, В. В. Знакова и др. Макиавеллизм как личностная черта отражает желание и намерение человека манипулировать другими людьми. Это «склонность манипулировать другими, скрывая свои истинные намерения, и с помощью ложных отвлекающих маневров (лесть, обман, подкуп, запугивание) добиваться того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил первоначальные цели своего поведения» [1, с. 16]. Макиавеллист сознательно игнорирует социальную мораль, проявляя при этом циничное отношение к другим людям для достижения собственных целей. В настоящее время понятия «манипулятор» и «макиавеллист» часто рассматриваются как синонимы.

Склонность к манипулированию как личностная черта формируется в процессе жизни. Этому способствуют определенные личностные особенности и ситуации общения, нормы общества и культурные традиции. В психологии существует предположение, что данная склонность связана с коммуникативными трудностями человека, с его неумением общаться другими способами, чтобы быть услышанным. Так, С. А. Зелинский отмечает эмоциональную отчужденность макиавеллистов, неспособность к глубоким контактам [2, с. 69]. В основе же, скорее всего, лежит неуверенность в себе и неверие в собственные силы.

Обучение в ведомственном учреждении имеет свои особенности, связанные с совмещением служебных обязанностей и учебной деятельности, проживанием в казарме, нарядами, точным соблюдением распорядка дня и дисциплиной. Чтобы «выжить» в курсантской среде и быть успешным в учебной и служебной деятельности необходимо прибегать к определенным уловкам и хитростям, особенно это характерно для юношей, которые проживают в казарме дольше, чем девушки. В связи с этим была поставлена задача изучить уровень склонности к манипулированию курсантов, обучающихся в ведомственном вузе, а также сравнить особенности отношения к себе у курсантов, имеющих разный уровень склонности к манипулированию.

С использованием методики В. В. Знакова «Опросник на макиавеллизм» и методики исследования самооотношения С. Р. Панталева было проведено исследование, в котором приняли участие 65 курсантов 2 и 3 курсов ВИПЭ ФСИН России. Именно данная категория обучающихся чаще проживает в

расположении института, особенно юноши, и, следовательно, более подвержена влиянию специфики ведомственного учреждения.

Анализ результатов, полученных по методике В. В. Знакова, показывает, что большая часть опрошенных (69 %) имеет средний уровень выраженности личностного макиавеллизма, то есть они в меру эмоциональны и доверчивы, могут ориентироваться и на достижение цели, и на конкретного человека в зависимости от ситуации, иногда могут демонстрировать конформность, а иногда отстаивать собственное мнение.

Пятая часть респондентов (20 %) имеет низкий уровень склонности к макиавеллизму, то есть отличается чрезмерной доверчивостью, подвержена социальному влиянию, ориентирована на других, зависима от эмоций и давления со стороны других людей, менее инициативна и компетентна в социальном взаимодействии.

Оставшиеся 11 % курсантов относятся к группе с высоким уровнем склонности к манипулированию, что характеризует их как безэмоциональных, хладнокровных людей, способных использовать других в собственных целях, противостоять социальному влиянию и отстаивать собственную позицию с использованием лжи, обмана, запугивания, лести и других манипулятивных приемов.

По методике С. Панталева были получены следующие результаты. Анализ средних значений в группе курсантов с низким уровнем склонности к манипулированию по комплексным факторам самоуважения и аутосимпатии показывает, что они относятся к среднему уровню выраженности, а по шкале внутренней неустроенности – к низкому уровню, то есть курсанты с низкой манипулятивной склонностью отличаются средним уровнем самоуважения и аутосимпатии, а также низкой внутренней конфликтностью и самообвинением. Наибольший уровень выраженности в данной группе имеет шкала «самоценность», значения которой близки к высокому уровню, что характеризует курсантов с низкой манипулятивной склонностью как эмоционально открытых, легких в общении, воспринимающих себя принятыми другими людьми.

Анализ частот распределения по фактору самоуважения в данной группе испытуемых показывает, что 23 % курсантов с низкой склонностью к манипулированию имеют высокое самоуважение, а 77 % – среднее. Низкий уровень самоуважения для данной группы не характерен. По фактору аутосим-

пяти 8 % курсантов имеют высокий уровень симпатии к себе, остальные – средний. Низкого значения в данной группе также не представлено. Большая часть опрошенных с низкой склонностью к манипулированию (62 %) имеет средний уровень внутренней неустроенности, причем ближе к низкому, а у 38 % внутренняя неустроенность и конфликтность имеют низкий показатель. Полученные результаты свидетельствуют о том, что курсанты с низким уровнем склонности к манипулированию отличаются достаточно хорошим уровнем оценки собственного Я по критериям успешности, воли, целеустремленности, высоким ощущением самооценности, хорошим уровнем самопринятия и достаточно низкой внутренней конфликтностью, практически не склонны к самообвинению.

Анализ средних значений в группе курсантов со средней склонностью к манипулированию показывает, что значения всех трех комплексных факторов относятся к среднему уровню выраженности, то есть курсанты со средним уровнем макиавеллизма, как правило, имеют средний уровень самооужания, симпатии к себе и внутренней неустроенности. Как видно, отличие от предыдущей группы появляется в уровне неустроенности, который у опрошенных с низкой склонностью к манипулированию был в среднем низким. Наибольшие значения в данной группе испытуемых имеют шкалы «самоценность» и «самоуверенность», но их значения являются средними.

Анализ частот распределения данных показателей в группе опрошенных со средними значениями макиавеллизма свидетельствует, что большая часть курсантов имеет средний или высокий уровень самооужания (80 % и 20 % соответственно) и аутосимпатии (89 % и 11 % соответственно). По шкале внутренней неустроенности результаты схожи, но можно выделить 2 % курсантов, которые ощущают высокую внутреннюю неустроенность и конфликтность. Остальные (98 %) относятся по данному фактору к среднему или низкому уровню (78 % и 20 % соответственно). Полученные результаты показывают, что при среднем уровне склонности к манипулированию другими людьми курсанты отличаются средней оценкой позитивности собственного Я, самопринятия и самооценности, а также внутренней неустроенности.

В группе опрошенных с высоким уровнем склонности к манипулированию средние значения относятся также к среднему уровню выраженности, однако значения по факторам самооужания и аутосимпатии

значительно ниже, чем в других группах респондентов. Наименьшие значения в данной группе испытуемых имеют шкалы «отраженное самоотношение» и «самопривязанность». Их показатели находятся в пределах среднего уровня, но близки к низким.

Анализ частот распределения данных показателей в группе с высокой манипулятивной склонностью говорит о наличии опрошенных с низким самооужанием. Таких курсантов 14 %, остальные имеют средний уровень самооужания. Высокого самооужания нет ни у кого из опрошенных. Аналогичные данные получены по шкале аутосимпатии. По фактору внутренней неустроенности по 43 % респондентов относятся к низкому или среднему уровням выраженности, а 14 % ощущают высокую внутреннюю неустроенность, что выше, чем в предыдущих группах. Следовательно, группа курсантов с высокой склонностью к манипулированию отличается небольшим количеством лиц с низкими самооужанием и аутосимпатией и с высоким уровнем внутренней неустроенности. Хотя в целом группа опрошенных с высоким макиавеллизмом имеет среднюю оценку позитивности собственной личности, средний уровень самопринятия и социального одобрения, но уровень их ниже, чем в группах с низким и средним мак-показателем. Также данная группа отличается довольно низкими показателями самопривязанности и представлением о неспособности вызвать у других уважение и симпатию.

Для статистической проверки наличия взаимосвязи между склонностью к манипулированию у курсантов и особенностями их самоотношения был осуществлен расчет рангового коэффициента корреляции Спирмена. Его результаты показали наличие взаимосвязи склонности к манипулированию с пятью характеристиками самоотношения курсантов: закрытостью, саморуководством, отраженным самоотношением, самооценностью (при $r=0,01$) и шкалой «самопривязанность» (при $r=0,05$). По данным шкалам были получены отрицательные корреляционные связи умеренной силы. Полученные результаты свидетельствуют, что высокая склонность к манипулированию у курсантов сочетается с открытостью и общительностью, хорошим пониманием себя, готовностью измениться при необходимости, но при этом с переключением ответственности на внешние обстоятельства, неспособностью противостоять судьбе, низким саморуководством, отсутствием уваже-

ния и симпатии к себе, неуверенностью в себе, повышенной чувствительностью к замечаниям и критике, высокой критичностью, неудовлетворенностью собой. Такие люди не способны скрывать от себя и других даже неприятную информацию, несмотря на ее незначимость, постоянно ищут в себе недостатки и хотят их изменить, чтобы соответствовать собственному идеальному представлению.

При низкой склонности к манипулятивному поведению курсанты отличаются большей уверенностью в себе, принятием себя, интернальностью, высоким саморуководством, восприятием себя принятыми другими людьми, пониманием собственной значимости для других, самодостаточностью, но при этом большей закрытостью, необщительностью, желанием соответствовать общепринятым нормам, конформностью, подчиняемостью другим, нежеланием раскрываться и выдавать значимую информацию о себе, менять себя.

Для установления различий между группами курсантов с разной склонностью к манипулированию по особенностям самоотношения был осуществлен расчет критерия Манна – Уитни. В результате были получены значимые различия по шкалам «закрытость», «отраженное самоотношение», «самопривязанность» между всеми группами испытуемых. Также были установлены значимые различия по шкалам «внутренняя конфликтность» и «саморуководство» между курсантами с низкой и средней склонностью к манипулятивному поведению. Таким образом, полученные результаты показывают, что курсанты с различным уровнем склонности к манипулированию отличаются уровнем открытости, критичности, зависимости от мнения других, уверенности и уважения к себе, внутренней удовлетворенности собой, представлением о собственной способности вызывать у других людей уважение и симпатию. Курсанты с низким уровнем манипулятивной склонности отличаются внутренним стержнем, уверенностью в контроле собственных мыслей и чувств, низкой внутренней конфликтностью, отрицанием внутренних проблем, положительным отношением к себе, согласием с собой, отсутствием тенденции к «самокопанию» и рефлексии и считают основным источником всего происходящего себя в отличие от курсантов со средним уровнем склонности к манипулированию.

Анализ различий в уровне самоотношения по факторам самоуважения, аутосим-

патии и неустроенности методики С. Пантлеева показал, что значимые различия существуют лишь по уровню самоуважения между группами курсантов с низким и средним, с низким и высоким уровнями склонности к манипулированию, а также по уровню внутренней неустроенности у курсантов с низким и средним уровнями склонности к манипулятивному поведению, то есть курсанты с низким уровнем склонности к манипулированию имеют более высокую оценку собственного Я по критериям моральности, успешности, воли, целеустремленности, социального одобрения и низкую внутреннюю конфликтность и самообвинение, отрицают наличие у себя проблем, довольны собой, чем курсанты с высоким уровнем манипулятивной склонности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Так, было установлено, что среди опрошенных курсантов ведомственного учреждения преобладает средний уровень склонности к манипулированию. Была выявлена обратная взаимосвязь между склонностью к манипулированию другими людьми и характеристиками самоотношения. Чем выше склонность к манипулированию у человека, тем ниже его конформность, ожидание социального одобрения, саморуководство. Он отличается неуверенностью в себе, недооценкой собственного Я, повышенной чувствительностью к замечаниям и критике окружающих, высокой критичностью. При высокой склонности к манипулированию обучающийся считает, что он не способен вызвать уважение и симпатию у окружающих.

Также было установлено, что существуют значимые различия в особенностях отношения к себе при разном уровне склонности к манипулированию. Курсанты с низким уровнем склонности к манипулированию отличаются желанием соответствовать общепринятым нормам, высоким саморуководством, невысокой внутренней конфликтностью. Курсанты со средней манипулятивной склонностью больше ориентируются на собственные оценки, позитивнее относятся к себе, но отличаются большей внутренней конфликтностью, неожиданные трудности, возникающие препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов. Высокий макиавеллизм курсантов сочетается с хорошей рефлексией и пониманием себя, ориентацией на собственное мнение, но низким самоуважением, самопринятием, неудовлетворенностью собой,

оценкой себя как недостойного симпатии и уважения окружающих, склонностью использовать других для достижения собственных целей. Подобное поведение часто вызывает у окружающих неодобрение, а лица с высоким макиавеллизмом подвержены дезадаптации и социальной изо-

ляции. Поэтому необходимо не только обучать таких людей конструктивным способам взаимодействия с окружающими, но и осуществлять коррекцию их самовосприятия, самооценки и отношения к себе, что будет благотворно сказываться на их отношении к другим людям.

■ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 5. С. 16–22.
2. Катунин Д. Б., Куликов Л. В. Макиавеллизм как психологическая проблема: история вопроса // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2006. Вып. 2. С. 68–78.
3. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. М., 2017. 382 с.

■ REFERENCES

1. Znakov V. V. Machiavellizm: psihologicheskoe svojstvo lichnosti i metodika ego issledovaniya [Machiavellianism: the psychological property of the individual and the method of his research]. Psihol. zhurn. – Psychological Journal. 2000. Vol. 21. Iss. 5. P. 16–22. (In Russ.).
 2. Katunin D. B., Kulikov L. V. Machiavellizm kak psihologicheskaya problema: istoriya voprosa [Machiavellianism as a psychological problem: background]. Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 6 – Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6. 2006. Iss. 2. P. 68–78. (In Russ.).
 3. Sidorenko E. V. Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu [Training of influence and opposition to influence]. Moscow, 2017. 382 p. (In Russ.).
-

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ**

Анапольская А. И., доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: alinaanapolskaya@mail.ru

Басина Т. А., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: Tatbasina25@yandex.ru

Боровиков С. А., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Валькова Е. В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, ВИПЭ ФСИН России. E-mail: Elena23477@mail.ru

Голодов П. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pl-family@yandex.ru

Дворецкий М. Ю., доцент кафедры правовых дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dvoretzkiy-68@mail.ru

Ефименко А. А., старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: AAE.13@yandex.ru

Ефремова Н. М., преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: efremova.bagira@yandex.ru

Зауторова Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

Карпунина В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vikavi5@rambler.ru

Кевля Ф. И., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: fkevlya@mail.ru

Ковалев С. В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам. E-mail: vipe@35.fsin.su

Кондратовская С. Н., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Swetoc76@mail.ru

Кузьмин С. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России; главный научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Кузьминых А. Л., профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент. E-mail: istorial@mail.ru

Лапшин В. Е., профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Латышева Л. А., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

Малетина Е. А., начальник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Нагорных Р. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Некрасов В. Н., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: Vnnekrasow@mail.ru

Новиков Е. Е., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mavr-85@mail.ru

Оботурова Н. С., профессор кафедры истории и философии ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: oboturova@inbox.ru

Павлов А. А., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН, кандидат юридических наук. E-mail: pavloff.albtrt@yandex.ru

Писарев О. М., начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН

России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: olbig@sibmail.com

Рудаков А. М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Санташов А. Л., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Селиверстов В. И., профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Email: office@law.msu.ru.

Середа С. П., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, кандидат юридических наук. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Старостин С. И., ведущий архивист Вологодского областного архива новейшей политической истории. E-mail: vol_star@mail.ru

Уторова Т. Н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: tatianautorova@yandex.ru

Чирков А. М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Шаханов В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Щербакова Д. С., курсант 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: oxicoz@yandex.ru

President of the Russian Federation, PhD. in Law. E-mail: alinaanapolskaya@mail.ru

Basina T. A., Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: Tat-basina25@yandex.ru

Borovikov S. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Chirkov A. M., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Dvoretzky M. Yu., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: dvoretzkiy-68@mail.ru

Efimenko A. A., Senior Lecturer of the Department for the Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Advanced Training Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics. E-mail: AAE.13@yandex.ru

Efremova N. M., Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the of the Vologda Institute of Law and Economics the Federal Penal Service of Russia. E-mail: efremova.bagira@yandex.ru

Golodov P. V., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pl-family@yandex.ru

Karpunina V. V., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: vikavi5@rambler.ru

Kevlya F. I., Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor. E-mail: fkevlya@mail.ru

Kondratovskaya S. N., Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Swetoc76@mail.ru

Kovalev S. V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vipe@35.fsin.su

Kuzmin S. I., Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Department for Studying Domestic and Foreign Experience, History of the

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anapolskaya A. I., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Tambov Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the

Penal System, Comparative Analysis of Penal Law of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Kuzminykh A. L., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor. E-mail: istorial@mail.ru

Lapshin V. E., Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Latyшева L. A., Senior Lecturer of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: mila.latyшева.1988@mail.ru

Maletina E. A., Head of Department for Studying Domestic and Foreign Experience, History of the Penal System, Comparative Analysis of Penal Law of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Nagornyykh R. V., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Nekrasov V. N., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: Vnnekrasov@mail.ru

Novikov E. E., Associate Professor of the Department of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: mavr-85@mail.ru

Oboturova N. S., Professor of the Department of History and Philosophy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: oboturova@inbox.ru

Pavlov A. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: pavloff.albtrt@yandex.ru

Pisarev O. M., Head of the Department for the Organization of Personnel, Social, Psychological

and Educational Work of the Tomsk Advanced Training Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: olbig@sibmail.com

Rudakov A. M., Researcher of the Research Laboratory of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Santashov A. L., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

Seliverstov V. I., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. E-mail: office@law.msu.ru

Sereda S. P., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: stasereda2006@yandex.ru

Shakhanov V. V., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration of President of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Administration of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Shcherbakova D. S., 5th Year Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: oxicoz@yandex.ru

Starostin S. I., Leading Archivist of the Vologda Regional Archive of Contemporary Political History. E-mail: vol_star@mail.ru

Utorova T. N., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: tatianautorova@yandex.ru

Valkova E. V., Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: Elena23477@mail.ru

Zautorova E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education Sciences. E-mail: elvira-song@mail.ru